В выпуске:

из архива

Около с. Самаровского я посетил древнее городище, которое, как и многие городки по Конде, имеет священное значение в глазах остяков. Этот город «Тунк-поха», т.е. «сына лета», одного из остяцких божеств. «Каменный» мыс, на котором расположено городище, считается земной резиденцией этого божества. Существует верование, что здесь он спускается на землю и здесь же поднимается на небо.

С. Патканов. **Предварительный отчет в ИАК**

реституция перемещенных ценностей

Предчувствие же говорит мне, что я делаю не плохо и что Сибирь радушно встретит меня и не злою мне будет мачехой. Эх, если бы все предчувствия сбывались!! Вот и ты, милейший брат, сбираешься поехать в Сибирь, да еще куда? — в восточные ее пределы! Не знамение ли это? Не влечет ли туда нас с тобою обоих наше счастье путеводною золотою звездой?

П. Городцов. **Письма брату Василию**

TRIVIA (мелочи)

Однажды Сергей Филь, получив отказ в публикации в журнале своего очердного панегирика в адрес единственных покорителей Сибири — поляков, вспомнил прошлое редактора статьи, обозвав его пьяницей и не способным к восприятию гениальных открытий века. За что был спущен с лестницы. И надолго. Но никак не намочен, как утверждают авторы сценария.

Суета вокруг «Лукича»

Журнал издается с июня 1998 г. **Периодичность — 4 раза в год**

№2 **(22)**

Учредитель
Ю. Мандрика

Издатель
ООО «Издательство Юрия Мандрики»

Главный редактор
Ю. Мандрика

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

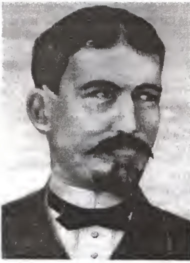
e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru
http://www.tmn.ru/~mandrika

Сдано в набор 15.02.2002.
Подписано в печать 05.08.2002.
Формат 60х84/16.
Гарнитура «TimesET». Офсетная печать.
Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. 13,02.
Тираж 300. Заказ №1608.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление



А.М. Афромеев*
(1868–1920)

28 апреля 1912 г. вышел первый номер афромеевского детища. А 29 апреля 1917 г. газета вышла под шапкой «Последний номер «Ермака».

Пять лет жизни города в газетных подшивках

На прощание страстный публицист писал к своему читателю: «Ленинцы, друзья немцев, безответственные ораторы, повыползшие ныне из разных щелей, и для которых Родина — звук пустой, не дремлют, они действуют и толкают Россию в пропасть. ...И неужели сейчас ярко сияющее солнце свободы ослепит нас настолько, что мы из-за нашей розни не сумеем удержать за собою золотую свободу?

Нет, мы ее должны удержать, мы ее и удержим».

Оптимизм человека, который, издавая «Ермак», пережил много разного: от описания имущества до ареста и ссылки, внушал читателю доверие. Газета, пытавшаяся владеть умами провинциального города в течение пяти лет, могла остаться в памяти только свободных граждан.

Чуть ниже, в том же прощальном слове, — проза о том, что новое издательство не захотело сохранить название газеты и состав редакции. Купил дело у Алексея Максимовича Афромеева, как сообщил любезно автору этих строк страстный коллекционер (и исторических фактов тоже) С.Н. Кубочкин, — Н.И. Беседных. И газета отныне стала называться «Свободное слово». Называлась, правда, недолго... Но это отдельная песня...

* Портрет Алексея Максимовича Афромеева выполнил тюменский художник Иван Худяков. Фотокопию работы художника предоставил редакции журнала краевед М.С. Яблоков.

* * *

Так случилось, что эти два события: выход первого номера «Ермака» и желание бывшего тюменского городского головы А.И. Текутьева вернуть себе свое помещение, которое он когда-то отдал под Пушкинскую библиотеку, — совпали. И новорожденный тут же норовил укусить почетного гражданина города, скромно подписывая заметку «Шмель»: «Сегодня он выкидывает библиотеку, через неделю может выбросить на улицу «Текутьевское» приходское училище, находящееся тоже в его доме, далее закрыть театр» (1912. № 1. С. 11).

Первый номер вышел в субботу, 28 апреля 1912 года, имел 16 полос формата А4 (запечатанная площадь 146x230 мм). Рубрики первенца имели достаточно жесткое место в издании, повторяясь из номера в номер: «Из дневника обывателя», «Отголоски тюменской недели», «Деревенские письма», «Тюменская неделя», «Общеполезные сведения», «Зигзаги»...

Газета, как правило, начиналась со слова редактора.

«Сибирский торговый посредник» умер. Да здравствует «Ермак» — этой калькой открывался первый номер газеты.

Издатель решил объясниться, почему же на смену «СТП» к читателю пришел «Ермак».

Во-первых, издание предназначалось для «обслуживания нужд нашей торговой промышленности, мы не рассчитывали на широкую массу, но жизнь скоро предъявила иные требования» (1912. № 1. С. 1). Во-вторых, «название было не из самых удачных» (Там же. С. 12). Читатель путался в названиях, уж очень они были похожие: «Сибирский торговый посредник» — «Сибирская торговая газета». В-третьих, «Посредников» только в Сибири оказалось три. В-четвертых, издатель протестовал своим поступком против тюменских коммерсантов: «Если им оказалась не нужною ими же созданная биржа <...>, то на что им какой-то «Посредник». И, в-пятых, издание, по мнению *Обывателя*, не завоевало симпатии коммерческого люда. Но потребители «были на стороне газеты» (Там же. С. 12).

Не только издатель считал, что газета «Ермак» является продолжением «Сибирского торгового посредника». Это зафиксировано в цензурном деле (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1912: Д. 86). Т.е., отмечая годовщину со дня выхода первого номера «Ермака», мы не совсем точны. Он начинался раньше. И не рассказать об этом нельзя, потому что больше может не подвернуться случая.

Как отреагировали тюменцы 1 ноября 1911 г. на выход в свет «Сибирского торгового посредника», сказать сложно. И тобольские, и тюменские газеты о факте скромно промолчали.

В ноябре-декабре увидело свет 56 номеров. Редактор-изда-

тель А.М. Афромеев сделал их сугубо рекламными. По четыре полосы с запечатанной площадью размером 550х360 мм. №№ 53 и 56 имели по шесть страниц.

В 1912 году издатель стал отдавать часть газетной площади под освещение жизни города. Он считал, что «ознакомление общества со всем, что выдвигает жизнь, не считаясь с тем, будет приятно или нет это отдельным личностям, может принести только пользу» (СТП. 1912. № 1. С. 1). В газете появились практически все рубрики, перекочевавшие потом в «Ермак».

№ 15-й.

СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ

ПОСРЕДНИКЪ

Съ 1 Января 1912 года

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. ТЮМЕНИ НОВАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА

„Сибирскій Торговый Посредникъ"

ВЪ ПРОГРАММУ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ.

Срокъ выхода не менѣе 2 разъ въ недѣлю.

Уже в первом номере *Независимый* дает ретроспективу — город тридцатилетней давности. «При полном невежестве населения о культурных начинаниях и не помышляли, после трудовой жизни дня нижний слой населения находил единственное развлечение в кабаках». Но сейчас, размышлял автор-псевдоним, когда есть железная дорога, когда в Тюмени есть «передовой порт Обь-Иртышской водной системы», когда торговая жизнь может называться развитой, «пробуждалось сознание в культурном развитии» города. *Независимый* называет имена П. Подаруева («скупил целый квартал домов и построил на свои средства здание для училища»), И. Колокольникова («открывает в Тюмени на свои средства коммерческое училище с правами средних учебных заведений»), А. Текутьева («ремесленное училище с целью образования рабочих, с технической подготовкой»), которые были великими жертвователями народного образования и помогали Тюмени прогрессировать в культурном отношении. Автор видит перспективу, верит в великое будущее города. Но финал его заметки «Эволюция Тюмени» скорее все-таки пессимистичен: «...наш город, несмотря на его значительное население, до сего времени не имеет водопровода, которым давно уже обзавелся сравнительно небольшой и бедный Тобольск» (С. 1–2).

Заявленное в программе ежедневное существование (до семи раз в неделю) А.И. Афромеев решает очень своеобразно. «СТП» в 1912 году выходил ежедневно в следующем виде: два номера в неделю с информацией общественно-политического характера (будем называть его «основной выпуск»). А между двумя основными — три номера рекламного характера с повторяющимся текстом о заочных лекциях А.М. Афромеева по семиструнной гитаре. Номера рекламного характера выходили форматом А4, предваряя будущую форму «Ермака». «СТП» имел двойную нумерацию: рекламные выпуски повторяли номер основного, второй же номер указывал на общее количество всех вышедших в году выпусков.

Газета видела и рассказывала. В каждом номере под рубрикой «Местная жизнь» публиковались разнообразные городские новости. Так, директор кинотеатра «Вольдемар», узнав о том, что в «СТП» телеграммы петербургских телеграфных агентств появляются на сутки раньше, чем в «Вестнике Западной Сибири» и «Сибирской торговой газете», купил «у конторы место в газете для объявления в размере 500 строк, где будет печатать свое либретто и программу своих картин». Затем владелец «Вольдемара» г. Ромашев планировал покупать несколько сотен номеров «СТП» и раздавать бесплатно зрителям (№ 2. С. 2).

О деле по обвинению редактора литературно-музыкального журнала «Аккорд» г. Афромеева в клевете; об иске рабочего Антона Ивановского к т-ву Н.Д. Машарова и К° за увольнение с работы без предупреждения за две недели; о сведении личных счетов «Сибирской торговой газеты» с бывшим своим сотрудником П.А. Рогозинским; о собрании городской Думы и многом другом мог узнать читатель из № 17.

Уже просмотрев наполнение рубрики «Местная жизнь» в одном номере, можно сказать, что «СТП» был менее всего похож на тараканий вопль[1]. Скорее, издатель помнил, что «всех нас батюшка Ермак... крестил». В том же №17 помещена заметка: «Вчера в управе встретились два хроникера местных газет,

[1] Как-то Иван Зипунов (скорее всего, псевдоним) поместил в газете «Зауралье» (издавалась в 1907 г. в Тюмени; вышло всего шесть номеров) фельетон «Тараканий вопль». Он рассказал о жителях Тьмутаракани, которые решили культурно расцвести. Выбор, как это сделать, был невелик: «конский статуй в натуральности на собственное иждивение поставить» или «заведем свою газету». «Нам чо — всех нас батюшка Ермак Тимофеевич крестил», — так появился «Тараканий вопль» (1907. №1. С.7–8). А поскольку газета предпочитала печатать о том, что написал в классном журнале наставник, или о месте выдачи корреспонденции в одной торговой конторе (*См. далее — С.92-122 наст. №* — библиографическое описание газеты «Сибирский голос» за 1906 г.), — «счастье тьмутараканцев было совсем отравлено».

Сибирскій Торговый
ПОСРЕДНИКЪ
Выходитъ въ городѣ Тюмени отъ одного до 7-ми разъ въ недѣлю.
Годъ первый. № 31-96.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.
Каждый урокъ стоитъ только 10 коп.
ПОРА УБѢДИТЬСЯ КАЖДОМУ,
ЧТО ЛУЧШЕЕ УДОВОЛЬСТВІЕ ЖИЗНИ - ЭТО ИЗУЧЕНІЕ МУЗЫКИ.
СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРѢ.
Заочные лекціи А. М. АФРОМѢЕВА, Тюмень, Тоб. губ.
Адресъ для требованій: Тюмень, А. М. Афромѣеву.
Каждый урокъ стоитъ только 10 коп.
Не нужно учителей и большихъ затратъ!
100 понятно написан уроковъ въ 6 серіяхъ.

явившиеся с одной целью: попользоваться злободневным материалом для завтрашнего номера. Но «материальца» для хроники оказалось мало, и репортеры негодуют на полное отсутствие жизни в Тюмени».

Прозрачно намекая на пустые, как барабан, выходившие в то время «Вестник Западной Сибири» и «Сибирскую торговую газету», «СТП» помещает в одном номере около двадцати информационных заметок, подчеркивая, что жизнь все-таки течет... И «*посредники*» не только являются ее свидетелями, но и летописцами.

Но хроникеры «СТП» помнят, что они еще и обыватели. И тогда из их дневника на страницы газеты выплескивается буйство балагана, словесный эквилибр, безжалостность шмеля.

Это действительно смешно: бывший городской голова снова получил анонимное письмо, в котором грозятся его убить, если тот снизит цену на крупчатку. Смешно потому, что город еще помнит время, когда в неурожай А. Текутьев поднял цены на хлеб. А еще смешнее, что известие о готовящемся покушении появляется в «Сибирской торговой газете». И кто об этом сообщает? При этом Андрей Иванович между делом упоминает былое время, когда в Тюмени издавалась газета, в которой «свили себе гнезда всякие гады и шмели, именующие себя сотрудниками... что печать — сила, с помощью которой можно с ног и до головы обливать человека составленными их обществом помоями». *Обыватель* называет имя газеты, которая принесла столько хлопот А.И. Текутьеву: «Ровно за две недели до появления «Сибирской нови» он поспешил подать в отставку из городских голов» (СТП. 1912. №13. С.3). Запомни, читатель, упомянутое *Обывателем* издание, мы еще к нему вернемся в конце истории о «Ермаке»...

Текутьевская литература — так называет «СТП» появление публикаций бывшего городского головы в местной прессе. Это целый пласт, соприкосновение с которым дает пищу для ума любому *Обывателю.* А уж «сказка про бабушку и господина

Юбкина» («Сибирская торговая газета», №63), текст которой относится к означенной литературе, в пересказе *Обывателя* из «СТП» выглядит так: «Одиннадцатая заповедь «Не зевай» в наш XX век вошла в нравственный кодекс интендантов, купцов, мельников... Всегда мне удивительной казалась логика гг. Юбкиных. Самим им в былое время красть, сбывать фальшивые кредитки, срезывать чаи было можно, а у них нажитое богатство «не смей трогать» (СТП. 1912. №24. С.2).

Или еще смешней.

Гость интересуется у *Обывателя*, глядя на портрет в думской зале: «Что это за избражение... Не для доказательства ли дарвиновской теории о происхождении видов?». Оказывается, на картине тюменский благодетель А. Текутьев... (СТП. 1912. №26. С. 2).

Или, речь о выборах... За кого голосовать, если не за «потомственного почетного гражданина (хотя и не имеет потомства). <...> Он богат, а в случае избрания в члены государственной думы наверное откажется от депутатского гонорара или пожертвует его на нужды родной Тюмени» (СТП. 1912. №27. С.2).

Ассоциативный мостик как прием. Текутьев, купцы, фальшивые кредитки... Это явления одного ряда или... Никто не сказал «да». Но о прошлом героя говорят много. Что правда, а что нет? *Обыватель* никогда этого не скажет. И в этом приеме больше журналистского перехлеста, нежели правды, недосказанности, нежели истины... А кто сказал, что последняя нужна обывателю... Это как в «Пиковой даме». Германн так и не понимает: подмигнула или показалось.

Из номера в номер издатель нащупывает нерв будущего «Ермака». Эта тема — Текутьев, его прошлое, прошлое города — необъятна.

15 апреля издание еще размещало объявление о подписке. Но последний номер «СТП» вышел 26 апреля 1912 г. под №31 (96). Издатель сделал все, как теперь говорят, для раскрутки своего будущего издания. Единственное, чего он не успел, так это выполнить обещание, помещаемое регулярно в рекламе. Опубликовать эскизы «Красногорского царька» из прошлого фабрики фальшивых кредитных билетов Бельченко в селе Красногорском Ялуторовского уезда. Там, после торговой сделки с Текутьевым и отъезда его в Тюмень, были обнаружены фальшивые деньги.

Зато «СТП» опубликовал статью «Самодур прошлого столетия» об Измайлове, которая стала трамплином в «ермаковскую» «Поездку самодура в столицу»...

Издание работало на контексте, который просматривается и сейчас.

Продолжение в следующем номере.

Письма брату Василию

* * *

Милый Вася, будь здоров!

Нынешний день, т.е. 26 ноября, я получил от тебя 10 р. — из глубины души благодарю. Из твоего письма я вижу, что ты получил только одно мое письмо, тогда как их было от тебя два: одно 20 октября, другое — 1 ноября. Жалею, что твое здоровье так хрупко, и сильно опасаюсь, не отозвались бы твои занятия нежелательными последствиями для твоего здоровья, во всяком случае, желаю тебе успеха.

Что сказать тебе о своей жизни? Живу я в Ярославле слишком однообразно, монотонно, при наиблагоприятных данных для того, чтобы жить очень весело, это зависит, конечно, от карманной засухи и, главное, от моей непривычки к обществу (от «несообщительности»), в котором вращаются студенты, а это общество очень аристократично, и неуменья танцевать, что, по крайней мере в моем положении, служит порядочным балластом, удерживающим от общества. Вот я и сижу постоянно дома (даже в театре Ярославском ни разу не был) и читаю книжки, большей частью юридические; наскучит сидеть, иду на бульвар или любуюсь Волгой, а она и зимой красива.

Недавно, т.е. 23 ноября, наши студенты справляли лицейский праздник. Был устроен вечер, который состоял из концертного отделения (были артисты ярославской сцены) и танцев, и студенческого пьянства в буфете, так называемом «мертвецкая». Помещение было отведено прекрасное, приглашена была полковая музыка. Присутствовало, кроме директора и профессоров, множество гостей обоего пола, были губернатор, генерала тричетыре, был голова города и пр., и пр. Словом, вечер был блестящий и сошел на славу. Я участвовал на вечере, но не был участником общего веселья, оставался в стороне в качестве постороннего зрителя. В настоящее время я занимаюсь подготовкой к экзамену, который будет 15 декабря, работы много, и даже очень. Я хочу после экзамена ехать в Рязань месяца на полтора, взявши предварительно отпуск у директора. Это будет полезно и в финансовом отношении, на дорогу пойдет меньше, чем на содержание в эти $1\frac{1}{2}$ месяца, и, что особенно важно, эта

поездка будет полезна в смысле правильного отдыха. Конечно, ты не против моей поездки?

Вместе с письмом к тебе я посылаю письмо в Дубровичи. Я прошу в нем папашу выслать мне еще 10 р. или р. 9. Из таким образом имеющих быть у меня 20, 19 р. я 15 отдам за нахлебничество за месяц с 14 ноября по 14 декабря и 4 — за литографирование лекций.

Уроков я не имею, работы доходной тоже, что вообще очень неприятно. Бумаги консистории получил. Итак, милый Вася, до скорого и счастливого свидания!

Любящий тебя твой брат студ. Городцов.

1884 г., ноября 26 дня.

Ярославль.

P.S. Если удастся найти уроки или работу какую-нибудь до святок или на святки, домой не поеду.

Кланяйся всем.

* * *

Любезный Вася, будь здоров!

Дела мои в настоящую минуту обстоят почти благополучно. От платы за слушание лекций освобожден. Относительно ежемесячного пособия узнаю в конце октября: тогда будет собран совет попечительства. Всетаки я получил временного вспоможения в количестве 7 рублей, так что если ты пришлешь рублей 10—12, то я буду иметь возможность приобрести все лекции.

Лицейская новость: студенты 1-го курса одеты в форму. Пропиши адрес к Григорию Абрамовичу. Пропиши, как твое здоровье.

Студ. Городцов.

1886 года

сентября 30 дня.

Ярославль.

P.S. Свидетельствую почтение Василисе Ивановне, Лю-

П.А. Городцов

(Западносибирский этнограф)

Летом 1926 г., будучи в Свердловске, я был приглашен А.Р. Шульц в г. Тюмень ознакомиться в архиве местного музея с материалами по фольклору, оставшимися после смерти тюменского присяжного поверенного П.А. Городцова, и определить их научную значимость. Поехав в Тюмень с большой дозой скепсиса и намереваясь пробыть в Тюмени день, познакомившись с содержанием нескольких ящиков шкафа, где хранились записки Городцова, я прожил в Тюмени неделю и теперь считаю долгом познакомить ученый мир хотя бы в общих чертах с тем, что сделал для этнографии этот «чиновник» сначала Министерства юстиции и внутренних дел, а потом присяжный поверенный сибирского уездного города. Обратясь к детям Городцова в Тюмени, а также к брату покойного, московскому профессору В.А. Городцову, я получил кой-какие данные, чтобы написать эти несколько строк о незаметном труженике науки, вполне заслужившем большее к себе внимание и память.

Петр Алексеевич Городцов родился около 1865 г. (точно года рождения

бовь Федоровне, Владимиру Павловичу с Зинаидой Дмитриевной и проч.

Городцов.

* * *

Любезный Вася, будь здоров.

В настоящее время у меня есть до тебя неотложная просьба — прислать мне из Рязани книгу «Сборник статистических сведений по Рязанскому уезду».

Достать эту книгу можно в Статистическом отделении в Рязани, стоимость ее — не больше 2 рублей. Пересылку этой книги в Ярославль возьмет, вероятно, на себя Стат. комитет. Так по крайней мере практикуется в Стат. комит. других губерний. Эта книга в настоящее время чрезвычайно необходима, а потому ты меня многим обяжешь, если поторопишься с присылкой, — если не самого сборника, так письма, в котором объяснишь, что книга не может быть выслана.

Очень возможно, что я приеду недели на три в Рязань на праздники.

Желаю тебе доброго здоровья, полнейшего счастья и всякого благополучия.

Любящий тебя твой П. Городцов.

Ярославль,

1884 года 10 ноября.

* * *

1888 года февраля 7 дня,

Ярославль

Милый Вася, будь здоров!

Пишу тебе затем, чтобы предупредить, что мне сборники статистические более не нужны, потому что я работу уже кончил и не переписал набело последних несколько страниц лишь вследствие легкой лихорадки, задержавшей окончание работы дня на два.

своего брата не помнит и проф. В.А. Городцов) в селе Дубровичах Рязанского уезда и губернии, где отец его был дьяконом в местной церкви. Когда Петруше Городцову было около пяти лет (в 1869 г.), умерла его мать, оставив на руках отца и старшей своей дочери Анны шесть детей. Анна Алексеевна Городцова, имея всего 16 лет от роду, но помня заветы умиравшей матери «не бросать семьи», повела всю эту большую семью и домашнее хозяйство с таким усердием и самоотвержением, что являлась для младших сестер и братьев как бы второй матерью. Немного помогала еще вторая дочь покойной Елена Алексеевна, которой было всего 12 лет. На попечении этих девиц-подростков оставались еще три брата и младшая сестра: старшему брату Василию было девять лет, второму, Николаю, семь, а младшему Петру — пять (?) и самой младшей сестре Марии — три года. Главной заботой дьякона Городцова и его старшей дочери Анны было образование мальчиков. В 1870 году старший сын Василий был отдан в Рязанское духовное училище, а в 1875 году туда же был помещен и Петр. Средний мальчик Николай остался с домашним образованием. К приемным экзаменам Петрушу Городцова готовил старший брат, и он сдал благополучно экзамены по успешности под номером

Затем, мне кажется нелишним сделать еще тебе такое сообщение по поводу книжки Жуванселя «Потопы».

В Ярославле я встретился со студентом Питерского университета, с естественником, теперь же с юристом нашего лицея. У него я спросил отзывы о Жуванселе.Он сказал, что эта книга устарела и человеку, желающему познакомиться с современным научным положением этого весьма важного и любопытного явления — потопов, — читать Жуванселя бесполезно. Рекомендовал же он прежде всего лекции естественного факультета по геологии, есть печатный курс проф. Иноземцева, и книгу Гартвига «Жизнь моря».

Наконец, если тебе есть охота присылай по возможности поскорей Святополка. Имеется прекрасный случай обсудить его.

Свидетельствую глубокое и искреннее почтение и уважение прежде всего твоей супружнице Лизе.

Затем передай почтение твоим дяде и тете, пожелай им от меня доброго здоровья и всякого благополучия.

Любящий тебя Петр Городцов.

P.S. У меня все обстоит пока благополучно, об успехах своей работы сообщу своевременно.

Петр Алексеевич Городцов.

* * *

Милейший Вася, будь здоров!

Вообрази себе такое нежелательное стечение обстоятельств. Меня пригласили давать урок одному мальчугану, внуку одной известной особы в Ярославле — генеральши. Урок в платежном смысле не прибыльный — я буду ходить обедать бесплатно. В доме этой генеральши я принят и, так скажем, обласкан. Все это прекрасно. Но вот что из рук вон

шесть. В это время с иим, как с кротким и застенчивым мальчиком, случился казус, который при неблагоприятных условиях мог отразиться на всю его остальную жизиь. После экзаменов инспектор ввел всех, державших приемные экзамеиы, в класс для размещения их иа партах по успешности. Когда был вызван «Городцов» и Петруша пошел было занять свое место, его обогнал другой мальчик и сел на шестое место, заявив инспектору, что его фамилия Воронцов. Инспектор исправил фамилию в списке и продолжал размещать остальных. Заполнив парты, остальным мальчикам инспектор объявил, что они не приняты. В числе непринятых оказался и Петруша Городцов. С трудом восстановили потом истину, и Городцов все же попал в духовное училище. В духовном училище П.А. Городцов учился очень хорошо, находясь все время под руководством своего старшего брата, бывшего уже в семинарии. В течение пяти лет, проведенных П.А. Городцовым в семинарии, он учился уже самостоятельно.

В 1883 году под влиянием старшего брата П.А. Городцов решил выйти из духовиого сословия и поступить в Демидовский юридический лицей в Ярославле, причем старший брат взял иа себя обязанность содержать П.А. до окончания курса в лицее. В лицей эк-

скверно. У меня в положительнейшем смысле нет сапог, калоши рваны до невозможнейших размеров. И, конечно, «в мундиришке изъян», а потому не пришлешь ли рубликов десять? До зарезу нужно.

Свидетельствую глубокое, искреннее и сердечное почтение твоей супружнице, поклонись тете и дяде.

Остаюсь твой Петр Городцов.

Ярославль, 1888 года.
Марта 24 дня.

* * *

1 апреля

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Спасибо и много-много раз спасибо вам, дорогие мои, за ваше любезное ко мне внимание. Жалею, что не могу лично выразить вам мою признательность, жалею и о том, что вы о себе маловато пишете.

Я решил ныне кончать.

Может быть, в мае месяце не буду в силах кончить экзамены, то в сентябре, т.е. после каникул, покончу с лицеем всенепременнейше.

Теперь готовлюсь к экзаменам. Из дум, которые овладевают моей душой пред окончанием курса, я могу указать только одну, преобладающую, — это отбывание воинской повинности по окончании курса.

Теперь прощайте, дорогие! Месяца через два с вами увидимся и потолкуем по душам.

Любящий вас ваш Петр Городцов.

Пожелайте доброго здоровья Елизавете Федоровне и передайте ей мое сердечное почтение. Алевтине Павловне — поклон.

Петр Алексеевич Городцов.

Ярославль, 1889 года 1 апреля.

замены П.А. выдержал отлично. Все время пребывания в лицее П.А. был на содержании старшего брата, который, получая 53 рубля, 20 из них ежемесячно посылал брату-лицеисту. Несмотря на жертву брата, жить П.А. в Ярославле приходилось туго, часто он испытывал большую нужду, жил в холодных квартирах, недоедал и за эти годы сильно подорвал свое здоровье. При окончании курса ему предложено было остаться при лицее, но он не согласился и уехал в Рязань к старшему брату, почти год бесплатно занимался при Рязанском окружном суде.

В это же время П.А. Городцов начал делать и свои первые шаги в научной работе. В это время старший брат его, у которого он жил, В.А. Городцов, в будущем профессор, занимался исследованием неолитических стоянок долины реки Оки в пределах Рязанской губернии. Работы брата интересовали П.А., и он несколько раз принимал участие в его археологических экскурсиях. Так, братьями Городцовыми совместно были обследованы богатые дюнные стоянки в окрестностях сел Борки, Тумашево и Алеканово, за что П.А. был избран действительным членом Рязанской ученой архивной комиссии, где старший брат его был секретарем археологического отделения. Позже П.А. Городцов служил в одном из

* * *

Будь здоров, милейший Вася!

Искренно благодарю тебя за твою посылку. Все тобою присланное как нельзя более кстати.

Засвидетельствуй почтение твоей супружнице и тете. Я глубоко сочувствую им по случаю преждевременной и горестной утраты — смерти дяди. Рано оставил земные обители маститый ветеран!

По несчастью, я имею слишком мало сердечной теплоты и недостаточно религии, чтобы явиться достойным утешником и облегчить безграничную и понятную в положении тети печаль и горе ее в скорбные и траурные дни, во всяком случае, передай тете мое сердечное сочувствие, от всей души желаю ей в возможно скором времени успокоиться, утешиться в потере безвозвратной и примириться с судьбою неизбежной.

О себе почти ничего не могу сообщить тебе более или менее интересного. Жив и здоров, учусь.

Скажу тебе, куда я попал на урок. Я хожу в дом ген. Головиной, матери офицера Морш. п., о котором ты мне говорил. Приготовляю в гимназию внука ген. Головиной от дочери, которая живет с матерью и в разводе с мужем.

Офицера Головина я еще не видал. Он уже два года женат и уже год как имеет наследницу. Жена у него красавица, но не из интеллигентного и не аристократического круга. Будницкого я тоже еще не видел, хотя он и бывает у моей патронессы. Вероятно, я на Пасху познакомлюсь как с ним, так и с Головиным.

Вообще твоя натуральная субсидия до невероятности подоспела кстати.

Еще сделаю тебе одно сообщение. Работа моя одобрена профессором политической экономии

уездных городов Рязанской губернии, затем уехал в Сибирь, в Тобольскую губернию, где получил место крестьянского начальника и судебного следователя. В Сибири он жил вначале в получившем громкую известность при Николае II селе Покровском Тюменского уезда, где ему пришлось, между прочим, судить за конокрадство местного крестьянина, знаменитого потом Григория Распутина, которого П.А. приговорил к тюремному заключению на короткий срок. Потом за вторую кражу (сена на лугу) П.А. отправил Распутина в Тобольский окружной суд. Последний за слабостью улик Распутина оправдал. Но когда Распутин вернулся в Покровское, крестьяне так были озлоблены на него, что пригрозили ему самосудом, что, по мнению П.А. Городцова, и было причиной бегства Распутина в Петербург, где он и нашел свой первый приют у своей одной землячки, жившей прислугой у какой-то графини, а потом нашел и свое головокружительное, чисто сказочное, счастье при царском дворе.

Из с. Покровского П.А. Городцов потом перешел в село Антропово по реке Тоболу, в котором и прожил несколько лет. Живя среди народа, наблюдательный П.А. Городцов, сравнивая быт сибирских крестьян и крестьянок Средней России, не мог не заинтересовать-

и заслужила премию, только полную или половинную (25 р.) — не знаю; любопытствовать об этом у профессора было бы не скромно. Это, конечно, хорошо и меня радует, но вот что плохо, что премированные деньги я смогу получить только в сентябре следующего учебного года, а я рассчитывал на них в этом году; это значит, не поймал да <...>. Потому-то я и обратился к тебе в прошлый раз с просьбой. Благодаря тебе я теперь извернулся и устроился.

Не писал тебе долго — некогда было, и вряд ли впредь напишу тебе.

Петр Городцов.

1888 года апреля 8 дня,

Ярославль.

P.S. Среди ярославских студентов в Ярославле паника. 29 декабря 1887 г. было разослано административной ссылкой студентов 17, а теперь еще человек 15 забрано и сидят в остроге.

Петр Алексеевич Г.

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна.

Желаю вам доброго здоровья, любви и счастья!

Не писал вам так долго отчасти потому, что от вас поджидал вести, но, главным образом, потому, что мое положение относительно лицея было слишком неопределенно, теперь этой неопределенности более не стало, и я смогу поведать вам о моих успехах.

Я получил стипендию, но не натуральную, как предлагали мне, но денежную, я получу в год 200 р. — цифра, которая вполне способна обеспечить мое подзубривание в нынешний год. Правда, ежемесячная стипендия, равная 16 р. 66 к., не способна дать мне возможность улучшить мой гардероб, но ведь я в октябре получу премию. Вообще мое дело в шляпе!

С ноября хочу писать на золотую медаль.

ся бытом и фольклором Тавдинского края. И он стал наблюдать, записывать, втянулся в это дело, увлекся, головой ушел в него сам и привлекал, и увлекал заниматься записями других. Но на этом пути увлечеиия изучением народа, среди которого жил и работал в то время еще только «чиновиик» Городцов, он встретил совершенно неожиданные препоны со стороны тех, от кого должен был бы, казалось, видеть одно только поощрение. О записях чиновника Городцова стало известно тобольскому губернатору Гондатти, который заподозрил в работе Городцова противоправительственную пропаганду, вызвал Городцова в Тобольск и резко потребовал от него «прекратить якшаться со сказителями», что, по его мнению, «непозволительно для крестьянского начальника». П.А. решительио отказался подчиниться губернаторскому требованию и вышел в отставку. Любопытнее всего в этой историн то, что сам-то Гондатти — этнограф, далеко не безызвестный. П.А. переехал в Тюмень, занялся адвокатурой и, пользуясь многолетними связями с сибирской деревней, страстно занялся собирательством. Для записей сказок, песен, описания обрядов и пр. П.А. приглашал иногда из очень отдаленных селений крестьян, содержал их в городе на свой счет и целыми днями под их диктовку за-

Милейший Вася, поторопись прислать мне «Святополка». Мне очень жаль, что я не взял его с собою — обмишулился. Надеюсь, что вы не откажете мне в скором ответе.

Любящий вас ваш Петр Городцов.

1888 года сентября 29 дня. Ярославль.

Лизавете Федоровне свидетельствуйте мое нижайшее почтение.

Кстати, к тебе лично, Вася, есть таковая просьба. Ты набивался мне брюками и жилетом, а я отказался, и был дурак.

Если они у тебя еще целы, то пришли их мне, они пригодятся, ибо до октября, т.е. до конца, ждать долго, а раньше 20 октября я премии не получу.

Петр Городцов.

* * *

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья. По справедливости и совести сказать, пишу вам потому, что уже слишком давно не писал, совестно, следовательно, сделалось, а предмета для письма более иль менее серьезного и интересного совершенно нет. Деньги от вас получил как нельзя более вовремя. Спасибо вам за них. Спасибо и за то, что вообще скоро откликнулись на мою беду. Получил деньги и из Дубровичей. Болезнь моя, если она еще вас интересует, приняла хронический характер и требует упорного лечения при благоприятных условиях для своего излечения, глав. обр., чтобы было тепло в квартире. Болезнь моя называется ушным катаром. Несмотря на мои старания излечиться, я приеду в Рязань еще глухим. Разве наступающая весна мне поможет.

Интересует меня в высшей степени состояние и судьба

писывал, и записывал иногдв до полного изиеможения, до опухоли в руке. В 1904 году П.А. Городцов съездил в Москву к брату, профессору В.А. Городцову, занимавшему тогдв должность хранителя Историческрого музея. П.А. прожил в Москве четыре месяца, работал в библиотеках. И тогда еще профессор Городцов советовал печатать П.А-чу свои собрвния по фольклору, но П.А. все не решался. В 1914 году В.А. Городцов, совершая археологическую экскурсию по музеям России и Западной Сибирн, посетил П.А. в Тюмени, озивкомился с его собраниями и сиова советовал начвть печатать. Для образца В.А. Городцов взял несколько тетрадей с записями в Москву в надежде пристроить их в «Этнографическом обозрeиии». Москвичи-ученые, однако, работами П.А. не заинтересовались и в «Этнографическом обозрении» П.А. не дали места за исключеиием двух небольших заметок. В эти годы все же ему удалось кой-что напечатать в тобольских и в общих сибирскнх нзданиях.

16 июля 1919 года П.А. Городцов скоичался, успев напечатать при жизни только незиачительную чвсть собраниого им обширного и очеиь ценного материала.

Мне удалось состввить список того, что успел иапечвтвть П.А. Вот этот список.

1) «Азан-юрты». Западносибирская легендв. Варивнт легенды об основании

коллекций, собранных тобою на Борке, любезный Вася. Ты хотел их отослать в музеум. Переслал ли ты их? Я жалею, что не увижу своих доморощенных редкостей.

Напишите мне о своих делах и о своем здоровье, дорогие Вася и Елизавета Евгениевна. Кланяйтесь Елизавете Федоровне.

Петр Городцов.

* * *

12 декабря 1888 г.

Любезные и искренние друзья, добрейший Вася и дорогая Елизавета Евгениевна!

Искренно желаю вам доброго здоровья и всех земных благ. Спасибо вам, что не забываете меня и сообщаете мне о главном, по крайней мере, о своем здоровье. Но ваше внимание ко мне вызывает в моем сознании всю неправоту и неосновательность моего отношения к вам. Вы вправе требовать и ждать от меня письма не месяц только тому назад, но гораздо раньше, в ту глубокую осень, когда я получил от вас посылку.

В глубине души и сердца прошу простить меня.

Драгоценнейшая Елизавета Евгениевна! Я радуюсь и поздравлю вас, что вы, наконец, здоровы. Предыдущее же известие меня до глубины души взволновало, ошеломило. Мне было жаль Вас, я жалел о приключившемся с Вами несчастии и нездоровье, и причине этого нездоровья. Теперь, по крайней мере, когда Вы здоровы, я спокоен и радуюсь вашему благополучию.

Что касается меня, то я здоров, и дела мои идут самым обыденным, так сказать, ординарным порядком, по повседневной логике: нет крупных несчастий, следовательно, я счастлив.

Карфагена царицей Юноной. «Этногр. Обозр.», июнь, 1905 г., стр. 108—112.

2) «Западносибирская легенда о творении мира и борьбе духов». «Этногр. Обозр.», кн. 90, стр. 1—14.

3) «Мамонт». Западносибирское сказание. «Ежегодник Тобольского музея», вып. XVIII.

4) «Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда». «Ежегодн. Тобольского музея» за 1905 г., вып. XVI.

5) «Два гаданья у крестьян Тюменского уезда: а) на бобах и б) гаданье на ростани». «Записки» З-Сибирск. Рус. Геогр. Об-ва, т. XXXVIII. 1916 г.

6) «Народный эпос»: две сказки — «Федор Бурмакин» и «Вор Барма». Газета «Вестн. Зап. Сибири», приб. 1914—15 гг., № неизвестен мне.

7) «Сибирская язва». «Записки Общества изучения Тюменского края», вып. 12. 1924 г. Эта статья напечатана уже по смерти ее автора. Она очень ценна по собранным в ней материалам.

Вот и все, что напечатано из больших материалов, собранных трудолюбивым П.А. Городцовым. Что касается материалов, оставшихся ненапечатанными, то вот что мне удалось увидеть в архиве Об-ва изучения Тюменского края.

1) Почти приготовленный к печати сборник сказок, 85 №№, записанных в селениях по р. Тавде в 1906—8 гг. Перечень этих сказок

Что касается до Святополка, то, любезный брат, будь спокоен: он цел, но нельзя сказать того, чтобы он был невредим. Я сделал в нем немало перечеркиваний, зачеркиваний, заметок и даже добавлений. Святополк — вещь хорошая, но трудная. Самые трудные места в нем — развитие страстей, следовательно, работа чисто психологическая. Я думаю, что соберусь на святки в Рязань, потому и не присылаю тебе его. Но если меня что задержит в Ярославле, тогда я отправлю Святополка одного.

Я рад за судьбу своего Борка. Меня, как истового дубровичанина, льстит его славное историческое прошлое. Желательно было бы узнать, какого размера те стрелы, которые теперь в твоих руках. Показывал ли ты их кому-нибудь из специалистов?

Две мортвочки, которые находятся теперь у меня, носят надпись: «великий князь Михаил Федорович» и год славянскими буквами, но я славянского счисления не знаю

Немало удивляет меня молчание о дубровичах — о домашних. Когда уезжал я из Дубровичей, отец был сильно болен, его хотели везти в больницу. Больше я ничего не знаю о своих домашних, так как писать они не имеют обыкновения. Здоров ли теперь отец?

Свидетельствую мое глубокое и искреннее почтение и уважение Елизавете Федоровне. Сердечно желаю, чтобы Бог продлил ее дни и послал доброго здоровья. Шлю ей низкий поклон.

Затем, друзья мои, еще раз позволив себе пожелать вам всего доброго и хорошего, остаюсь искренно любящий вас ваш Петр Алексеевич Городцов.

Каневскую Наташу поздравьте с законным браком. (Подпись).

напечатан мной в издании Р. Географ. Об-ва «Сказочная комиссия в 1926 г.».

2) «Народная медицина», книга в лист на 54 стр., 1906 г.

3) «Этнография», тетрадь в лист, содержит записи поверий, обрядов, о падающих звездах, о кладах и пр., занимает 132 страницы.

4) Народная речь. Опыт научного исследования. Материалы для словаря местного говора.

5) Заговоры. Свои записи заговоров и присылки от сотрудников — народ. учителей и пр.

6) Сборник пословиц, поговорок и загадок.

7) Староверческие стихи — 11 стихов.

8) Описание детских игр.

9) Шутки и прибаутки. Народные анекдоты и пр.

10) Гербарий утилитарных растений Зап. Сибири. 139 растений, тетрадь на 139 стр.

11) Рассказы про лешего.

12) Обычаи при отжинке.

13) Свадебный обычай «качать».

14) Описание свадебного обряда в селе Зырянском Тюменск. У., запись одного из сотрудников Городцов А.С. Аржиловского.

15) Обширная переписка Городцо-

* * *

Дорогие и любезные Вася и Елизавета Евгениевна.

Поздравляю вас с целым рядом открывающихся праздников, желаю вам встретить и провести эти праздники в радости, благополучии и в добром здоровье. Жалко, что не смогу отпраздновать вместе с вами.

Поздравьте с праздником и пожелайте доброго здоровья Елизавете Федоровне.

Искренне любящий вас Петр Городцов.

Посылаю Святополка. Когда я прочитал его, в моей голове было вызвано много хороших картин родной старины, седой старины.

В Святополке я сделал много добавлений в первых двух актах и много перемещений.

4 и 5 акты должны быть обозначены одним актом, но в 2 картинах. Вообще весь Святополк требует тщательнейшей отделки. Замечания об отдельных частях Святополка я сделал на полях рукописи.

Жалею, что не могу лично сделать некоторые замечания.

Петр Алексеевич Городцов.

* * *

Любезный Вася, будь здоров!

Широковещательное, кусательное и т.д. послание твое я получил и сердечно за него благодарю. То обстоятельство, что я не берусь за перо иногда по целым месяцам, объясняется нетрудно. Болезнь и другие обстоятельства, не красящие жизнь, производят подавляющее впечатление на расположение духа и на темперамент; я больше и больше делаюсь меланхоликом, и бывают минуты, когда не только писать или что делать, смотреть-то на свет Божий не хочется.

ва с его сотрудниками: Аржиловским и мн. другими, интересная как для определения методов работы Городцова и всех его сотрудников, так и вообще для истории этнографии Сибири.

Я не буду здесь входить в подробную оценку работ П.А. Городцова. Будучи юристом по образованию и всю жизнь служа сначала чиновником на судебных должностях, а под конец жизни занимаясь адвокатурой, П.А. не успел овладеть новыми методами этнографии и фольклора, и его мысли о том и другом порой старомодны, а записи не всегда отвечают научным требованиям нашего времени. Но его глубокий интерес к народу и его быту, его упорная многолетняя работа по собиранию устного творчества заслуживают глубокого признания. Собранные им материалы представляют большую ценность, и долг Тюменского и Тобольского ученых обществ — озаботиться скорейшей обработкой и печатанием оставшихся после П.А. Городцова материалов. Имя Петра Алексеевича Городцова, не сибирского уроженца, но прожившего и проработавшего в Сибири всю свою жизнь, должно занять подобающее место в ряду крупных сибирских этнографов.

Н.Е. Ончуков

17 июня 1927 г. Ленинград.

(Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск. 1928. с. 122–126).

Меня радует успех нашего Борка. Я думаю, что в начале весны в Дубровичи приедет археологический агент для раскопок. Жаль, ты мне не сообщил, где собственно ты достал стрелы — на Борке или купил их мне у наших баб.

Против своей болезни я веду отчаянную войну, хотя лавров значительных пожинать еще не имел случая. Помимо лекарств, которые мне можно получать в счет лицея, мне приписана доктором строжайшая диета: яйца, молоко, бульон и немного мяса. Я должен, впрочем, сделать некоторые добавления к сообщениям о своей главной болезни (ушной катарр). Доктору, какой меня лечит, я однажды проговорился и сказал, что у меня болит желудок. Он исследовал и нашел у меня какое-то худосочие ли, малосочие ли — хорошо не припомню. И вот так случилось, что я борюсь не с одной болезнью, но с двумя.

Ушная же болезнь меня положительно повергает в отчаяние. Иногда я слышу кое-как, а иногда, в морозы особенно, почти ничего не слышу. Климат ярославский вообще не по мне. Вся надежда на родные палестины.

Сердечное спасибо вам, дорогая Елизавета Евгениевна, за ваше доброе и ласковое слово. Дай Бог вам счастья и здоровья. Обо мне не заботьтесь, я человек живучий, и стоит лишь мне выбраться на подножный корм, на дубровицкое раздолье, и от всяких телесных недугов и душевных невзгод не останется и следа, как рукой снимет. Ваше здоровье вдвойне дорого, а потому я и желаю от глубины души вам доброго здоровья и благополучия. Желаю доброго здоровья и шлю низкий поклон Елизавете Федоровне.

Пишите о своем здоровье.

Ваш Петр Алексеевич Городцов

1889 года
марта 4 дня.
Ярославль.

* * *

90 года 27 января

Любезный Вася!

Желаю доброго здоровья и свидетельствую глубочайшее тебе

ГИМ. Ф. 431. Д. 371. Л. 18.

мое почтение. Пятнадцать рублей получил. Эта ежемесячная цифра вполне для меня достаточная, с ней я надеюсь прожить благополучно весь год. Спасибо за сообщение о своей археологической поездке. Ты пишешь, между прочим, что неделю тому назад прописали о нашей коллекции в Русском вестнике. Но странное дело! Я регулярно просматривал газеты, по крайней мере с 8 января, т.е. со дня открытия археологического съезда, и нигде не встречал сообщения о нашей коллекции. Не думается мне, чтобы это произошло от небрежности.

Подробности, сообщаемые тобой, мне действительно известны из газет. Мне даже приходилось читать содержание речей и рефератов, произносимых на заседаниях. Действительно, как кажется, съезд и выставка были размеров грандиозных, судя по репортерским сообщениям.

Твое замечание по поводу моего вожделения поставить дубровицкую археологию на более научных основаниях, по тону как будто и идет вразрез с моим взглядом на этот предмет, но в существе выражает то, чего я и сам искренно желаю. Один француз, кажется Картаньяк, на съезде выразил удивление по поводу обилия, разнообразия и важности археологических находок, сделанных в одном месте на Кавказе, но вместе с тем сожалеет, что вся эта богатая масса вещей была вырыта «без научных раскопок». Техника-то землекопная тебе, может быть, известна во много раз лучше, чем этому знаменитому Картаньяку, но научные приемы археологических раскопок — дело научной специализации. Вот этакие-то «научные раскопки» я имел в виду в прошлом письме, а уж во всяком случае не подвиги каких-нибудь Селивановых, Баженовых (даже и самой пресловутой Уваровой), этой челяди я, как мне кажется, придаю настоящую цену — это археологические лакеи, холопским усердием больше подгаживающие, чем способствующие великому и святому делу научной археологии.

Жду твоей брошюрки об орудиях. Рад, что ты занимаешься археологией. О себе скажу, что здоровье мое мерзкое. Настроение духа — мрачнее всех ночей всех осеней, взятых вместе с самого сотворения мира. А впрочем, ни черта!

Лизавете Евгениевне сердечный поклон, желаю ей самого цветущего здоровья. Дай Бог, чтобы ни одна житейская невзгода не омрачила ее счастливого и улыбающегося лица.

Лизавете Федоровне и Алевтине ну там Федоровне-Егоровне, что ли (вот грехи тяжкие! постоянно Аленьку забываю по отчеству) свидетельствую почтение и уважение.

Петр Городцов.

* * *

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна.

Сердечно желаю вам доброго здоровья и полнейшего благополучия. Глубоко радостное известие принесло мне последнее письмо от вас. Поздравляю вас с вашим первенцем — красавицей Еленой. Дай Бог ей расти да хорошеть вам на утешение, да ниспошлет ей небо и счастья, и доли!

Извините, что долго не писал вам — замешкался, делишки! Кончу не ранее первых чисел июня, последний экзамен будет числа 3—4.

Искренне любящий вас ваш Петр Городцов.

1890, воскресенье 30 апреля.

Ярославль.

Елизавете Федоровне свидетельствую мое глубокое почтение, уважение, поздравляю ее со внучкой.

Петр Городцов.

* * *

Любезнейший Вася и Елизавета Евгениевна, будьте здоровы.

Прошу извинить, что долго не писал, все было нечего писать, да и теперь, собственно говоря, не имею чего более или менее интересного сообщить. Жив я, уж это всеконечно; здоровье тоже ничего, слава тебе, Господи! Устроился в городе, вообще говоря, хорошо. Узнал город, по-видимому, в доскональности, да и не мудрено: уж слишком маленек городишко, до мизерности маленек... Работы по специальности немного, а для двух работников: для патрона и для меня — и вовсе мало.

Недавно был на судебно-медицинском вскрытии трупа — молодого мужчины лет 22, убитого в кулачном бою. Думал, что не вынесу этой картины, да ничего, сошло прекрасно. Сначала хмурился — вонь ужасная, а потом ничего, а в конце так приободрился, что сам стал вместе с врачами (уездный и его помощник) возиться в потрохах человеческих. Более всего мне понравилось вскрытие черепа и исследование мозга. Мозг положительно красив даже с эстетической точки зрения.

Вообще же скука смертная в городе. Читать, грех разумеется, нечего!

Почтеннейший Вася, я давно уже, с месяц тому назад, посылал Л.В. Селиванову письмо с предложением своих услуг по делу исследования и приведения в порядок местного Раненбургского архива, но ответа не получил, что для меня лично решительно все равно, ибо желаю работать для архива, а не для Селиванова. Вот я и просил бы тебя, чтобы ты повидался с Селивановым и поговорил бы, нужно ли и полезно ли поработать в Раненбургском архиве, и если нужно, то чтобы он, как секретарь общества, сделал надлежащие в данном случае распоряжения и снабдил бы меня указаниями и инструкциями, необходимыми при работе. Нужно поспешить, теперь особенно бла-

гоприятное для сего наступает время. Наступает пост, а с ним и распутье предвесеннее и весеннее, время у меня совершенно будет свободное. С наступлением весны я работать по архиву ни под каким предлогом не буду.

Шлю поклон и почтение Елизавете Федоровне и Аленьке.

Петр Алексеевич.

Адрес мой: Раненбург Рязанской губ. Помощнику судебного следователя.

* * *

Христос Воскресе!

Дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения, желаю вам в добром здравии встретить и провести этот высокий и торжественный праздник. Поздравляю с праздниками Елизавету Федоровну и Алевтину Федоровну, искренно желаю им радости и счастья.

Я должен извиниться пред Елизаветой Евгениевной за то, что долго не отвечал ей на ее письмо.

Сердечно благодарю ее за сделанные ею мне покупки, все вещи, безусловно, хороши.

В первых числах мая буду в Рязани.

Раненбург, (подпись)

1891 года 20 апреля.

* * *

Дорогой Вася.

На святки я думаю взять отпуск и ехать в Рязань; собственно в Рязани я пробуду только первые дни праздника, затем уеду в Дубровичи. Выеду из Раненбурга в воскресенье, 22 декабря, следовательно, в Рязань приеду в ночь на 23, под понедельник, часов в 12—в 1 час.

Смысл этого письма тот, найду ли я вас на старой квартире в доме Трескиной, не переменили ли вы квартиры, ибо неудобно будет разыскивать вас по Рязани в ночное время. Передай мое глубочайшее почтение Елизавете Евгениевне и Елизавете Федоровне.

Петр Алексеевич Городцов.

Раненбург. 1891 г. декабря 8 дня.

* * *

Любезнейший Вася, желаю тебе много лет здравствовать. Посылаю тебе свою фотографическую карточку, снялся я еще в свое пребывание в Рязани, кажется, 1 августа, да почему-то мне из фотографии выслали карточки только на днях. У меня было намерение в первых числах октября выехать в Рязань, теперь же я в большом по этому поводу колебании, и вернее, что не поеду, а потому и хочу просить тебя кое о чем по поводу твоего отъезда.

У тебя находятся некоторые мои книги, напр., Иванюкова «Политическая экономия» и Иностранцев — «Геология», я попросил бы, чтобы ты их оставил после твоего отъезда в Ярославль у Дм. Павл. Балашова.

Иванюков нужен мне более, чем тебе, а Иностранцева у меня могут всегда попросить обратно. Впрочем, относительно Иностранцева можно распорядиться иначе; его я взял у Василия Васильевича Агапова, студента Демидовского юридического лицея, он теперь не окончил еще курса и находится, следовательно, в Ярославле. При переходе в Ярославль ты можешь лично передать ему книгу и вместе с моим поклоном, а, кстати, и скажи ему мой адрес. Кроме того, при прощании ты говорил мне, что дашь мне некоторые экземпляры каменных орудий, их тоже передай Д.П. Балашову; и вообще, ему передай все, что имеешь оставить мне; на Святки я приеду в Рязань и заберу с собой. По почте же пересылать все это, полагаю, будет слишком хлопотливо.

Свидетельствуй мое почтение Елизавете Евгениевне.

Петр Городцов.

Во всяком случае пред отъездом из Рязани или, в крайнем случае, из Ярославля напиши мне, чтобы мне знать, где ты находишься. Хорошо бы, если бы ты также оставил бы мне Уварову, она будет во всяком случае в сохранности, а мне хотелось бы ее прочитать. Впрочем, это дело еще терпит.

Что касается Иностранцева «О каменном веке», то я положительно тебе советую книгу эту попу Павлову не возвращать, в противном случае это было бы бесцельное уничтожение ценности. Оставь Павлову книгу вроде Некрасова и будь уверен, что он будет более чем доволен, потому что он ее понимает.

1892 года сентября 22 дня.

Г. Раненбург.

* * *

21 дек. 92 г., г. Раненбург

Милый и дорогой Вася и Елизавета Евгениевна.

Поздравляю вас с праздниками святок, искренно желаю вам в добром здоровье и со всяким удовольствием их встретить и проводить.

P.S. Лёлю целую и поздравляю с праздником.

Желательно было бы узнать от вас, как вы устроились на новых местах в Ярославле, как встретили и проводите праздники.

Я встречаю праздники и проведу их в Ямбурге, разве после Нового года выеду в Рязань побывать.

Ваш Петр Городцов.

* * *

1893 г. марта 2 дня. Раненбург.

Христос Воскресе!

Любезнейший Вася, добрейшая Елизавета Евгениевна, миленькая и маленькая Леля, поздравляю вас со светлым праздником, сердечно желаю вам доброго здоровья и всякого благополучия.

Благодарю вас, Елизавета Евгениевна, за память: оба ваших письма я получил и каюсь, больше по халатности своей я

не отвечал вам на первое письмо, впрочем, были и дела, отвлекавшие мое внимание.

Очень жаль, что Ярославль не сумел вам понравиться, он действительно не ахти какой важный и красивый город и до Питера, например, ему далеко, но все же трудно согласиться с мнением уважаемой Елизаветы Евгениевны, что ему далеко до Рязани; все-таки справедливость требует обратного отношения, что Рязани далеко до Ярославля, подождите лета — увидите.

Я жалею, что вы слишком скупо пишете о себе, забрались, в самом деле, в Ярославль и целых полгода не сообщили, как вы доехали, как устроились и все ли у вас в добром здоровье. Оказывается, что у вас не все-то благополучно и Миша скончался. Мир его ангельской душе! Об этом, впрочем, я узнал вскоре после святок в Рязани от Екат. Павл.

О себе мне почти нечего сообщить, живу по-прежнему в Раненбурге при суд. следователе; пользуюсь и располагаю большим досугом, почитываю и кое-что работаю для своей, так сказать, мозговой политуры; выписал себе немного книг, ибо в Ямбурге по этой части большая скудость. Жалованье получаю небольшое, но для одного меня достаточное; случается иногда получать мне единовременные более или менее солидные и никогда прежде в моих руках небывалые суммы; т.к. пред нынешней Пасхой я получил из Министерства юстиции в вознаграждение 150 руб., надеюсь на лучшее будущее. Жениться пока не думаю, да и боюсь, потому что слаб здоровьем; хоть в последнее время и разжирел, а все-таки порою, особенно пред ненастьем (каков старик!), так дает себя знать желудочный катарр и болезнь легких, что хоть реви. За всем тем мои дела обстоят порядочно.

От души желаю вам всяческого успеха, желаю весело провести праздник.

Отчего Вася не напишет мне, передал ли он Геологию Иностр-ва студенту Вас. Вас. Агапову и в Ярославле ли он находится.

Всею душою и всем моим существом ваш Петр Алексеевич Городцов.

P.S. У нас в Ямбурге весна, в городе ездят на телегах, хоть мужики ездят на санях...

* * *

24 дек. 93 г.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и племянница моя, красавица Лёля!

Поздравляю вас с праздником Рождества Христова, от души желаю вам, мои дорогие, доброго здоровья, счастья и полного душевного благополучия. Дай Боже, чтобы предстоящие праздники вы мирно и радостно встретили, весело отпраздновали и благополучно их проводили.

После последнего письма Елизаветы Евгениевны, бывше-

го, надо сознаться, очень давно, переписка наша истощилась, но нельзя сказать, чтобы в этот долгий промежуток времени я не имел сведений о вас. Как-то по лету я был в Дубровичах, вскоре почти вслед за Васей, навестившим Дубровичи с маневров. Впечатление в Дубровичах было еще совсем свежее от приезда Васи, и меня засыпали рассказами. Затем от Екатерины Павловны Филипповой я узнал о рождении у вас другой моей племянницы, имени которой я еще не знаю. Таким образом, я не переставал следить и интересоваться интересами вашей жизни.

Долго мы не переписывались, пожалуй, с полгода будет, сидели себе по своим местам, молчали и чего-то ждали, а жизнь-то не ждет, идет себе да идет, да втихомолочку крушит и ломает, и по-своему созидает человеческое житье-бытье.

Немало за это время воды утекло, немало случилось и нового, по крайней мере, в моей жизни; полагаю, немало пережито и передумано и вами. В настоящее время я уже не в Раненбурге, а в Рязани и временно служу в канцелярии окруж. суда. Говорю «временно», потому что к Новому году меня назначают судебным следователем в Сибирь, в Тобольскую губернию. Должность эта видная, независимая и хорошо оплачиваемая, так что мои товарищи завидуют мне в моем назначении. Уже из министерства затребовали из суда справки о моей личности, формуляр и всякие документы.

Не знаю, как вы взглянете на мое новое назначение, возможно, что оно вам по душе и не придется, и вы, разумеется, будете правы с своей точки зрения, я же, с своей стороны, доволен назначением, лишь бы, Бог дай, оно состоялось! И вот почему. Хорошо, полезно и приятно жить в центре Руси, в каком-либо большом городе и пользоваться всеми благами европейской культуры, да вот беда, мои дорогие, — не с нашим рылом (говорю только о себе) лезть в калашный ряд, не нам суждено пользоваться этими благами культуры. Мне в моем положении можно с полным правом сказать о себе словами некоего сказочного героя: по усам текло, да в рот не попало. Нет, кроме шуток, положение ужасно свинское, когда чувствуешь, как эти культурные блага, так сказать, мажут тебя по губам и когда видишь, что ты никак не можешь овладеть, изловить эти блага. Право же, это не лучше положения бедного Тантала. Вот оно: сорвалось слово с языка, а оно скрывает хороший смысл, вероятно, Тантал потому и выносил муки, что был беден. Тут в Европе я беспрестанно, ежеминутно, ежечасно и каждодневно чувствую себя лишним на жизненном пиру и поставленным меж двух стульев, так чего ж тут и тереться. Не лучше ли устранить себя. Посмотрим, не у места ли мы будем там, в Сибири, в Азии.

В Сибирь я поеду, вероятно, в начале марта и во всяком случае не раньше конца февраля. В Дубровичах я не был с сентября месяца и не знаю, что там делается; в то же время там все обстояло благополучно и усиленно рыли на полях картошки. В сентябре же я был и во Солодче. Алена живет плохо, муж ее пьяница и непроходимый дурак, и, к несчастью, дурак с буйным характером. Я прожил в Солодче дня четыре и основательно изучил окрестные пески, и всем своим авторитетом смею уверять, что пески эти в археологическом отношении уже стали неинтересны, ибо культурный слой стихиями размыт и развеян; мне приходилось наблюсти только в одном месте такие жалкие остатки культ. слоя (см. черт.)

a = песчаное наслоение

b = культурный слой

c = некоторое подобие глины

d = зыбучие пески

Толщина культурного слоя — четверти две. Нарисованная кочка, убого стоящая посреди обширных зыбучих песков, очень маленькая, и один разбушевавшийся мальчишка способен в пять минут навеки уничтожить эти остатки глубокой старины. Солодча и Пустынь совершенно одного характера. Чрез Пустынь и чрез Солодчу (чрез монастырский лес и по полям по задам села Солодчи) проводилась узкоколейная железная дорога; по местам было глубоко, но нигде я не видел следов культурного слоя, все пески, пески... Из остатков мною подобрано обломков 5 чертовых пальцев и обломков 5 кремней, но кремни настолько бесформенны, что я не решился взять их на хранение и бросил, хоть некоторые из них, безусловно, носят следы обработки (очень слабые следы).

Знаменательно: пальцы я нашел на самом берегу старицы, а кремни — за селом на задах. Видимо, что культурный слой по мере углубления внутрь материка от реки становится тоньше и сходит на нет в монастырской роще и за нею. Вследствие разрушения культурного слоя встречается очень мало кремниевых остатков, их почти нет. Екатерина Павловна Филиппова выдержала экзамен, и она теперь зубной врач, вон как! А за то, что она зубной врач, я скоро с ней буду спивать бутылку шампанского. При переводе в Сибирь и с меня мои товарищи хотят содрать шампанского, вот беда! Да только я сумею удовольствоваться 21№ П. Смирнова.

Много бы и еще я мог наговорить вам, мои дорогие, да сами видите — писать негде, так оставим до другого раза. То есть, доложу я вам, просто беда долго не писать: столько набирается письма, что и на двух листах не уложишь.

Пишите, как вы поживаете, как ваше доброе здоровье, как растет и цветет Лёля.

Остаюсь глубоко вас любящий ваш Петр Городцов.

Мой адрес: Рязань, Мясницкая улица, дом Федотова, квартира Зельвина.

* * *

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и голубушка Лёля!

Искренно и из глубины души желаю всем вам доброго-доброго здоровья, желаю вам счастья и совершеннейшего благополучия.

Поздравляю вас, мои дорогие, с наследником Олегом, дай Бог ему расти и крепнуть.

Я получил письмо от Васи на Святках и от Елизаветы Евгениевны после Святок; спасибо вам обоим, что не забыли. Я очень рад, что Елизавета Евгениевна чувствует себя здорóво, беречь свое здоровье все-таки следует, особенно в Ярославле, в сущности, Ярославль — город в климатическом отношении изменнический; берегите себя, берегите и детишек.

Наконец-то я получил назначение в тобольские следователи; только в феврале пришел приказ о моем назначении; теперь я жду из министерства прогонных и подъемных денег и с получением их отправляюсь к месту служения; поеду я с открытием навигации, следовательно, не раньше конца апреля или даже начала мая. С окружным судом в Рязани за эти три дня я уже совсем покончил, и меня уже называют сибирским следователем.

Итак, свершилось еще одно веление судьбы, и моя доля закидывает меня туда, куда три года назад мне и в голову не приходило забираться. К лучшему ли это и чего ожидать от этого назначения в Сибирь? Вопросы эти приличнее разбирать пред началом предприятия, теперь же остается только ожидать результатов этого предприятия: посмотрим, дескать, что будет. Предчувствие же говорит мне, что я делаю не плохо и что Сибирь радушно встретит меня и не злою мне будет мачехой. Эх, если бы все предчувствия сбывались!! Вот и ты, милейший брат, сбираешься поехать в Сибирь, да еще куда? — в восточные ее пределы! Не знамение ли это? Не влечет ли туда нас с тобою обоих наше счастье путеводною золотою звездой? Стоит над этим задуматься, и долго я думал об этом с получением твоего письма.

Мои товарищи и рязанские знакомые всячески хотят женить меня пред отъездом в Сибирь и слышать не хотят, чтоб я холостым ехал туда. Как так, говорят

мне, ехать в Сибирь без жены, да там первое дело — без жены с тоски умрешь, а второе дело — там будто бы жены себе днем с огнем не сыщешь потому, что там будто бы невесты на вес золота ценятся. Добрые люди и хотят мне добра. Но я все-таки непоколебимо стою на своем и, к великому огорчению всех своих друзей и знакомых, неукоснительно желаю остаться холостяком и таковым же ехать в Сибирь, и отговариваюсь тем, что в Тоболии холодно, а это, как известно, не слишком-то благоприятствует пламенению чувств, а я, разумеется, желал бы испить любви пламенной. Но — странные люди! — не верят искренности моего объяснения насчет тобольских холодов, вымораживающих всякую любовь, и заподозревают во мне какое-то фантастическое мечтание жениться не в далеком же будущем на какой-то фантастической Параше-сибирячке. Ну и пусть себе толкуют!..

В Дубровичах я не был давно, не был и на святки, потому что слегка болел инфлюэнцией и не решился пуститься в дорогу, и отец ничего не знает о моем назначении в Сибирь. На днях переселюсь в Дубровичи до самого отъезда в Сибирь. В родном доме, кажется, все благополучно. В Дубровичах крупная новинка: наш поп, мой крестный Павел Петр. Розанов, волею Божией умер недели за три до святок, и там теперь новый поп, но я его еще не видал. О дубровницких обстоятельствах буду писать вам из Дубровичей.

В Питер писал два письма, но ответа до сих пор не получал, надеюсь скоро напишут.

Какой курьез: Григорий Сидорович пропал без вести более года, письма к нему в Вологду остаются без ответа, и решительно никому неизвестно, где он и что он. Федор Ефимов. пишет к полянскому попу. Полянский поп спрашивает меня, и решительно никому о нем ничего неизвестно. Если ты что-либо о нем знаешь, напиши.

Давно я сбирался сообщить тебе: у меня помаленьку собралась маленькая коллекция монет, обнимающая пять царствований: Ивана (Грозного), Федора Ив., Бориса (Годунова), Алексея Мих. и Михаила Федор.; монеты Ивана интересны изображением всадника на коне с приподнятым мечом в руке (а не с копьем, как на остальных монетах). Кроме того, один раненбургский благоприятель подарил мне 270 мелких серебр. монет, очень старых, сильно избитых и с странными черточками и зигзагами на них; поверх этих зигзагообразных изображений на некоторых монетах можно подметить московский герб — всадника. Очень интересные монеты, не арабские ли? Все 270 монет продырявлены, вероятно, служили украшением какой-нибудь татарской красавицы. Хотел идти поговорить об этих монетах к Черепнину, да как-то

то некогда, то неловко: я с ним не знаком, но все-таки думаю поговорить с ним, авось не слопает. Затем, ты знаешь, вероятно, хоть понаслышке, некоего адвоката Чеховича; так вот, этот адвокат г. Чехович минувшим летом был в Мурмине на калиновской фабрике, шел по берегу озера по песчаному обрыву и увидел четыре камушка, лежавших неподалеку друг от друга; камушки эти оказались каменными стрелами, и одну из них я уже заполучил от него, обещался дать и остальные. По его словам, все четыре стрелы одной формы, одного цвета и одной величины и найдены на расстоянии $^1/_4$ арш. друг от друга, следовательно, кучкой и на поверхности почвы, слегка засыпанные песком. Полученная мною стрела небольшая — с вершок, совершенно цельная, с небольшими плечиками, продолговатая, отбивная, самого обыкновенного красновато-бурого цвета, словом, неинтересная стрела. Мы с тобой сотнями считали такие стрелы; интересно то, что стрела эта найдена в Мурмине, сколько бы там можно было найти таких и подобных стрел и вещей при благоприятных обстоятельствах? Жаль, многое ценное погибает на наших глазах.

Василиса Ивановна кланяется вам, желает доброго здоровья и целует Лёлю, добрая старушенция Василиса Ивановна, и всегда плачет, когда вспомнит Лёлю, любит она ее чрезвычайно и всегда рассказывает, как когда-то Леля на улице в Рязани увидела ее и назвала папиной няней.

Ну, так прощайте же.

Ваш Петр.

1894 года февраля 9 дня,

г. Рязань

Мне придется пробыть в Рязанской губернии до отъезда в Сибирь месяца два-три. За это время я хочу сделать кое-какие поездки, между прочим, сбираюсь в Москву и надеюсь заехать к вам в Ярославль денька на два, но это будет не скоро, вероятно, в конце Великого поста.

Адрес Григория Абрамовича: С.П.Б., Пантелеимоновская ул., дом № 9, департамент Полиции, курьеру ...

Мне пишите по-прежнему: Рязань, Мясницкая, д. Федотова, кв. Зальвиной.

Затем прощайте, мои милые и дорогие, еще раз желаю вам всего хорошего,

Ваш Петр Алексеевич Городцов.

* * *

От Петра

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья и счастья.

Простите, что долго не писал вам, простите, что не простился с вами пред отъездом в Сибирь. В том и другом я глубоко виноват пред вами. Многие причины препятствовали мне исполнить то и другое. В подробности этих неприятных при-

чин я вдаваться не буду. Скажу только, что мне невыносимо горько было лишать себя возможности побывать у вас и повидаться с вами. В последнем письме своем Вася писал мне, что, с отъездом моим, вероятно, мы уже долго не увидимся. Это глубокая правда — и тем хуже для меня. Я полагаю, что по крайней мере года два, вероятнее же всего, и все три года я безвыездно проживу в пределах Сибири. Я думаю взять отпуск на следующий год на летние месяцы, но весь срок отпуска проведу в Сибири. Поеду в Тюмень, посмотрю северные окраины Сибири, побываю Екатеринбурге и в Уральских горах. В Россию же мне поехать уже не удастся.

В настоящее время я уже в Сибири и в своем участке, коекак устроился и принялся за работу. Из Рязани я выехал 30 апреля, а 15 мая был уже в Тобольске. Доехал до Тобольска так удачно, так счастливо, что положительно никак не ожидал этого.

Из Рязани до Нижнего и от Нижнего до Перми я ехал на пароходе. Погода все время стояла превосходная: ясные солнечные дни и тихие лунные ночи. Всякий день публика подолгу засиживалась с вечера на палубе парохода и каждую ночь имела возможность наслаждаться пением соловьев, заливавшихся на берегу и, по-видимому, мало обращавших внимание на пыхтение и громыхание парохода. Берега были в полном цвету. Особенно были красивы Касимов, Елатьма, Горбатов и Нижний; все они расположены на очень крутых и высоких берегах Оки и положительно утопают в зелени садов, сплошь побелевших от расцвета. Забавно и интересно было путешествие по р. Каме. Я ехал по Каме в полный ее разлив, местами она разливается гораздо шире, чем наша Ока под Рязанью, местами разлив ее неширок. Разлив Камы в нынешний год, говорят, был один из больших. Берега Камы порастают высокими кустами, которые заливаются водою только наполовину, верхушки же их — сучья и ветки остаются над водою и образуют собою почти сплошную и иногда очень густую аллею, по которой бежит пароход. Случалось раза два так, что пароход, к удовольствию публики, задевал и цеплял за эти прибрежные кусты. Вдоль течения Камы встречается очень много маленьких островков, травянистых и покрытых кустами, и почти на каждом из них попадаются зайцы, и иногда очень помногу. При приближении парохода испуганные шумом и плеском колес зайцы принимаются бежать по островку в разных направлениях, как угорелые. На Каме же я впервые в свою жизнь увидел две пары диких лебедей. Красивая, надо сознаться, птица!

Чрез Уральский хребет приходилось переезжать по железной дороге. Рано утром, часу в третьем, меня разбудил сосед по вагону: «Вот и Уральские горы». Я вско-

чил и прильнул к окну. Панорама Уральских гор, освещенная утренним солнцем, раскрывалась во всей своей полноте и прелести.

В том месте, где проложена железная дорога, Уральские горы не представляют собою ни крутых скал, ни крутых обрывов; переход от глубоких ложбин и долин к высоким горам всюду постепенный и гладкий, очень часто крутой, почти отвесный; линия поперечного сечения гнутая, не ломаная. Поэтому в перспективе отдельные горы и возвышения кажутся полукруглыми, с мягкими очертаниями. Уральские горы сплошь поросли сосновым невысоким и негустым лесом и производят подавляющее впечатление какого-то дикого величия. На Урале встречаются на протяжении железной дороги дивно хорошие места: горные тропинки и дороги, причудливо взбегающие по бокам возвышений и спускающиеся в долины, быстрые-быстрые горные речки, бурливо пробегающие по горным долинам, и т.д. В общем, надо сказать, что Уральские горы и вообще горные виды на человека, который во всю свою жизнь не видал горы выше Высокой горы Борка, действуют страшно подавляюще, при более или менее продолжительном наблюдении горных видов чувствуешь, что внимание отказывается служить, утомляется, и впечатлительность притупляется.

Что касается сибирской жизни, сибирских свычаев и обычаев, то сам можешь судить, что я еще не могу судить об этом — еще не осмотрелся. Скажу только, что крестьянство сибирское живет, не в пример русским, хорошо: широко, привольно, сытно и в большом достатке. Об этом когда-нибудь напишу тебе подробно. Ничего не могу тебе пока сказать и о своем личном душевном настроении. Доволен ли я переводом в Сибирь и надеюсь ли на что-либо лучшее, жалею ли я о России? Право, не могу еще сказать ничего определенного. В первые дни в Сибири я скучал по России и даже, более того, сильно саднило на душе и на сердце. Ведь Сибирь слишком еще примитивная сторона и культурных удобств здесь слишком мало, не сказать большего. Во многом приходится себя урезать и ограничивать. Правда, на все это я был готов, и это не было для меня неожиданностью, правда и то, что в тяжелые минуты для меня была утешительной мыль, что все лишения хоть в малой мере вознаграждаются запасом новых для меня и довольно интересных, так сказать, сибирских впечатлений. Будущее само за себя будет говорить, будущее же покажет, насколько хорошо или дурно я сделал своим переводом в Сибирь. Мне же ничего не видно, мне остается на долю надеяться и ждать.

Глубоко любящий и вечно преданный Петр Городцов.

Адрес: В село Викулово Тарского округа Тобольской губер-

нии судебному следователю П.А. Городцову.

P.S. Мой следственный участок помещается не в городе, а в селе Викулово. Это большое и богатое село, но, разумеется, как и всякое село, скучно. Здесь мне придется, вероятно, пробыть года два, если не больше. Село Викулово Тарского округа расположено на берегу реки Ишима, притока Иртыша; от Тобольска в 300 верстах, а от Тары — в 285 верстах; глушь порядочная, но местность очень красивая, с обширной и интересной перспективой.

Скуки ради хочу заняться составлением гербария, не знаю, удастся ли. Здесь, говорят, по части ботаники можно сделать очень много интересного. Я и сам вижу много травы, совершенно мне незнакомой, например, съедобная трава «саранки» с цветочками-колокольчиками.

Жалко, что не имею ружья, научился бы я стрелять и стал бы охотником. В настоящее время я стреляю из револьвера в цель, и довольно удачно, примерно из 15 пуль на 10 шагов попадало в цель три пули.

Затем еще раз прощайте! Целую мою милую племянницу Леночку и племянника Олега.

Ваш Петр Городцов.
10 июня 1894 года,
с. Викулово.

* * *

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна, красавица Леля и Олег!

Шлю вам мой сердечный привет. От души желаю вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия.

Последнее письмо ваше я получил от вас от 20 декабря 1894 года, следовательно, ровно год тому назад. Судите сами, что для такого долгого молчания должны быть солидные основания, и они, конечно, были, и когда-нибудь я вам подробно напишу о них. Я не хотел бы только изложением причин моего долгого молчания портить впечатление настоящего письма. Поверьте, что это мое молчание больше всего сокрушало меня же самого. Во всяком случае, если есть еще в сердцах ваших прощение, простите меня, простите меня искренно, душевно, в простоте сердечной и по-родственному, как я сам искренно прошу и умоляю вас об этом прощении.

В последнем письме своем Елизавета Евгениевна писала мне, что племянница моя Леля выросла и уже читает и пишет, а племянник Олег еще не ходит (наверное, теперь-то он уже ходит). Боже мой Господи! Вот счастье, которого я не испытал и которое, кто знает, испытаю ли: видеть, как собственная малютка, такая хорошенькая девочка, как Леля, и такая маленькая — ведь ей в декабре месяце едва ли было 4 года — и вдруг читает и пишет!.. Видеть, наконец, как такой великан, как Олег, начинает ходить, шагает

3 Заказ 1608

и передвигает своими ножонками, а потом и лепетать. Трудно представить вам то чувство глубочайшего удовольствия, счастья и даже гордости, какое принесло мне коротенькое письмецо Елизаветы Евгениевны, гордости от сознания, что вот я сам хоть и не обладаю таким великим счастьем, так, по крайней мере, мои близкие и дорогие, мои присные владеют им.

Дай Бог здоровья хорошенькой и умнице Леле. Берегите, берегите ее: уж слишком тяжелы детские-то годы. Берегите и Олега. В последних письмах ваших вы спрашивали меня, как я устроился и, так сказать, акклиматизировался здесь, в Сибири. Жизнь сибирская такая оригинальная, и впечатлений и наблюдений за полуторагодичное мое проживание здесь, в Сибири, накопилось так много, что изложить всего в одном письме, сами посудите, и невозможно. Следовало бы вам описать природу Сибири и нравы ее жителей, но подробно об этом опять-таки после. Скажу только, что Сибирь — это громадные лесные и болотные пространства, население группируется по берегам рек и по большим проезжим дорогам, и население разбросано по деревням, отстоящим далеко друг от друга: расстояние в 10—15 верст от деревни до деревни считается ничтожным. Сибирское представление о расстоянии такое оригинальное и своеобразное, что и представить себе трудно. Сибиряк ни во что не считает расстояние в десятки верст. Сибирские крестьяне за 100—150 верст ездят друг к другу на пирушки, на «беседы», как здесь говорят, и в масленицу на блины. Крестьянин села Викуловского знает крестьянина села Слободчикова в расстоянии 100 верст друг от друга так же хорошо, как наш дубровицкий мужик знает апекановского. При такой разбросанности населения сибирский мужик имеет много мелких угодий: и полей, и лугов, и леса, и разных рек и озер. Сибирь — страна по преимуществу крестьянская, здесь нет таких крупных центров, как Москва, Разань и т.д., которые вытягивают всякие соки из массы крестьянского населения, и поэтому всяческие жизненные сельскохозяйственные продукты остаются и потребляются самими же крестьянами.

Что же мудреного, что сибирский мужик живет хорошо. Изба у него большая, светлая, чистая, прямо-таки барская; в чистой комнате у него зеркала и столы, покрытые чистыми красивыми столешницами, на полу — пестрые оригинальные ковры местного тюменского производства. Во всякую пору у всякого сибирского мужика ты можешь угоститься пивом и квасом. Словом, крестьянство живет богато, просторно и сытно. Нельзя не отметить одной особенности местного населения — здесь много ссыльно-поселенцев. Сюда ссы-

лают из России всю преступную сволочь: убийц, грабителей, поджигателей, воров, и вообще все преступные отбросы Европейской России из года в год наводняют Сибирь, и эти-то ссыльнопоселенцы составляют истинное бедствие и бич местного населения. $^{9}/_{10}$ преступлений в Сибири совершается поселенцами, часто страшные драмы разыгрываются у нас здесь по соседству, но уж зато иногда и сибиряки круто разделываются с этими преступничками.

В Сибири — масса дичи, местные крестьяне не охотятся, а если и охотятся иные, то с такими ружьями, которым место не на правильной охоте, а в рязанском музее. Местное население в большинстве — старообрядцы или же воспитанные в старообрядческих обычаях и которые «польской», т.е. полевой, птицы не едят; зайцев тоже не едят и считают их собаками. Однажды я купил у одного охотника великолепного, огромного зайца, только что застреленного, и дал его своей кухарке, или, как здесь говорят, стряпке, обделать и сготовить его к обеду, а стряпка-то была сибирячка, так ее вырвало, когда она принялась разделывать зайца; так-таки пришлось пригласить соседнюю кухарку, ссыльную из России, и просить ее зажарить зайца. Здесь обычное явление, что поедешь по дороге и видишь: около самой дороги на березах сидит целое стадо косачей, или куропаток, а летом утки взлетают чуть не из-под колес повозки. Обо всем этом я сообщу вам когда-нибудь интересные подробности. Теперь же я расскажу вам кое-что о своем личном житье-бытье. В предыдущем письме своем я говорил вам, что я проживаю в селе Викуловском Тарского округа. Село это очень большое и богатое, и в нем размещены представители всех ведомств. По счастью, мы живем здесь все очень мирно и порядочно. Больше всего я бываю в доме нашего лесничего, некоего Петра Алексеевича Яроновецкого. Яроновецкий, безусловно, личность порядочная и интеллигентная, это мужчина лет 40, женатый и семейный: у него 6 детей мал-мала меньше, старший сын обучается в Сибирском кадетском корпусе в Омске. Это семейство Яроновецких крайне симпатичное и радушное; и муж, и жена люди веселые и занимательные, а сам лесничий к тому же увлекательнейший рассказчик всевозможных анекдотов — от самых серьезных и тенденциозных до самых смешных, таких, от которых у публики подводит животики. Памятью он обладает обширнейшей и наблюдательностью изумительной, да не беден он и житейским опытом. Где-где он только не бывал и чего он не видал, был он, между прочим, и в Турции в последнюю войну. Детишки у него славные. Вот в его-то доме я и бываю почти каждый день и принят там запросто. Жена лесничего, казанская институтка,

сначала, по приезде в Сибирь, сильно потосковала, а потом коекак успокоилась и теперь сделалась совсем сибирячкой; женщина умная и веселая, играет на фортепиано и говорит малость по-французски. Есть здесь, в Викулово, и другие очень хорошие и приятные семейные очаги, например, дом акцизного надзирателя, почтмейстера и проч. У всех я бываю, и мою холостяцкую квартиру все с охотой посещают.

Первое время по моем появлении я был в викуловском обществе в положении оглашенного, и меня, как новичка, старались викуловцы посвятить в тайны сибирского жития, и меня самого расспрашивали о российских порядках и жизни. Приняли меня, вообще говоря, очень хорошо как представителя новых веяний и направлений и как человека нового, явившегося из более культурного мира. Скоро я освоился в новом своем положении, скоро всех узнал и меня все узнали, сближение произошло быстро, и я сделался своим человеком. Много мне при этом удалось услышать действительно интересного из быта и недавнего прошлого Сибири. Но вот настало время, так сказать, взаимного пресыщения. Все переговорили, все переобсудили, и жизнь сибирскую я узнал и изучил в совершенстве, и не хуже любого сибиряка мог рассказать случаи из деятельности какихнибудь земских заседателей (то же, что в России становые пристава), все песни и прибаутки викуловских хороводов я изучил и мог распевать не хуже самого залихватского парня.

Я уже начал и со скукой знакомиться, тем более что к этому же времени и служебные мои отношения обострились до самой последней возможности и принимали мерзейшее направление.

Не одну минуту мрачной и гнетущей меланхолии пришлось пережить мне. Это мрачное для меня состояние достигло высочайшего напряжения в начале весны текущего года, главным образом, Великим постом и особенно в канун поста и на Пасху. Я не знаю, чем бы разрешилось это положение. Только какой-то добрый гений явился ко мне на помощь и спасение: совершенно случайно явилась мысль в нашей компании заняться пением под аккомпанемент фортепиано. Лесничему первому пришла эта спасительная мысль вскоре после Пасхи; он слышал мое пение, мой голос ему понравился, и он научил меня нескольким романсам под гитару, а затем он настоятельно потребовал, чтобы я пел под фортепиано. Засадил он свою жену за фортепиано, а меня самого приставил к фортепиано, и я начал являть свое искусство. Долгое время случалось так, что я пел свое, а жена его играла свое, причем, главным образом, с моей стороны все музыкально-вокальные правила оставлялись в величайшем пренебрежении, а о му-

зыкальном темпе я имел очень печальное представление, почему и из песенных попыток наших в результате получалась ужасная какофония. К тому же и фортепиано было совсем расстроено. Но дело было сделано: благая мысль нашла добрую почву и стала избавительницей от моей ужасной хандры. Мало-помалу все препятствия были побеждены. Выписали из Питера новых струн для фортепиано и сложный камертон. Сколько трудов и хлопот стоило настроить и наладить новые струны, сколько трудов для меня стоило изучить первый романс (каюсь, ночей не спал, все заботился и зубрил первый романс; никому из викуловцев я также об этом не сказывал для поддержания своего престижа), и, наконец, о радость великая, о блаженный день! — под довольно сносно настроенное фортепиано я довольно борзо спел (кое-где и сфальшивил, разумеется, — уж без этого-то нельзя) первый романс — романс Шумана «Во Францию два гренадера...». Сколько было ликования: все Викулово стекалось слушать дивного певца. В настоящее время я уже выписал себе целый обширный альбом пьес рублей на 25, и я пользуюсь обширной известностью (разумеется, пока известность моя не выходит за пределы родного Викулова), но при новых и посторонних лицах я все еще конфужусь и пою не так борзо: все как будто сумно. Кроме шуток, сверх великого ожидания и чаяния, я сделал большие успехи в пении и теперь исполняю очень сложные и хорошие вещи. Занятие это доставляет мне великое наслаждение и утешение.

По прибытии в село Викулово я задумал жить самостоятельно и вести свое хозяйство; на этом основании я нанял себе дом-особняк, взял себе кухарку — старушку-поселенку, которая ухаживала за мной, как за сыном, и лакея-мальчика; завел себе корову и кухонное хозяйство: чашки, плошки да ложки, да проч. Только это мое хозяйство мне не повезло, не пофартило, как говорят сибиряки: каждое утро является кухарка и требует то восемь гривен на муку, то девять гривен на крупу, смотришь, в месяц-то вышло рублей 50—60. Так прожил я месяцев восемь, разорение да и только. В довершение несчастий кухарка моя запила запоем, и лакей мой сбежал, и остался я, как Марий на развалинах Карфагена. Ах, думаю себе, пусто бы вам было: за мои же капиталы да такое посрамление. Плюнул я на все дела и закрыл свою лавочку. Так печально кончилась моя попытка к хозяйственной самостоятельности, причинив мне значительный финансовый ущерб. Теперь я живу на хлебах, имею только одного лакея и живу хотя неприглядно, да спокойно.

Брат, в последнем письме твоем ты, между прочим, черкнул мне, что ты не прочь бы иметь место на сибирской службе. Дол-

го и много я думал над этими твоими словами. Прежде всего это твое заявление было для меня уж слишком неожиданным, прямотаки как снег на голову. Все время мне представлялось и казалось, что ты такой завзятый службист по военной карьере, что и не подумаешь менять полковой мундир на всякий другой, не военный. В этом убеждении меня укрепляло и твое поведение, главным образом, твой отказ от предложения рязанского губернатора принять место начальника тюрьмы. Не мне судить и понимать мотивы, побудившие тебя переменить твои взгляды на карьеру, предполагаю, что эти мотивы были и основательны, и рациональны. Разумеется, уж если ты решил оставить военную службу, так тут нечего и толковать. Весь вопрос в том, как устроиться по выходе из службы. В Сибири много открывается мест и с каждым годом усиливается требование на культурных работников. Вся беда в том, что для занятия этих сибирских должностей и мест требуется или профессиональное образование, или же протекции: последние действительнее первого. Но главное и прежде всего, не робей, не унывай и надейся. Нет сомнения, что по выходе со службы ты много хлебнешь горя и много встретишь неудач и разочарований, да нам ли с тобою бояться неудач, ведь, в сущности, мы великаны на жизненном поприще, и судьба нас далеко не балует. Бог даст, понемногу и помаленьку, взаимно поддерживая и помогая друг другу, мы и выберемся на дорогу и кое-как устроимся. Дело только в том, стоит ли тебе стремиться именно в Сибирь на службу, ведь Сибирь сурова своим климатом и еще больше сурова своим административным гнетом, своими административными порядками или, вернее, беспорядками. Сибирь не знает пощады. И горе тому несчастному, который будет неосторожен и возбудит ярость сибирскую против себя: ему нет спасения, такого злополучного распинают без всякого сожаления. Произвол административный в Сибири практикуется в таких размерах, о которых там, в России, и представления-то не имеют. Тебе особенно нужно бояться службы сибирской потому, что ведь ты совершенно не знаком с канцелярскими порядками и приемами. Собственно говоря, по-моему мнению, ты сделал большую жизненную ошибку в смысле карьеры, отказавшись от предложения губернатора занять место начальника тюрьмы. Канцелярских тонкостей в этой службе очень мало, к условиям службы ты скоро бы привык и жил бы ты теперь превосходно и, наверное, уже имел бы свой экипаж. А главное, ты жил бы и служил бы в крупном губернском городе в центре России, а это не то что служба где-нибудь в захолустье, вроде нашего Викулова. Но, вероятно, этого уже не вернешь. Во всяком случае, отчаиваться не

следует. Но нужно быть и крайне осторожным, прежде чем выходить из полка, надо крепко подумать, например, о своем ближайшем будущем. Жаль, что ты мне почти ничего не писал тогда о своих планах и намерениях. Прямо по получении письма ты мне об этом и напиши, так, чтобы к Рождеству я получил твое письмо. Подумаем вместе. Моя помощь для тебя гарантирована, пока я жив, здоров и служу.

Я посылаю тебе, брат, сто рублей. Если ты на эти деньги раза два-три сводишь свое семейство в ложу ярославского театра, то я глубоко за всех вас буду доволен и счастлив. Если нуждаешься в деньгах, то скажи мне, и я пришлю тебе еще, не могу прислать много, но еще сто рублей выслать я способен всегда по первому твоему требованию. Теперь я уже настоятельнейше и покорнейше буду просить, чтобы мне написали письмецо не только Василий Алексеевич и Елизавета Евгениевна, но и Елена Васильевна. Да, в самом деле, пускай Леля напишет мне хоть строчку своей ручонкой, а я с своей стороны торжественно обещаю и клянусь, что на следующий же год (если дадут отпуск) приеду в Россию и привезу ей за ее строчку ожерелье из уральского топаза. Кстати, сколько Леле лет? Ведь ей, кажется, не более 5 лет?!

Затем прощайте, мои милые и дорогие, еще раз желаю вам всего хорошего, всякого счастия и благополучия, а главное — доброго здоровья, мира и согласия.

Скоро напишу вам еще. Уж теперь конец молчанию.

Горячо вас любящий ваш Петр Алексеевич Городцов.

Адрес: станция Викуловская Тобольской губернии. Судебному следователю — мне.

* * *

6 июня 1896 г.

Гор. Тюмень.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и бесценные племянники: Леля, Олежек и Игорь.

Всем вам шлю я мой низкий поклон, целую вас всех и от искреннего, горячего и любящего сердца шлю вам мое пожелание доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия. Не часто мне удается писать вам, но уж зато тот день, когда я берусь за перо, я благословляю и считаю счастливейшим в моей сибирской жизни. Не знаю, чем и как уверить вас, но, право же, большая доля вины за мое молчание лежит не во мне самом. Вы вот, может быть, уже и сердитесь на меня за то, что я на целых три последних ваших письма не отвечаю, а если бы вы видели и знали, сколько удовольствия приносили мне всякий раз эти ваши письма. Немедленно же по получении ваших писем я являюсь к своим викуловцам и рассказываю им новости с родины, а иногда даже цитирую ваши письма. Фотография моих пле-

мянников была без всякого промедления демонстрирована на викуловском конгрессе и с полным достоинством выдержала самое критическое обсуждение. В самом деле, какая Леля большая и какая она славная! Но Олежек — очарование! Он такой славной зверушкой вышел на карточке и так забавно зачесан — просто прелесть. И знаешь ли, брат, он замечательно походит на тебя. Я никогда не видал Олега, но если бы мне дали его фотографию, то я, ничтоже сумняшеся, признал в нем твоего сына. Хороши у тебя ребятишки, брат, только повнимательней смотри за их здоровьем и физическим развитием. Не делай из своих детей таких, ни к черту негодных, даже физически, уродов, какими сделали меня и брата Николая. А я и Николай действительно уроды. Тебе известно, что Николай совсем глухой. Я тоже не лучше его. Недавно в коронационные дни я простудился и застудил <...>.

В настоящее время я уже служу не в селе Викуловском, а в гор. Тюмени. Я перевелся сюда в начале мая этого года. Гор. Тюмень — лучший во всей Западной Сибири, лучше даже самого Тобольска. Здесь поживется, вероятно, несколько удобнее, чем в Викулово, но все-таки мне жаль Викулова: слишком уж я свыкся и сжился с местными свычаями и обычаями. Судебный мир Сибири переживает теперь очень интересную переходную эпоху и состоит, так сказать, в нервном ожидании судебной реформы и введения новых гражданских законов. Зыбь и рябь родного прогресса докатилась-таки и до наших окраин, и колыхнулось болото стоячее. С введением реформы служба в Сибири будет представлять значительные преимущества пред европейской службой.

Брат, я с большим удовольствием узнал от тебя о твоем реферате в Московской архивной комиссии «о каменном веке в приокском бассейне» и несколько раньше об этом твоего письма я узнал из сообщений в «Русских ведомостях». Чрезвычайно было бы желательно прочитать твой реферат; если он отпечатан в трудах Московской архивной комиссии, то сообщи, в каком номере, я обязательно выпишу. Очень жалко, что реферат твой завенчался таким нежелательным инцидентом с граф. Уваровой. Право же, не стоило бы раздражать эту барыню, в особенности теперь, когда она, в сущности, тебе была нужна. Следовало бы как-нибудь с нею поладить и загладить впечатление. Люди, подобные ей по своему умственному и нравственному складу, не способны возвыситься над критическим отношением, особенно если эта критика касается их; они привыкли к тому, чтобы их всегда и всюду кадили. Ну и пусти их. Кадить им мы не станем, но и раздражать их не следует — бесполез-

но, ведь их не перевоспитаешь. Ты писал мне, что изучаешь геологию, эта наука хорошая, да ни черта я в ней не понимаю и не знаю. А знать из нее мне однажды хотелось, я даже выписал себе учебник геологии, но учебникто мне оказался не по плечу, и я его забросил. Тебе же, я полагаю, он пригодится. Это «Курс геологии» в 2 т. Мушкетова; с переплетом и пересылкой он мне стоил свыше 20 рублей. Было бы жаль, если бы мои деньги пропали задаром. Напиши, и я немедленно тебе его вышлю; себе же я выпишу Иностранцева геологию. Кстати, об археологии. На реке Ишиме я нашел, т.е. вернее для меня нашли, две чудовищных головы каких-то гигантских травоядных чудовищ. Одну такую голову я привез с собою в Тюмень и хочу ее отправить в Москву на имя граф. Уваровой; другую же, если хочешь, я выпишу из села Викулова и пришлю тебе. Голова очень забавная, на нее стоит обратить внимание. У меня есть немецкая книга геологии Фахта, но среди рисунков я такой головы не встречал. В Западной Сибири очень много курганов с останками бронзового века, но каменных орудий я здесь не встречал нигде, по-видимому, их здесь даже нет. Хотя я археологией занимался за оба эти года очень мало за недосугом.

Здесь, в Сибири, я впервые напал на очень интересный памятник старины — на так называемые деревянные святцы. Это четырехгранная деревянная палка, окрашенная в четыре цвета по временам года; ребра четырехгранника-палки имеют по 30—31 вырезке, которые образуют зубчики, число вырезок соответствует числу дней месяца; против дней праздничных (напр., Благовещения, Преображения) сделаны над вырезками фигурки вроде рыбки, елочки, птицы, лодочки и пр. Очень интересная вещь. Я видел такую палку от времен Екатерины II — 1756 г. У меня имеется на длинной ленте бумаги копия с такой палки-святцев с рисунками и отметинами. Эту копию я также хочу отправить Уваровой.

В Тюмени снимаю с себя фотографический портрет; чрез неделю портрет будет готов и тогда же пошлю его вам.

В Тюмени вместе со мною живет и служит товарищем прокурора Алексей Иванович Лучинин. Ты, вероятно, помнишь его по Рязани, он, по крайней мере, тебя знает и помнит, и шлет тебе поклон; при свидании он много о тебе расспрашивал и интересовался твоею жизнью; он женился еще в России пред отправкой в Сибирь, и теперь у него ребенок — хорошенькая девочка. Я торопливо пишу тебе это письмо: ждем массу начальства. В Тобольск едет новый губернатор, кроме того, прокурор Московской судебной палаты для ревизии сибирских судов, затем директор департамента М.В.Д.

Куломзин для ознакомления с постановкой тюремного дела в Сибири; им всем навстречу выезжает наше начальство: председатель, прокурор и другие. А так как Тюмень — ворота Сибири, то все эти встречи нам, тюменцам, придется видеть и во всем этом участвовать. Вообще Сибирью интересуются теперь сильно, и много в ней бывает людей, и слава Богу! Все же не так скучно будет жить здесь.

Затем прощайте. Ей же Богу, скоро опять вам напишу. Ваш Петр Городцов.

Адрес: г. Тюмень Тобол. губ. судебному следователю 2 уч. Тюменского округа.

* * *

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и бесценные племянники!

Шлю вам мой глубокий поклон, желаю вам доброго здоровья и всяческого благополучия. Поздравляю вас с праздником и желаю вам всего-всего хорошего. Дай Бог вам в добром здоровье, мирно и счастливо провести праздники и в радости встретить Новый год.

После последней нашей переписки воды много утекло, много, разумеется, пришлось мне, да и вам, конечно, пережить и испытать, больше, разумеется, плохого, чем хорошего. Такова жизнь, надо с нею примириться и поменьше обращать внимания на житейские тернии и на всяческие камни преткновения. В общем, и лето, и осень я прожил в Тюмени очень порядочно, спокойно и, пожалуй, разнообразно.

Здоровье мое очень хорошо, и я начинаю толстеть, лишь бедные мои уши вечно не в порядке: нет-нет да и заболят, да так заболят, что даже жутко становится. Доктор, который меня лечит, в утешение мне говорит, что моя ушная болезнь останется навеки, что нужно теперь заботиться не о том, чтобы излечить болезнь, а о том, чтобы не дать ей развиться до крайности. И за то ему спасибо. Малейшая простуда отзывается на моих ушах. Но все-таки бывают у меня светлые промежутки, когда я слышу очень хорошо, и в такие промежутки с каким удовольствием я пою! Смешно сказать, но глухая сибирская жизнь сделала меня певцом, и я теперь с очень порядочным успехом исполняю романсы и песни, какие полегче. Уж когда-нибудь мы с вами такой концерт закатим, что запляшут леса и горы. К сожалению, это доброе время нашего свидания придет, вероятно, не скоро: служба уж слишком тянет и давит, да к тому же и средств для того никак не сколотишь. Во время викуловского сидения и заключения я скопил очень порядочную сумму и по приезде в Тюмень имел на руках рублей до 300 свободных денег. Я уже фантазировал: вот, мол, поеду на Русь, деньги на поездку есть. Да недолго пришлось

мне порадоваться: тюменская жизнь так выжала меня, что я теперь даже состою в долгах, разумеется не в разорительных долгах, а лишь так в уморительных. Да как и не разориться, сами посудите: летом в Тюмень прибыл роскошный цирк. Ну, вестимо, и пошел дым коромыслом: артисты, артистки, конфеты, букеты, ужины и черт знает что еще. Просто безобразие. В заключение я возымел такое отвращение к цирку, что вот теперь и работает этот же самый цирк, а я в него ни ногой. Да помимо того, минувшее лето вообще было и разнообразно, и оживленно. В первых числах августа была ревизия судебных учреждений Тобольской губернии — последняя пред реформой. Уже с конца июля для встречи ревизоров: председателя и прокурора Казанской судебной палаты — наше начальство начало наезжать из Тобольска. С трех округов были собраны в Тюмень следователи и товарищи прокурора, народу нас собралось много и прожили в таком компанействе мы целых дней десять; делать было нечего, жилось весело... И прожились же мы за это время! Ревизия прошла, вообще говоря, благополучно. С 1 июля 97 г. я, Бог даст, буду называться уже мировым судьей. Тогда можно будет и жениться. Если женюсь, то совсем на бедной девушке, такой же бедной, как и я сам. Одно желательно было бы, чтобы моя невеста умела играть на рояле, чтобы можно было с нею концерты закатывать — уж слишком я люблю музыку и пение. Шутки в сторону: если бы я не был так глупо простужен, и если бы мне дать хоть какую-нибудь музыкальную выработку, я мог бы очень порядочно петь. Теперь же я не пою, а кричу и выкрикиваю, для других-то это, вероятно, и не совсем приятно, но я сам плаваю в восторге и утопаю в блаженстве, когда исполняю под аккомпанемент рояля какой-нибудь чувствительный романс.

Вот в чем штука, брат Василий Алексеевич. Я почти совсем забыл Дубровичи, то есть забыть-то их я не забыл, а писать я туда совсем перестал. Из Сибири я написал в Дубровичи лишь одно письмо, мне ответил на него наш зять двумя письмами. Это было в самом начале моей жизни в с. Викулове. И после того вот уже года два переписка прекратилась. И я совсем не знаю, что делается в Дубровичах, думаю, что и дубровицкие меня вспоминают разве мимоходом, да и то едва ли добрым словом: вот, дескать, черт побрал его там, в Сибири, не хочет и написать о себе ничего, вестимо, загордился. Удивительные в самом деле отношения устанавливаются в нашем родстве. Что это такое? Полное огрубение чувств, отсутствие их, одичание, что ли? Право, не знаю. Много раз хотелось мне об этом писать тебе, много и подробно, но всякий раз из опасения надоесть тебе я отказывался от этого намерения... Вместе с этим письмом я

посылаю письмо и фотографию в Дубровичи. Это письмо будет второе за три года... Брат-брат! Какие мною узнаны драгоценные стоянки каменного и бронзового веков здесь, в Тюменском округе! Вот бы найти средства! Директор Тюменского реального училища Ив. Яковлевич Словцов, любитель-археолог, составил себе целый музей древностей, и каких древностей! Какие роскошные костяки мамонтов bos primihenius, носорогов!.. Цены нет такому кабинету. Великолепные каменные орудия в его кабинете. Вообще прелесть. Право же, если останусь мировым судьей в гор. Тюмени, то составлю себе подобный же кабинет. Голова, о которой я тебе писал, принадлежит носорогу, таких голов у Словцова целый угол.

Шлю вам свою фотографию. Отчего бы вам не сняться целым семейством, право? В добрый час, снимайтесь-ка! Брат, если пристигнет нужда, пиши, всегда по мере сил и возможности помогу. Ну а теперь пока, до свидания. Еще раз желаю вам доброго здоровья и благополучия.

Спасибо Елизавете Евгениевне за письмо ее от 12 декабря, где она поздравляет меня с праздником. Милое письмо это привело меня в праздничное настроение за пять дней до наступления праздников.

Весь ваш Петр Городцов.
1896 года декабря 20 дня.
Гор. Тюмень.

* * *

6 декабря 1897. Село Тавда.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и детки — племяннички!

Из далекой и холодной Сибири шлю вам мой горячий привет и низкий поклон, душевно желаю вам доброго здоровья и полнейшего благополучия. Это мое письмо, наверное, попадет к вам пред самыми рождественскими праздниками и, следовательно, в самую пору принести вам мои добрые пожелания. Хороший этот праздник, Рождество Христово, с его святыми вечерами — святками. Христос рождается! Ведь с рождением этого высокого младенца рождается и цивилизация, та цивилизация, благами которой живет человечество и по настоящее время, и будет жить еще много-много веков. Недаром все народы христианского мира празднуют рождественский праздник и святые вечера с какою-то, если можно так выразиться, торжественною особенностью, с каким-то особенным глубоким мистицизмом и искренностью, далеко отличающею его от других праздников. И наша святая родина не отстает от своих христианских собратьев и также празднует праздник христианства и цивилизации широко, торжественно и с достаточной долей мистицизма; по части мистицизма-то, пожалуй, хоть и отбавляй. Сколько за каждый истекший год наша родина вынесет тягот, и сколько каждый русский человек

вынесет тревог, горя, волнений и страданий, и все это разлетается в прах при первом же ударе праздничного колокола, разносящего в ночной морозной тишине по всем градам и весям, по всему лицу земли русской благовест. Христос рождается. И бедняку кажется вкуснее его черный хлеб и кислый квас на его бедном столе, и богачи становятся мягче и любовнее к своим меньшим братьям. Дай же Бог и вам, мои дорогие, встретить и проводить предстоящие праздники в добром здоровье, в полнейшем согласии, счастливо и весело.

Я сам предстоящий праздник Рождество встречу в селе Тавде Тюменского округа. Это такой северный пункт, до которого я еще никогда в жизни не добирался. После последнего моего к вам письма много в жизни перемен произошло; Сибирь пережила судебную реформу, и я назначен мировым судьей; кличка недурная и рангом гораздо выше, чем следователь, да и жалованья дают куда больше, чем когда я был следователем. Сибирская реформа прошла, вообще говоря, с большей ломкой для частной жизни сибирских судебных деятелей и с большим треском, чем можно было ожидать и чем мы ожидали; реформа эта выбросила многих из моих товарищей за борт служебного корабля, бедные, их положение очень печально. Меня лично эта реформенная буря хотя и не выбросила за борт (я по этой части цепкий, как выражается дубровицкий Вася Андреев), но уже зато посадила меня в такой болотине, что хуже выдумать невозможно; меня назначили судьей в Тавдинский край, смежный с пресловутым Пелымским краем. Тавда—Пелым — это те самые названия, о которых принято говорить, что они веют холодом ссылки. Тавда — это непроходимые болота, необозримые пустоши, непролазные леса, страшная глушь, зверя и дичи столько, что и представить трудно. Единственно, что хорошо в моем назначении, это то, что мало дела и дешево жить. Тюмень меня вдребезги разорила: этакий поганый городишко, так все в нем дорого: квартиры — приступу нет, все прочее «под кодрель» квартирам; мои товарищи, тюменские судьи, все по уши влезли в долги. А я себе поживаю в Тавде, благодушествую, по малости скучаю, да на это наплевать, свищу в кулак да подшучиваю над товарищами: «что, мол, взяли, должайте теперь, когда-то расплатитесь, а мы при собственном капитале». И ведь завидуют теперь мне мои коллеги, ей-Богу. А раньше куда, совсем засмеяли меня: тавдинец, говорят. Ах вы!.. Да, признаться сказать, и сам я при первом известии о таком моем назначении жестоко заскучал, мысли черные обуяли совсем было мою победную головушку, и черная тоска холодом окутала мое одинокое сердце, ну, словом, совсем затосковал и закручинился: посыпал пеплом я главу и разодрал мои

одежды, какие похуже, разумеется, и с камнем тяжелым на сердце двинулся в Тавду, куда и приехал очень скромным и невзрачным путником, без всякой помпы, и таким своим незначительным появлением я жестоко обманул ожидания тавдинцев, тавдинцы до сих пор не могут простить мне и до сих пор не могут примириться с мыслью, что мир. судья явился к ним словно крадучись, и явился каким-то прощальным, с очень скудным багажом, тогда как они ожидали, что мировой явится к ним с этаким необыкновенным блеском и великолепием и привезет с собою всякого имущества и богачества, по крайней мере, на трех кораблях. В настоящее время я не только примирился с своим заключением, но даже, пожалуй, и доволен им; у меня теперь есть время и деньги, тем и другим я хочу воспользоваться для пополнения моего знания. За время своих бесконечных скитаний я не только не получил ничего по части познаний, но даже, как и следует ожидать, растратил все, что знал. Недавно я послал в Москву большой заказ книг, главным образом юридических, прибудут эти книги, засяду и поучусь: в Тавде никто не помешает моим занятиям. В этом смысле я даже решил до июля месяца 98 года из Тавды не переходить, хотя бы мне предложили лучшее место! По части занятий Тавда — клад, но по части покорения дамских сердец Тавда — одно огорчение. Как только тюменские шутихи, куропатками я их называю, узнали, что меня закатали в Тавду, так сейчас же распустили свои хвосты и подняли носы и на меня — ни единым взглядом, словно я превратился в какую-нибудь невидимую каплю. Раньше туда-сюда юлили, а теперь... Ах, вы шутихи! Случись как-нибудь по неосторожности предложить: так и так, не угодно ли, мол, сударыня, иметь со мною по обычаю древних общение с огнем и водою и не угодно ли вам, сударыня, стать жрицею моего очага и моих пенатов, так куда тебе, сейчас же: «Как это можно!.. Тавда, ах!..» — и обморок. Впрочем, в последнее время и по этой части мои фонды значительно поднялись.

Эх, мои дорогие, ужасно плохо подолгу не писать, письма выходят предлинные да д.б. и преглупые, чрезвычайно трудно их писать и, несомненно, еще труднее их читать. Ну что делать, простите, что м. б. до полусмерти уморил вас этим письмом. В самом деле, такой долгий перерыв в нашей переписке обуславливается, для меня по крайней мере, тем, что я малость затужился. Да теперь, слава Богу, все отошло, словно рукой сняло. Теперь я весел и надеюсь отлично провести святки в Тюмени, где я имею возможность бывать когда угодно и сколько угодно, и Новый год встречу там же.

Вася, у меня есть к тебе просьба. Была у меня книга: курс

политической экономии проф. Иванюкова — подарок покойного Языкова, и я ее где-то затерял, посмотри у себя, не затерялась ли она где-нибудь с твоими книгами, если найдешь, пришли ее, пожалуйста, ко мне поскорее. Затем еще вот какое дело. Одна тюменская барышня, она хоть также шутиха и куропатка, но всетаки славная, задумала учиться по-французски для того, чтобы поступить на телеграф. Нелегкая дернула меня порекомендовать ей самоучитель Оллендорфа, она выписала, но ей прислали какой-то другой, очень плохой, она послана обратно, и ей ответили, что Оллендорфа нет. Девица в отчаянии. Тут я вспомнил, что у тебя этот самоучитель есть, и вот я тебя и прошу: пришли мне его, пожалуйста, ненадолго, хоть месяца на три, выручи меня и не посрами меня в глазах этой куропатки, буду очень благодарен. Кстати, сам-то ты как, продолжаешь ли практиковать французский язык, помнится, ты даже и немецкому обучался. Я же лично, слава Богу, по части языков совсем освободился и из немецкого помню только «фатер да матер», да и то, кажется, «матер»-то будет по-латински. Знаешь ли, брат, тавдинская жизнь иногда навевает на меня такие мысли: зачем я не естественник?

Какое обилие представляет Сибирь для естествоиспытаний, и я ровно ничего не могу и не знаю. Откровенно говоря, я отличаю домашнего селезня от утки лишь по тому, что у него в хвосте есть косички, а есть ли таковые косички в хвосте дикого селезня, ей-Богу, не знаю. К сожалению, мое скверное здоровье не позволяет мне ни побродить по лесам и болотам, ни поохотиться.

Ну, кажется, я довольно наговорил. Прощайте, живите счастливо и в добром здравии, не забывайте и меня, напишите, как ваши детки, небось, большие, так бы и посмотрел их.

Ваш брат и друг Петр Городцов.

Мой адрес: село Тавдинское Тюменского окр., мировому судье 5 участка Тюменского округа.

Декабрь 1897 года.

* * *

Милейший Вася, шлю тебе сто (100) рублей, шлю на всякий случай, может быть, пригодятся, и если они тебе действительно пригодятся, то буду в душе этим глубоко доволен. Прошу только тебя об одном: купи по гостинцу твоим деткам и положи в рождественскую ночь гостинчики в детские сапожки, а когда детки в рождественское утро найдут в своих сапожках по гостинчику, ты и объясни им, что это от сибирского дяди, и если детки будут рады, то, я надеюсь, их святая детская радость отразится на многотысячном расстоянии и в моем одиноком сердце; пожалуй, расскажи при этом и какую-нибудь побасенку, что, мол, сапожки их за рождественскую ночь бегали в Сибирь поздравить дядю

с праздником, и дядя их наложил гостинцами для деток сапожки доверху, да сапожки на возвратном пути слишком торопились, спешили вернуться к деткам вовремя и гостинцы-то дорогой все рассыпались, и осталось лишь то, что детишки найдут в наличности.

Ты, как я узнал, посылал мне в гор. Тюмень твою статью по археологии; представь себе, проклятая сибирская почта не доставила ко мне твою посылку, словно я неизвестен никому в Тюмени. Вероятно, эта твоя рукопись вернулась уже к тебе, тогда я просил бы тебя, пожалуйста, пришли ее мне, я с удовольствием прочитаю ее. Но если ты ее еще не получил, то поскорее напиши мне, и я перерою всю проклятую тюменскую почтовую контору и разыщу твою посылку.

Затем прощай, мой привет и низкий поклон Елизавете Евгениевне, целую твоих деток.

Твой Петр Алексеевич Городцов.

Адрес: село Тавдинское Тюменского округа, мировому судье 5 участка.

P.S. Кстати, расскажи, как ты попал в полковой дом, ведь этого добиться, кажется, очень трудно.

1897 г. декабря 7 дня,
село Тавда.

* * *

20 декабря 1897

Милый Вася, пишу тебе из Тюмени, куда я завернул из моих деловых поездок по округу. Я навел справки в тюменском почтамте, перерыл весь почтамт, и по справкам оказалось, что никогда от тебя на мое [имя] ни посылки, ни книг в бандероли не поступало, а если бы таковая поступила, то, как мне сказали, она немедленно же была бы доставлена мне в Тавду, и в Тюмени-то посылка не пропала бы, потому что меня здесь знают. Ясное дело, что книга твоя пропала где-нибудь дорогой, поэтому сделай заявление в Ярославле. А пока суд и дело, как говорят в Сибири, не найдешь ли возможность прислать мне другой экземпляр твоей брошюры: с наслаждением бы прочитал, будь любезен, пришли. Пришли и те две книжки, о которых я просил тебя в предыдущем письме.

Это мое письмо придет к тебе, вероятно, как раз к Новому году, поздравляю поэтому тебя, Елизавету Евгениевну и деток с Новым годом, от души желаю вам доброго здоровья, счастья и полного благополучия, желаю вам как можно веселее и счастливее встретить Новый год. Ведь вы теперь недалеко живете от военного собрания, наверное, повеселитесь и детишек раза два отправите в собрание на елку. А что, ваш младший сынок такой же славный, как старший? А как Леля? То-то, небось, выросла! Дай Бог здоровья вашим деткам. Берегите, берегите их, никакая житейская борьба не страшна при добром здоровье. Вася, если

бы ты прислал свою брошюру, то я показал бы ее директору местной гимназии Ивану Яковлевичу Словцову и я прислал бы тебе его брошюру о раскопках каменного века, им произведенных; не худо, поэтому, если бы ты прислал брошюру в двух и даже в трех экземплярах. Я пишу так мало потому, что, во-первых, некогда, а во-вторых, подожду от вас ответа.

Теперь же прощайте и будьте здоровы.

Ваш брат и друг Петр А. Городцов.

Мой адрес: В село Тавдинское Тюменского округа, мировому судье 5 участка.

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Наконец-то наступила и моя очередь отпраздновать праздник жизни: наконец настало мое время покончить счеты с молодою холостяцкой жизнью и начать новую, неведомую мне жизнь. 1 января 1898 года, т.е. в самый Новый год, я сделал предложение одной тюменской барышне, предложение мое принято, и я — жених. Звать мою невесту Евфросиния Владимировна Петрова. Отец моей невесты, Владимир Гаврилович Петров, состоит агентом страхового общества «Россия» и бухгалтером Сибирского торгового банка; мать ее — Анна Спиридоновна Петрова. Семейство Петровых большое и состоит из трех сыновей и трех дочерей; моя невеста — старшая дочь Петровых. Дом Петровых почтенный, открытый и пользующийся общим уважением в городе. Дом Петровых гостеприимный, зажиточный, но не богатый. С невестой своей я познакомился вскоре после перевода моего из Викулова в гор. Тюмень, она еще молодая девушка, лет на десять моложе меня. Невеста моя Евфросиния Владимировна, или, как я ее называю, Фрося, кончила тюменскую прогимназию и получила вполне приличное домашнее воспитание и отлично играет на рояле. Фрося не блещет внешней красотою, небольшого роста, худенькая и бледненькая, но она славная и вполне интеллигентная девушка, умная, сердечная и трудолюбивая. Наша свадьба будет, вернее всего, после Пасхи, хоть мне лично и Фросе хотелось бы устроить свадьбу до Масленицы, но родители невесты всячески настаивают на том, чтобы свадьбу отложить до апреля месяца, потому что до Масленицы за короткий срок они не могут сделать надлежащих свадебных приготовлений. О дне свадьбы я вас извещу особо письмом или даже телеграммой. Скоро пришлю вам карточку моей невесты, пришлю также и свою фотографию.

Счастливый, я вступаю в новую жизнь при хороших предзнаменованиях, с Фросей мы питаем друг к другу глубокие симпатии, и симпатии эти начались с первых же дней нашего знаком-

ства. Надеюсь, что с помощью Бога я хорошо устрою мою жизнь и жизнь моей Фроси, надеюсь, что с новою жизнью покончатся те непорядки, которые сопровождали мою холостяцкую жизнь и которые мне глубоко, до отвращения, надоели. Жаль одно, что молодую жену придется везти прямо в деревню. Ну да ничего! Я постараюсь, чтобы ей не было скучно, да к тому же это, кажется, и ненадолго, потому что есть основательная надежда, что я буду переведен в Тюмень или Тобольск, да и в деревне мы сумеем устроить себе хороший уголок.

Пишу это письмо с некоторыми перерывами: начал его в с. Тавде, а кончаю в г. Тюмени. Вчера по прибытии в город я попал на вечерок к невесте: у нее было много барышень — подруг ее. После вечера, по уходу гостей, когда я остался в доме невесты один, я снова завел речь о свадьбе, и было окончательно решено сделать свадьбу в апреле, после Пасхи. Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, как бы я был глубоко счастлив и доволен, если бы вы оба и с детками приехали ко мне на свадьбу. Ведь вы единственно близкие и дорогие мне люди, благодаря которым я выбрался на дорогу. Да, кроме вас, едва ли кто и может поехать ко мне: отец — старик, и, конечно, не решится на дальний путь, равно Василий Иванович с Машей, и то едва ли; не надеюсь я также, чтобы приехали ко мне Григорий Абрамович с Анютой. На вас одних да еще на Григория Сидоровича только есть надежды. А тяжело не видеть на своей свадьбе родного лица. Приезжайте, прошу вас и умоляю. Если вы согласитесь, то я пришлю денег на дорогу, а прожить в Тюмени стоит пустяков, из-за которых и разговору быть не может.

Много бы хотелось писать вам, да некогда. Напишу скоро еще. Отвечайте, Бога ради, поскорее.

Любящий вас ваш брат и друг Петр Городцов.

12 января 1898 г.

Адрес тот же: село Тавдинское, мировому судье 5 уч. Тюменского округа.

* * *

Милый Вася!

Одно время ты совершенно основательно упрекал меня за слишком ленивую корреспонденцию, боюсь, что теперь ты упрекнешь меня за другую, совсем противоположную крайность: я, кажется, совсем забросал тебя письмами, прошу извинить. Получил твою брошюрку с описанием нашего милого Борка и Черепков и прочитал ее с большим удовольствием и великим вниманием. Хорошо написана статья, толково и старательно, хвала тебе и честь. К сожалению, не могу за недостатком времени высказать тебе своего подробного суждения, я сделаю это как-нибудь после, я позволю себе лишь одно небольшое замечание.

Мне думается, что главные твои выводы сделаны слишком спешно и недостаточно убедительно. Ты называешь Черепки жилищем-стоянкой и далее крестишь эту стоянку новым именем «плотинных жилищ». Едва ли с этим можно согласиться. Ведь я-то хорошо знаю и Борок, и Черепки, и склоняюсь к тому мнению, что Черепки никогда не были и не могли быть жилищем; жилищем для примитивного человека был Борок, а назначение и значение Черепков и до сих пор, даже после твоей статьи, остается неоткрытым и загадочным; скажу даже более. После твоих исследований значение Черепков не сделалось яснее и понятнее, и твое-то исследование меня всего более убеждает в том, что Черепки никогда не были жилищем. Твое исследование меня приводит к такому предположению, что Черепки были храмом, капищем, и такому предположению, по моему мнению, вполне отвечает твое описание: очаг, около которого могли поместиться 4 человека лишь в сидячем положении, кухонные отбросы — остатки жертвенной трапезы и масса осколков кремней и сотни отделанных орудий и поделок из глины. Ничего нет приличнее для жрецов — уже, разумеется, старейшин родов, как заниматься изготовлением в своем святилище орудий борьбы за существование и средств существования для более молодого и воинствующего поколения; даже <...>, облегающие Черепки правильным квадратом, подтверждают предположение Черепков как храма-капища, в смысле стремления дикарей оградить-укрепить свое святилище; тем более что храмы искони служили крепостями и оплотами от вражеских нападений. И в этом своем значении храма-капища Черепки имеют особенно высокое и ценное научное значение; значение же Черепков как жилища слишком гадательно и недостаточно убедительно. Ведь вся площадь Черепков слишком незначительна, и на ней могло бы поместиться слишком мало людей, которых можно насчитывать единицами. Тогда как Черепки — сооружение титанов и не под силу немногим людям, Черепки — плод усилий целого и очень обширного клана, целого племени, которое могло поместиться лишь на Борке. Черепки — явление, по-видимому, единичное, и вполне понятно: может быть, что Черепки были святилищем для дикарей, рассеянных на большом протяжении Оки. Скоро передам второй экземпляр твоей статьи Словцову и побеседую с ним, и тогда подробнее напишу тебе, теперь же, ей-Богу, некогда, завален работой.

Милейший Вася, будь добр, пришли, пожалуйста, мне по возможности поскорее списочек твоих книг, руководств и атласов по естественной истории для составления коллекций, о которых ты говорил мне

в прошлом письме, я хочу их выписать себе. Теперь я опять живу в деревне, и возможно, что эти атласы и руководства мне пригодятся.

Затем прощай, кланяйся Елизавете Евгениевне, целуй детишек. Вам всем кланяется и моя невеста Фрося, ей тоже ужасно хочется собирать букашек по атласам, боюсь, что она сделает меня совсем ученым естествоиспытателем.

Твой брат Петр Городцов.

Отвечай, брат, поскорее, с нетерпением ждут от тебя писем.

П. Г.

1898 года января 28 дня,
село Тавдинское.

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Шлю вам мой горячий привет и низкий поклон. Дай Бог вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия.

Свадьба моя назначена 19 апреля, в воскресенье, т.е. неделю спустя после красной горки; я несколько отложил свадьбу затем, чтобы дать возможность приехать из России, может, родным и знакомым, не портя Пасхи на поездку.

ОТРѢЗНОЙ КУПОНЪ.

25 руб. коп.

(сумма перевода).

Отъ Мирового Судьи 5 участка Тюменского уезда Петра Алексеевича Городцова

Письменное сообщеніе на оборотѣ этого купона.

Вася, я передал твою брошюру о Черепках директору реальной гимназии Словцову и от него получил две брошюры, из коих одна, о раскопках каменного века, назначена тебе, другая же, о Тавдинско-Пелымском крае, — мне, но я тебе пришлю и эту, вторую брошюру: она очень интересна. В предыдущем письме ты писал, что послал мне две брошюры, представь, я их еще не получал; уж не пропали ли они, как первая брошюра очерков, ведь это просто подлость почтового ведомства — не доставлять бандерольные отправления. Уведоми меня, пожалуйста, когда ты послал ко мне две брошюры и каким отравлением послал.

Отвечайте поскорее. Жду письма от Елизаветы Евгениевны, о котором упоминает Вася, а письма этого все нет. Целую деток.

Затем до свидания и будьте здоровы.

Ваш Петр Алек. Городцов.

С обратной стороны купона: «Милейший брат Василий Алексеевич, посылаю тебе обещанные ранее деньги, 25 рублей. Поздравляю тебя и твою семью с праздниками и с Новым годом, и кануном 20 столетия. Жена кланяется всем. Ваш П. Городцов.

29 дек. 98 г.»

(ГИМ. Ф.431. Д.371. Л.74, об.)

1898 года февраля 22 дня, село Тавда.

Адрес тот же: мир. судье 5 уч. Тюмен. окр. Село Тавдинское.

Скоро пришлю вам карточку свою и невесты. П.Г.

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия. Пишу вам наскоро, с оказией. Жаль, разумеется, если вы не соберетесь ко мне на свадьбу, но помочь этому нельзя. А может быть, и соберетесь.

Я переменил свое местожительство и перевел свою камеру из села Тавды в село Караульноярское. Числа с 10 апреля, с конца Пасхи, и до свадьбы, до 19 апреля включительно, я буду уже в Тюмени, и тогда писать мне надо по такому адресу: «Тюмень, Малое Городище, дом Пиотровского, квартира Петрова, мне», а телеграфировать примерно так: «Тюмень бухгалтеру Сибирского банка Петрову».

Как только выберется посвободней время, напишу вам подробнее.

Теперь же пока, прощайте. Целую деток.

Петр Городцов.

Апреля 1898 г., село Караульноярское.

* * *

Христос Воскресе!

Поздравляю вас, дорогой Вася и Елизавета Евгениевна, с светлым праздником. Искренно желаю вам всякого благополучия и доброго здоровья.

Готовый к услугам ваш Петр Городцов.

Мой адрес несколько меняется в таком виде: «Село Караульноярское Тюменского округа, мировому судье 5 участка».

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, посылаю вам две фотографические карточки: одна венчальная, а другая сделана за несколько дней до свадьбы.

За то, что не писал вам так долго, простите, а главное — не гневайтесь: все пустяки и не писал я вам до сих пор лишь потому, что слишком углубился в свои личные интересы и впечатления. Это, с моей стороны, эгоистично и нехорошо, да уж ничего не поделаешь, так случилось.

О получении карточек напишите. Скоро, на днях, заведем с вами более действительную переписку, а теперь пока этим и ограничимся. Живу я теперь с женою, слава Богу, недурно, привыкаем друг к другу. Жена вам кланяется.

Затем до свидания. Ваш Петр А. Городцов.

Адрес пишите теперь таков: станция Иевлево Тюменского округа, мировому судье 5 участка Тюменского округа.

Этот адрес пишу потому, что я перевел свою камеру из села Тавды в село Караульноярское,

рядом со ст. Иевлевой. Село Тавда слишком глухой пункт, а село Караульноярское несколько оживленнее: оно стоит на большом почтовом тракту между Тюменью и Тобольском.

П. Городцов.

Целую деточек.

1898 года августа 4 дня,

с. Караульноярское.

* * *

12 июля 1900 года,

село Караульноярское, Сибирь.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и милые племянники!

Всем вам шлю мой привет и горячо вас целую.

Милый брат, на политических горизонтах загорелась кровавая заря, необъятный Китай шелохнулся, борьба идет не только в пределах Китая, но уже и в пределы нашей Сибири ворвались банды китайцев. Бог знает, как и когда дело кончится. Возможно, что и ваш полк двинется в поход, походная жизнь потребует особых расходов для тебя, потому я и хотел бы тебе помочь в этом деле. Я могу выслать тебе по первому твоему требования до тысячи (1000) рублей. Смею тебя уверить, что деньги эти мои собственные, нажитые праведным и нелегким путем — путем сбережений, и, следовательно, можешь располагать ими со спокойной совестью. Я могу выслать тебе все эти 1000 р. или же буду высылать их тебе или твоей семье по частям, как хочешь и как найдешь для себя удобней. Если тебе нужны деньги сей же час, то телеграфируй мне так: «Станция Иевлево Тобольской губернии Городцову. Выслать столько-то». И я немедленно телеграфом же переведу тебе чрез Сибирский или другой какой банк. Я советовал бы тебе, Вася, запастись для похода кольчугой, во сколько бы она ни обошлась, я думаю, что ее можно было бы купить в Москве или Петербурге. Если будешь писать, то пиши заказными письмами, потому что у нас, в Сибири, пропадают не только простые, а даже и заказные письма.

От вас я в последнее время получил два письма, одно от тебя, Вася, в котором ты просил меня прислать тебе 100 руб. на приданое Кате. На это письмо я тебе не ответил потому, что не люблю я детей Анны и не хочу для них тратиться, да и тебе не советую на них расходоваться; разумеется, делай, как тебе Бог на душу положит. Второе письмо я получил от Елизаветы Евгениевны и каюсь — не ответил на него без всякой видимой причины; причины-то были и, может быть, основательные, да нет охоты о них говорить. Во всяком случае, я глубоко извиняюсь пред Елизаветой Евгениевной.

Я не хотел брать отпуска еще на год, но если бы тебе объявился поход и можно было бы с тобой успеть повидаться хоть на дороге, то я взял бы короткий отпуск и уехал к тебе

повидаться; напиши 'об этом, Вася. Пожалуйста, только не сердись, что я не отвечал на твои письма; если Бог приведет, поговорим и об этом при свидании. В настоящее время я посылаю тебе 100 рублей, может быть, и пригодятся.

Жена моя кланяется вам и целует вас.

Любящий вас ваш брат и друг Петр Городцов.

Мой адрес прежний: на станцию Иевлево Тоб. губернии Тюменского уезда, мир. судье 5 участка Тюменского уезда.

P.S. Если вы мне посылали еще письма, кроме 2, о которых я вам говорил, то сообщите мне об этом, пожалуйста, я постараюсь проучить почтовую контору.

П.Г.

* * *

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна, племянники и племянницы!

Шлю вам всем мой низкий поклон и горячо вас всех целую. Дай Бог всем вам доброго здоровья и полнейшего благополучия.

Страшно жалко, что, вероятно, еще очень не скоро я буду иметь счастие принести вам мое приветствие лично, т.к. отпуск я возьму при благоприятных условиях — не ранее осени следующего года, следовательно, ровно чрез год, а хотелось бы побывать у вас и повидать вас, а не виделись мы давно, и скучаю я сильно по родным, да и устал от работы, а работа у нас поистине сибирская, хоть то утешительно, что оплачивается в последнее время хорошо.

Последних два письма Васиных я получил: в последнем Вася меня пригласил в кумовья; я уже ответил телеграммой, что с восторгом принял это предложение. Этим предложением я был очень обрадован. Значит, будем куманьками. В добрый час. Лишь бы Елизавета Евгениевна была в добром здоровье да поправлялась бы скорее. Любопытно узнать поскорее, кто у меня будет — крестник или крестница. Я заказал крест с розовой лентой и с своей стороны был бы рад, если бы не ошибся. Крест я еще не выслал, потому что в Тюмени я не нашел себе по вкусу и послал в Екатеринбург, и надеюсь, оттуда пришлют мне крест хороший. С получением крест немедленно пошлю вам.

Живу я и служу все еще в деревне в полном одиночестве, следовательно, для скуки и томления большой простор. По счастью, в последний год я так был завален работой, что для скуки оставалось немного времени.

В ночь на 3 августа 1899 года меня обокрали: воры выломали окно в моей квартире, взломали сундуки и ящики комода и похитили массу имущества: белья, столовую и чайную серебряную посуду и главное — золотые и бриллиантовые вещи моей жены, всего более чем на 2000 рублей.

Меня и моей жены в ту ночь дома не было, мы на несколько дней уезжали в Тюмень. Вора нашли, но из имущества почти ничего не нашли, а что и нашлось, то так исковеркано и испорчено, что никуда не годится. Хотел писать вам об этой краже тогда же, да раздумал, потому что приятно делиться хорошими новостями, а не такою дрянью, теперь же пишу об этом так, к слову. С домашними, с дубровичами, я совсем не переписываюсь, не переписываюсь и с Анютой.

Вася, если ты знаешь, где и что делает Григорий Сидорович, то напиши мне о нем, уж больно давно я о нем ничего не слыхал.

Меня очень обрадовала весточка, что красавица дочка ваша Леля учится в Полтаве в институте, дело очень хорошее. Печаловаться о разлуке, на мой взгляд, не стоит, потому что она устроена хорошо и надежно. В утешение свое вспоминай, брат Вася, почаще, как мы с тобой учились и как протекало наше детство. Когда будете писать Леле, кланяйтесь ей и от меня, пускай она напишет своему дядесибиряку, и я отвечу ей, а может, пошлю и гостинчику, вот у нас заведется корреспонденция!..

Жена вам всем кланяется.

Затем прощайте и будьте здоровы. Пишите.

Ваш брат и друг Петр Алексеевич Городцов.

Адрес тот же.

1900 года октября 4 дня,

с. Караульноярское.

* * *

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Поздравляю вас еще с наследником, моим крестничком Ростиславом. Посылаю вам для моего крестника крест. Да принесет этот крест благословение Божие, силу и здоровье дорогому крестнику Ростиславу. Искренно желаю поскорее увидеть своего крестничка, да только едва ли это удастся мне ранее следующей осени, а через год, Бог даст, мой Ростиславчик встретит меня бегом на своих ножках.

Как здоровье Елизаветы Евгениевны, поправляется ли? Если не трудно для нее, то я искренно просил бы ее написать мне кое-что о себе и о детках.

Сообщите мне, учится ли Леля на рояле, а учиться ей надо: уж слишком хорошая вещь — играть на рояле, ведь в институте, наверное, ведется преподавание игре, так, следовательно, препятствий для этого не предвидится. Плата же за учение, вероятно, невысокая, как-нибудь общими силами мы с тобой, брат, справили бы плату за обучение Лели музыке. Ведь она у тебя одна, надо постараться о ее воспитании. Мальчики — те разбойники, сами пробьют себе дорогу. Карточку Лели мне пришли, пришли и свою карточку. Твою карточку я уже получил как-то очень давно и не помню, уведомил ли я тебя об этом. Получил также и фотографическую группу — Елизаве-

ту Евгениевну с детками и кумушку Софью Николаевну. Теперь та карточка-группа очень пригодилась, потому что я знаю свою кумушку. Я всего два раза крестил, и у меня всего две кумушки, и обе славные. Почтение и низкий поклон моей кумушке Софье Николаевне.

Мы с женой оба здоровы, живем в деревне с маленьким подобием старосветских помещиков. Детей у нас нет. Кланяемся вам и желаем всем вам доброго здоровья и счастья.

Ваш брат и друг Петр Алексеевич Городцов.

Мне хочется вам послать свою фотографию и я обязательно пошлю, но я еще не снимался.

П.Г.

1900 г. октября 12 дня,
село Караульноярское.

Вася, в Тобольске есть мастерская, изготовляющая вещи из мамонтовой кости, делают шкатулки, портсигары, запонки, дамские украшения, не хочешь ли, я пришлю тебе чего-нибудь на память. В половине ноября я думаю съездить в Тобольск и что-нибудь обязательно тебе пришлю.

П. Городцов.

* * *

Милые и дорогие мои Вася, Елизавета Евгениевна, племянники и крестничек Ростислав!

Сердечно поздравляю всех вас с Новым годом и с новым счастьем, искренно желаю всем вам доброго здоровья, счастья, радости и полнейшего благополучия.

Очень жалко, что не удалось мне ранее поздравить вас и своевременно поделиться с вами праздничным настроением, всему виной тяжелые условия службы. Мне очень много приходится разъезжать. Я, например, в последний раз вернулся из уезда домой в ночь на 24 декабря, т.е. накануне Рождественского сочельника, и вернулся утомленный и слегка больной; вообще, после всякой поездки я несколько дней болею и могу вести лишь самые неотложные дела. В таком настроении, разумеется, не до писем. Хотя я люблю переписываться и очень скучаю, если переписка надолго прерывается. В настоящее время я отвечаю вам на письмо ваше, опущенное в почтовый ящик 21 декабря и написанное 3 лицами и, таким образом, представляющее собою сразу три письма. Письмо это я получил 3 января и немедленно же на него отвечаю. За письмо шлю свое спасибо, я ему очень обрадовался. Спасибо Лелечке, что она не забыла меня и не сердится, что я не ответил на ее последнее письмо из Полтавы, спасибо и Олежику, который в своем письме помимо родственных чувств проявил также и прекрасный твердый почерк.

В своем письмеце племянница Леля затронула важный

вопрос, над которым я давно ломаю голову и которого удовлетворительно разрешить не могу, — вопрос об отпуске; племяннице хочется, чтобы я приехал во время летних каникул, с мая по сентябрь; для меня, конечно, каникул не существует, и я делю время по-своему: на летний и зимний сезоны, но сущность дела одна и та же. Но дело в том, что я действительно не знаю, когда мне ехать в отпуск — в летний или зимний сезон; с одной стороны, летний сезон представляет более удобств для отдыха, а с другой стороны, зимний сезон удобнее в смысле свиданий с нужными людьми. Я лично склоняюсь по поводу зимнего сезона и думаю, что возьму отпуск на 4 м-ца — с октября месяца, причем мне хотелось бы прожить в Петербурге по крайней мере месяц. Лелю я во всяком случае повидаю, если не в Ярославле, то в Полтаве. Должен сознаться, что я страшно скучаю по родным и рад был бы хоть на время выбраться из своей ссылки.

Посланные в ноябре месяце брошюры Васины я получил и за них благодарю. Я прочитал их с удовольствием. Если увидите мою кумушку, то шлите ей от меня мой низкий поклон и поздравьте ее от меня с Новым годом и с новым счастьем.

Затем прощайте, искренно желаю вам всего хорошего. Жена моя всем вам кланяется и целует.

Остаюсь любящий вас ваш Петр А. Городцов.

P.S. Решительно никто не шлет мне писем: ни из Дубровичей, ни из Питера, зато уж и я крепко отмалчиваюсь.

П.Г.

1901 года января 3 дня, Сибирь.

Адрес мой тот же.

* * *

Милейший Вася!

Письмо твое я получил уже с неделю тому назад и все сбирался написать тебе и ответить на твои вопросы, изложенные в этом твоем письме, да все както не удавалось взяться за перо: то отвлекался питерской жизнью, то дожидался ответа от Василия Ивановича, которому я писал около двух недель тому назад, и так не дождался я этого ответа. Василий Иванович теперь в Москве, в Екатерининской больнице, и намерен пролежать там с месяц и даже более; туда-то, в Москву, я и послал ему письмо, на которое вот уже много дней тщетно жду ответа. У Василия Ивановича пятеро детей: одна дочка — моя крестница и четыре сына. И какие у него дети — прелесть: красавцы и бутузы, смуглые здоровяки. Лишь старший, мальчик Саша, говорят, худенький, но я его не видел, потому что я был в Рязани тогда, когда Саша болел скарлатиной и лежал в больнице духовного училища в карантине, к нему даже

матери не допустили. Вас. Ив. построил в Дубровичах хороший дом, каменный, крытый железом, даже двери и ставни обиты железом, так что дом в пожарном отношении вовсе безопасен, дом просторный и светлый, одна дверь выходит на улицу, а другая — в сад. Вообще, помещение в Дубровичах теперь совсем хорошее. Григорий Абрамович с семьей живет в квартире старшего брата Андрея Абрамовича и занимает одну только, хотя и довольно просторную, комнату. По-видимому, Анюта за эту комнату отправляет обязанности кухарки у жены Андрея Абр. Жена же Андрея Абр., по-видимому, женщина злая и вспыльчивая и, вероятно, частенько дает почувствовать Анюте ее приживательство. Сам же Андрей Абр. человек очень хороший и милый, и, разумеется, только его характером обуславливается для Анюты возможность жить на даровой квартире. Анюта представляет собою уже вполне старушку, но довольно еще бодрую, и когда бы я ни пришел к ним, всегда застаю ее за хлопотами. Мне она бывает всегда рада, при моем приходе все суетится: не знает, где посадить, чем угостить. Наташа служит в дворянском банке с жалованьем 35 руб. в месяц и на это-то жалованье живет. Анюта с семьей Гр. Абр. получает пенсию 10 руб. в месяц. Я часто бываю у Анюты и подолгу у нее беседую. В последнее время Григорий Абрамов. заметно поправляется и крепнет, а за последние дни он один, без посторонней помощи, выходит на улицу и делает прогулку вокруг своего квартала, и это обстоятельство радует как его самого, так и всех окружающих. Но до полного выздоровления, повидимому, еще очень далеко, т.к. левая нога и рука, и вообще вся левая часть тела, у него парализованы; ходить он может, но левую ногу волочит, левой рукою он слегка двигает, но владеть ею не может и ничего делать ею не может.

В Москве я был пять раз в опере и два раза в Художественном театре, в Малый не попал, потому что не понравились пьесы, назначенные в этом театре. Затем я был в Третьяковской галерее, в Румянцевском музее, Оружейной и Грановитой палате и осмотрел подробно храм Христа Спасителя и Кремль.

В Петербурге тоже осмотрел все, что есть в нем замечательного. Эрмитаж м.б. поставлен в параллель с Румянцевским музеем, а музей Александра III — с Третьяковской галереей. Разумеется, в каждом из этих учреждений есть свои особенности. В музее Александра III имеется прекрасная коллекция скульптурных произведений русских художников, главным образом, Антокольского, в Москве же скульптурных произведений почти нет. В Эрми-

таже имеется огромная коллекция классической скульптуры и чудная коллекция египетских саркофагов, мумий и статуй с иероглифами. Картинный же отсек московских хранилищ стоит неизмеримо выше петербургских. О подробностях в письме распространяться, разумеется, нет возможности, обо всем этом я надеюсь поговорить при личном свидании.

Затем до свидания. Целую Елизавету Евгениевну и племянников.

Петр Городцов.

Адрес Григория Абрамовича: СПб, Большая Морская улица, дом № 61.

Мой адрес тот же.

9 ноября 1901 г. СПб.

* * *

Вася, завтра, 23 ноября, я выезжаю из Петербурга в Москву, откуда и пришлю тебе свой адрес, как только устроюсь. Поэтому, если ты соберешься писать мне, то выжди моего нового адреса и в Питер мне писем не посылай.

Готовый к услугам Петр Городцов.

22 ноября 1901 г.
СПб.

* * *

Милый и дорогой Вася, печальную весть я теперь тебе сообщаю: жена моя Фрося больна легочной чахоткой в последних степенях и теперь так слаба, что я даже не знаю, как и довезу ее. Я живу теперь в Москве в гостинице «Париж» и на следующей неделе я поеду в Сибирь; я поеду числа 15 декабря, и не ранее 13 декабря, с сибирским поездом прямого сообщения.

Вася, напиши мне, если успеешь, в Москву, как твое здоровье и как здоровье твоих деток. Как я жалею и как жалеет Фрося, что мы уедем в Сибирь, не повидавшись с тобой и твоей семьей; Фросе хотелось также еще съездить в Дубровичи, т.к. ей очень понравился наш отец-старик. Мы с нею предполагали в половине декабря ехать к тебе в Ярославль, а затем на Рождество в Дубровичи, но теперь эти планы нас покинут. Я немедленно бы уехал в Сибирь, да доктор Боев советовал недели на две, именно до 15 декабря, остаться затем, чтобы путем смазывания горла излечить туберкулезное изъязвление гортани.

Прости и, может быть, прости опять надолго-надолго. Фрося целует тебя, Елизавету Евгениевну и всех твоих ненаглядных деток.

Целую и я вас всех. Дай Господь вам всем доброго здоровья и всякого счастья.

Любящий тебя твой брат Петр Городцов.

Адрес мой.

Москва, Тверская улица, угол Охотного ряда, гранд-отель «Париж», квар. № 69.

Прошу тебя, Вася, в своих письмах даже намеком не об-

молвиться о том, что Фрося болеет чахоткой, т.к. она до сего времени думает, что болеет от простуды и скоро поправится.

П. Городцов.
7 декабря 1901 года,
Москва.

* * *

В гор. Ярославль. На Никольской улице полковой дом около церкви Николы Мокрого капитану Фанагорийского полка Василию Алексеевичу Городцову.

Податель: мировой судья Городцов. Москва, Тверская гост. Париж.

Дорогой Вася, завтра, 9 декабря, в три часа дня я выезжаю с Фросей из Москвы в Тюмень, и потому письма свои ты пересылай мне прямо в Сибирь. Фрося целует и кланяется тебе и твоей семье.

Любящий тебя Петр Городцов.

8 декабря 1901 г.,
Москва.

* * *

Милый и дорогой Вася, я и моя жена шлем тебе, а также уважаемой Елизавете Евгениевне и дорогим твоим деткам наш низкий поклон с сердечным пожеланием доброго всем вам здоровья, счастья и всякого благополучия.

В последнем письме своем я писал тебе о страшной болезни своей жены и о том, что мы уезжаем из Москвы в Сибирь; теперь мы живем уже в Тюмени у родителей жены, мы приехали сюда 14 декабря вечером и живем, следовательно, целую неделю.

Как трудна была наша обратная из России дорога. В Москве 9 декабря пред самым отъездом, когда вещи были уже уложены на извозчиков, с женою сделался страшный припадок слабости и обморок, так что я думал, что она умирает, да и сама она, когда немного оправилась и успокоилась, созналась мне, что думала, что умирает. К счастию, припадок продолжался недолго, разрешился рвотой, и мы даже успели сесть в поезд. Пять суток мы ехали, и за это время я также раза два был напуган страшными припадками слабости жены, в Пензе я даже совсем собрался выходить из поезда, да запротестовала больная. Теперь, слава Богу, больная жена моя в кругу своих родных. Положение ее безнадежно: с каждым днем она заметно тает и слабеет, я писал уже тебе, что доктора, как московские, так и тюменские, установили у нее легочную чахотку и лечить ее отказались, и мы поддерживаем слабый огонек ее жизни лишь усиленным питанием, да и питать-то ее нелегко, потому что все, чем мы ее кормим: молоко, яйца и мясной сок — все это больной страшно надоело. В настоящее время моя жена очень плоха и слаба и с трудом

может сидеть. Она не знает своей болезни, но, по-видимому, ее постоянно угнетают предчувствия: она все тоскует, посидит в одной комнате, соскучится и переходит в другую, часто забивается в уголок и глубоко задумывается, и даже плачет, да и плакать старается так, чтобы другие не заметили: она же боится обеспокоить нас своими страданиями и слезами. Словом, наша Фрося недолгая гостья у нас: скоро она уйдет от нас надолго — навсегда. Ввиду таких моих размышлений ты видишь, брат, что и мне нелегко живется: холодное одиночество в холодной Сибири с тяжелым трудом из-за куска хлеба ожидает меня... Да будет воля Божия...

Брат, как мне жаль, что предстоящие праздники и Новый год я отравляю тебе настоящим письмом. Дай Бог тебе с твоею дорогою семьей встретить эти праздники в добром здоровье, счастливо и весело.

До 20 января 1902 г. я проживу в Тюмени и потому, если соберешься писать, то адресуй так: Тюмень, Спасская улица дом Бабайловой, квартира агента Петрова.

Затем до свидания. Еще раз будьте все вы здоровы и счастливы.

Ваш Петр Городцов.
21 декабря 1901 г.
Тюмень.

Братъ Вася,

Все кончено! Жена моя Фрося 7. Марта 1902 года въ 3 часа дня тихо скончалась въ ея родной семье на рукахъ своей родной матери

Похороны завтра 10 Марта
Помолись и ты за упокой ея доброй и хорошей души

Пока прощай, не могу много писать. Подробно въ следующемъ письме
Да хранитъ васъ всехъ Господь Богъ
Твой братъ Петр Городцов
9 Марта 1902 года
Гор. Тюмень

(ГИМ. Ф. 431. Д. 371. Л. 98)

* * *

Брат Вася, все кончено! Жена моя Фрося 7 марта 1902 года в 3 часа дня тихо скончалась в ее родной семье на руках своей родной матери.

Похороны завтра, 10 марта. Помолись и ты за упокой ее доброй и хорошей души.

Пока прощай, не могу много писать. Подробно в следующем письме.

Да храни вас всех Господь Бог.

Твой брат Петр Городцов.
9 марта 1902 года,
гор. Тюмень.

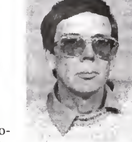
Продолжение в следующем номере.

Владимир Алексеевич Ефремов родился 8 декабря 1947 г. в Тюмени. Окончил истфак госуниверситета. Работал в школе, милиции. Печатался во многих газетах и журналах. Интересы — краеведение, в частности, XVIII век. Известен как автор блистательных книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» и «Тобольское серебряное дело в XVII–XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске. — М.: Галарт, 1997. С. 10–41.)

Нынешняя публикация — это разыскания в архивных незафондированных материалах.

Постоянный автор журнала «Лукич».

Тюмень
восемнадцатого столетия



«Из книги жалованья тюменцам»
1706 г.

Алексей Петров сын Текутьев и в прошлом 1705 году по выбору взят в салдаты.

Прошение тюменского сына боярского Ивана Парфенова пожаловать его в дворяне
Январь 1715 г.

Державнейший царь государь милостивейший. С прошлых государь лет служил на Тюмени во дворянах отец мой Осип Наумов Парфенов, а я раб вашего величества в детях боярских всякие вашего величества службы непрестанно.

Всемилостивейший государь прошу вашего величества да повелит ваше державство за службу отца моего и мою пожаловать меня раба вашего во дворяне с тем же моим окладом.

Вашего величества нижайший раб тюменской сын боярской Иван Осипов сын Парфенов 1715 году генваря во... день.

Указ из Тобольской губернской канцелярии тюменскому коменданту Зубову о сыске и допросе беглых помещичьих крестьян
1716 г.

По указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по

приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту господину Зубову в нынешнем 1716 году июня 26 числа по челобитью Федора Емельянова сына Бутурлина и по сыску человека ево Сергея Сатанова явились беглые помещики ево крестьяне в Тюменском уезде в селе Каменке Василей Лепешкин, Алексей да Никифор Хреновы з женами, да брата их Гаврилова жена Хренова ж, Иван Григорьев сын Ямагузов з братом Микитою, да деревни Кулигиной Данило Марков з детьми и сплемяники со Степаном да з Борисом, Василей Озеров, Иван Новиков, Федор Иванов сын Салаута, Григорей Михайлов сын Козлов з братом Иваном, да в Зырянской деревне Андрей Лепешкин, Онисим Алексеев. И по получении сего указа вышепомянутых крестьян ... сыскать всех до одного человека, а сыскав допросить и допрося держать до указу за караулом, а допросные их речи прислать в Тоболеск, а которого числа посланы будут о том губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать.

Челобитье тобольского солдата Иева Нифантьева на тюменского судебного коммисара Алексея Текутьева в избиении

Июнь 1723 г.

1723 году июня дня бил челом его императорскому величеству а на Тюмени в канцелярии воевоцкого правления тобольского гварнизона салдат Иев Нифантьев извещал словесно, а в ызвете своем сказал сего 723 году июня 14 дня в вечеру тюменской судебный камисар Алексей Текутьев нашел на него на улице з деншиками своими и велел деншикам ево бить, а толко де одного деншика зовут прозванием Золото, а других незнает и вышеписаной Золото да другой денщик же а как ево зовут незнает, ево Иева били неведано за что повелению ево Текутьева и розбили у него нос и губы до крови и подбили глаза и отбили рукавицы перчатки цена пять алтын, а как ево оные деншики били и то видели салдаты Степан Коростелев, Иван Колов, посацкой человек Иван Макриткин и что б ево императорское величество указал на Тюмени в канцелярии челобитье ево записать в книгу... (*далее документ утрачен*).

Прошение в Тюменскую канцелярию судных дел жительницы д. Копытовой М.Г. Чернавской о краже у нее конопляных снопов крепостным дворовым человеком А. Текутьева П. Вахрушевым

Всепресветлейший державнейший император и самодержец всероссийский Петр Великий отец отечества государь всемилостивейший.

Бьет челом тюменского отставного салдата Михайла Чернавского жена ево Марина Гаврилова дочь тюменского подполковника и судебного камисара Алексея Текутьева на крепостного дворового ево человека Петра Вахрушева, а о чем мое прошение тому явствует ниже сего.

Сего 724 году в майе месяце а в котором числе того я незнаю неведамо по какому случаю или по научению приехал в нашу Копытову деревню вышеписанного подполковника и судебного камисара Алексея Текутьева дворовой ево человек Петр Вахрушев.

И украл он Петр у меня изогороду моего конопля немятого десять снопов, а как то мое конопле украл и свёз на двор пашенной вышеписанного Алексея Текутьева, и склал те снопы в сени, а как те украденные снопы в сенях лежали и то видели.

Казачей сын Григорей Малышев, той деревни понятые Василей Степанов сын Копытов, Иван Григорьев сын Копытов же, да ево ж подполковника Алексея Текутьева дворовой ево человек Иван Козырев.

И чтоб его императорское величество повелел на Тюмени в канцелярии судных дел сие мое прошение записать в журнал, а вышеписанного Петра Вахрушева сыскать и в покраденом конопле допросить по чьему он научению или он с кем крал, а по допросу и по розыску указ учинить.

724 году июня в ... день.

Промемория из Тюменского Святотроицкого монастыря в Тюменскую канцелярию воеводского правления о присылке к духовному суду разночинца Сечкова

15 октября 1735 г.

Промемория ис Тюменского Святотроицкого монастыря духовного суда в Тюменскую канцелярию воеводского правления

Сего октября 10 дня 735 году в Тюменской Святотроицкий монастырь в духовный суд Меседовой деревни оброчного крестьянина Самойла Дементьева сына Маслова дочери ево девки Пелагеи, в поданом ея доношении написано, прошлого де 734 году во днях месяца майя, а которого числа незнает тюменскаго де присуде Меседовой деревни розночинец Кирила Григорьев сын Сечков неведомо с какого вымыслу пришед к нам в дом и зошел де меня одною в скотском дворе и стал на меня всякими словами наступать к блудному беззаконию и говорил ей станем де со мною жить блудно я де тебя за себя возьму в замужество и в том божился жестоко, и я де той ево божбе поверя палась с ним в блудный грех, и после того блудного греха с ним полюбов-

но многия время беззаконно жили, и прижила с ним младенца которого она сего 735 году на сырной неделе и родила, а молитвил и крестил Кармацкой поп Василей Кудряцкой.

И Тюменская канцелярия воеводского правления о приеме сей промемории и о присылке в Тюменский Святотроицкий монастырь к духовному суду к допросу помянутого Кирила Григорьева сына Сечкова да благоволит учинить по ея императорского величества указу.

Архимандрит Зиновий.

Прошение в Тюменскую комендантскую канцелярию отставного прапорщика Ф. Бриммера о брачном мошенничестве

30 июня 1778.

В Тюменскую комендантскую канцелярию отставного прапорщика Федора фон Бриммера покорнейшее доношение

Сего месяца 17 числа приехала ко мне в дом салдатская жена вдова Агафья Фадеева дочь, по добровольному согласию просватала ко мне в дом дочь свою девку Авдотью и просила меня чтоб дать ей денег для исправления той невесты платьем денег до семи рублев и для даров, холста льняного дватцать аршин. Почему тогда затеплены были свечи и поручкам ударили, прибывших тогда при том свидетелях да и по рукам ударили: Усьницинской слободы дьячек Григорей Тихонов и крестьянин Афонасей Заровнятской, тюменская мещанская вдова Палагея Гаврилова дочь, и для верности ей салдатке от меня дано было задатку денег два рубли, да холста льняного дватцать аршин: но после того та салдатка з дочерью своею Авдотьей всячески стала от оной женитьбы отбиватца и чинила дому моему великое поношение, и для того для опасения штобы та салдатка несмогла бы куда утечку учинить принужден я был помянутыя задаточные деньги и холст с нея обратно взыскать.

А понеже мне известно что помянутая салдатская жена вдова Фадеева и наперед сего обманывала, тоеже девку таким же образом в разных местах просватала и деньги выманивала и чтоб впредь подобной оной... и плутовства от нея происходить немогло покорнейше прошу Тюменской камендантской канцелярии повелеть како надлежит вышеписанную салдатку и з дочерью ея сыскать и в силе состоявшаго от его высокопревосходительства господина генерал поручика лейб гвардии пример майора Таболского губернатора орденов святого Александра Невского и святыя Анны кавалера Дениса Ивановича Чичерина отправить на Барабу на поселение.

Федор фон Бриммер.

30 июня 1778 г.

*Предварительный отчет в Императорскую археологическую комиссию**

В последних числах мая 1888 г. я выехал из Петербурга и через три недели прибыл в Тобольск, а оттуда отправился по делам службы в г. Омск и вследствие этого мог начать свои разъезды по округу только с половины июля месяца.

Во время моего пребывания в городах Тюмени, Омске и Тобольске я старался сближаться с лицами, интересующимися археологией. В Тюмени я посетил И.Я. Словцова**, директора реального училища и члена Московского археологического общества, который помимо своих исследований над флорой и фауной Западной Сибири ревностно изучает памятники древности Сибири и в непродолжительном времени думает издать археологическую карту Тобольской губернии. У него имеется весьма ценная коллекция древних предметов, добытых преимущественно из курганов в разных частях Зап. Сибири. Так, он мне любезно показал несколько массивных чаш из бронзы, серебра и из сплава из серебра и золота. Если я не ошибаюсь, снимки с них имеются в Московском археологическом обществе.

В Омске из любителей древности мне знакомы два лица:

* Печатается по рукописи, хранящейся в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург). Р. 1. 1888. №67. С. 11–25, 30–38, 44а: Дело Императорской археологической комиссии (ИАК) о раскопках Патканова в Тобольском округе. — (***Прим. издателя***).

Ксерокопия рукописи предоставлена журналу заведующим отделом археологии Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Александром Александровичем Адамовым. Большое ему спасибо.

** Еще одна неизвестная страница из биографии С.К. Патканова... Не так давно в Российской национальной библиотеке обнаружена статья в европейско-американской иллюстрированной энциклопедии на испанском языке, содержащая биографические данные о Серафиме Кероповиче (Copyright, 1920). Отрадно, что за пределами России исследователь Сибири был все-таки интересен. Из публикации можно узнать, что С. Патканов родился в 1861 г. в немецком городе Ена. Здесь не грешно вспомнить два

ENCICLOPEDIA
VNIVERSAL ILVSTRADA
EVROPEO-AMERICANA

вице-губернатор Акмолинской области Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов и делопроизводитель в управлении Гос. Им. З. Сиб. г-н Дзерожинский. Первый состоит членом Московского археологического общества и производил раскопки в бытность свою в Тобольске в должности вице-губернатора Тобольской губернии немного лет тому назад. Ареной его исследований были окрестности Тобольска, и в частности группа курганов около Чувашского городища, находящегося в 2-х верстах от города. Пользуясь трудом ссыльных, водворенных в Тобольском тюремном замке, г-н Дмитриев-Мамонов в течение около 4-х месяцев вскрыл все 13 курганов, которые благодаря своим громадным размерам уцелели в нетронутом виде, несмотря на близость города. При этих работах велся подробный дневник, который позволяет до известной степени восстановить способ погребения прежних обитателей. Находки, которыми увенчались раскопки, были ничтожны в сравнении с громадной затратой труда и со средствами, поглощенными работами. Состояли они главным образом из бронзовых и из каменных изделий, из скелетов людей и из костей некоторых животных. Со всех вещей сняты фотографические снимки, равно как и с упомянутых курганов, и препровождены в Моск. арх. общество, а сами предметы пожертвованы исследователем в Томский музей.

Из сохранившихся у него находок г-н Дмитриев-Мамонов показал мне 2 старые железные кольчуги, найденные где-то в Киргизских степях.

Г-н Дзерожинский был в продолжение 10 лет исправником в Тобольском округе, где мне

эпизода из наших прежних публикаций о С.К. Патканове. В предисловии к двухтомнику покойного говорится, что среди хранившихся в банке документов был нотариально заверенный лист на немецком языке (С.9), датированный ноябрем 1860 г., написанный готическим шрифтом. Исследователь, работавший с архивными материалами не смог прочесть вязь немецкого текста и предположил, что это скорее финансовый документ. Так что сведения о рождении в Германии заставляет предположить (документ пока недоступен для проверки этой гипотезы), что сын Керопа Патканова родился все-таки, как и утверждал А.М. Решетов, в 1860 г. Тем более что следующий ребенок, Сусанна, появился на свет 22 февраля 1862 г. (Подробнее см.: *Мандрика Ю.Л.* В погоне за архивом Серафима Патканова//Лукич. 1999. №6. С.122). Так что энциклопедисты оказались правы, но не во всем... — (***Прим. издателя***).

PATCANOW (K. P.). *Biog.* Escritor armenio del siglo XIX, n. en 1833. Estudió en Dorpat, y fué nombrado profesor de lengua armenia en la Universidad de San Petersburgo. Escribió, entre otras obras: *La historia de los Armenes* (1861), *Historia del emperador Heraclio* (1862), *Historia de los mogoles* (1869), y numerosos estudios acerca de su país.

PATCANOW (SERAFIN). *Biog.* Escritor ruso contemporáneo, n. en Jena en 1861. Estudió en San Petersburgo, en cuya Universidad enseñaba literatura armenia su padre, y en la misma capital ha sido jefe de la sección de estadística del ministerio del Interior. Sus obras geográficas y filológicas de más mérito, son: *Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie* (1900), *Irtysch-Ostjakisch-ungar.-deutsch Wörterbuch* (1902), *Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples paléasiatiques de la Sibérie* (1903), *Versuch einer Geographie und Statistik der Tungusenstämme Sibiriens* (1905), *Laut und Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekten* (1911), y otras en lengua rusa, como *La extinción de los primitivos pobladores de Siberia* (1911) y *Descomposición étnica de la población de Siberia* (1912).

С. 717.

предстояло работать, и его указания, как человека хорошо знакомого с местностью и населением, могли бы иметь немало пользы для меня, но мне его не удалось увидеть. Во время моего пребывания в Омске он выехал в Тобольск, а впоследствии, когда я приехал в названный город, он опять был в отъезде. Этот симпатичный и принесший много пользы для края администратор интересовался археологией с точки зрения приобретения разных ценных предметов. Ради этой цели он всюду поощрял жителей производить раскопки, иногда же предпринимал их и сам. Способы раскопок ничем не отличались от приемов, употреблявшихся в прежнее время бугровщиками при поисках за благородными металлами. В продолжение 10 лет, которые он провел в Тобольском округе, ему неоднократно удавалось приобретать весьма ценные предметы, главным образом серебряные чаши и сосуды, которые он частью раздарил, а частью продал, и, таким образом, почти все они потеряны для науки. В настоящее время, по словам г-на Дмитриева-Мамонова, у него имеется хорошая коллекция орудий каменного века из Тобольского округа, но ввиду того, что раскопки производились без нужных предосторожностей и не записывалось происхождение каждаго предмета, эти последние большого значения для науки иметь не могут.

В Тобольске из лиц, занимающихся археологическими изысканиями, следует указать на г-на Знаменского, который производил раскопки на городищах Искер и Чуваш и вскрыл несколько курганов в окрестностях города. Часть собранного им богатого материала была приобретена сибирским купцом Сидоровым и пожертвована в Томский университет; часть еще находится на руках у исследователя, и я слышал его заявление о желании продать

Все иллюстрации, помещенные в данной публикации, взяты из того же источника, что и статья С. Патканова. На большинстве страниц имеется подпись: «Вещи, доставленные г. Паткановым из Тобольской губернии в 1888 г.». — (***Прим. издателя***).

свою коллекцию. По словам г. Знаменского, он отправил снимки предметов древности и их описание в Императорскую археологическую комиссию года 2 тому назад.

Как и г-н Словцов, Михаил Степанович Знаменский имеет намерение издать карту памятников древности окрестностей г. Тобольска в районе, который получится, или описать круг радиусом в 90 верст и полагая притом центр в г. Тобольске.

Кроме него, в Тобольске есть еще некоторые лица, которые интересуются археологией, напр., Ст. Ник. Мамеев, у которого имеется небольшая и незначительная коллекция древностей, и г-н Лыткин, заведывающий Тобольским музеем.

Из свиданий и разговоров со всеми этими лицами я вынес весьма немного, потому что они, весьма, впрочем, естественно, неохотно делились со мной своими познаниями касательно местной археологии, напр., избегали сообщать места произведенных ими раскопок, способы самих раскопок, называть местности, где им удалось сделать хорошие приобретения, и т.д., не желая, чтобы другой пожал лавры их трудов и поисков. Как пример укажу хотя бы на такой факт: перед моим отъездом из Тобольска музей приобрел у крестьян целую серию разных предметов древности, найденных где-то в окрестностях Тобольска. Вещи эти состояли главным образом из бронзовых зеркал, из блях, вероятно, от панцирей, из 2-х конических железных вызолоченных шлемов и, наконец, из серебряной фигуры, изображающей женский бюст. Несмотря на то, что находки поступили в распоряжение музея и сделались, таким образом, общественным достоянием, заведывающий им г-н Л. не счел возможным сообщить мне о месте этой находки. Будем надеяться, что описание предметов древности Тобольского музея, которое когда-нибудь появится, даст любителям археологии возможность узнать местонахождение этих и других древностей.

Что же касается до археологического отдела Тобольского музея, то нельзя не заметить, что, несмотря на многие раскопки, производившиеся в округе и во всей Тобольской губернии за последнее время, и на частые находки разных ценных вещей во время производства полевых работ при рытье канав и т.д., он весьма беден. Состоит он из отдельных предметов железных и бронзовых, собранных преимущественно в прежнее время разными исправниками и заседателями, и притом с разных концов губернии и без точного обозначения местности и условий, при которых была совершена находка.

Тобольский музей начал свое существование лет 20 тому назад, но за исключением пос-

ледних двух-3-х лет, когда заведывание им перешло к директору Ветеринарнаго училища г-ну Лыткину, он еле влачил свое существование, вместе с статистическим комитетом перекочевывая с места на место. Помещение, которое отводилось музею, было обыкновенно какимнибудь чуланом или чердаком, где самые разнородные предметы были свалены без всякого порядка, а ввиду отсутствия регистров естественно, что немалая часть их при этом исчезла.

В прошлом году благодаря стараниям Его Превосходительства Господина Тобольского Губернатора Владимира Александровича Тройницкого в Тобольске было выстроено новое роскошное здание для музея, в который и стали стекаться в числе других предметов и такие, которые имеют значение для археологии.

Работы свои по исследованию экономического быта крестьян я начал в середине июля месяца и в продолжение месяца находился в волостях Куларовской, Ашлыкской, Адбажской, Истяцкой и инородной Уватской, расположенных к югу от Тобольска. Во время разъездов по этим волостям я при всяком удобном случае расспрашивал крестьян о находках и об памятниках древности, но всюду получал отрицательные ответы. Указали мне только на одно городище, расположенное в 2-х верстах от дер. Старый Погост (Кулар. вол.), которое я и посетил. Ввиду недостатка времени и средств, а также ввиду моей малой опытности в археологических работах я не мог предпринять раскопок, тем более что результаты раскопок на городищах весьма гадательны. Безуспешность моих расспросов о находках, которые обыкновенно попадают в руки любителей, имеющих всюду связи*, заставили меня обратить главное свое

* Напр., вышеупомянутый И.Я. Словцов имеет своих клиентов во многих местах Тобольской губ. Это волостные писаря и др. лица, которые сообщают ему о всякой более или менее ценной находке. В зависимости от важности этих находок они получают за оные 1 руб. и более вознаграждения, а на место находки отправляется сам И.Я. или кто-нибудь из его друзей.

внимание на описание памятников древности и на распределение их по разным урочищам для составления археологической карты Тобольского округа.

Для возможно более точного исполнения моего предположения сначала я имел в виду лично осмотреть все памятники, которые встретятся на пути, и действительно, первое время я придерживался этого правила. Впоследствии, однако, я принужден был несколько изменить свой проект ввиду того, что в некоторых местах памятники древности довольно многочисленны, а в других лежат в местностях глухих и удаленных от трактов, куда трудно добраться. Посещение подобных памятников древности было сопряжено с большой тратой времени и вообще с немалыми затруднениями, и поэтому я решил осматривать только те из них, которые находились по пути и притом не требовали большой затраты времени, а об остальных я наводил справки у местных жителей. Я записывал, в скольких верстах от того или другого урочища находится данный памятник, на каком берегу реки он расположен, были ли сделаны на нем или около него какие-нибудь находки, и другие сведения касательно местоположения, его величины, формы и т.д. Некоторые из приводимых мною памятников, записанные со слов и не осмотренные лично, могут оказаться просто небольшими холмами, ввиду того, что слово «курган», «сопка», «бугор» означает у крестьян не только настоящие курганы, но и городища, и естественные возвышенности, я допускаю возможность, что и на археологической карте, которую я составил, встретятся подобные промахи.

Чтобы по возможности избежать этих ошибок, я подробно расспрашивал о строении памятника и о том, имеет ли он кругом рвы и валы. Этот последний признак оказался весьма характерным для городищ, и всякий мыс или холм, обнесенный рвом, как оказалось на деле, можно было безошибочно относить к городищам, хотя обратнаго вывода делать и нельзя, потому что, как мы увидим впоследствии при описании городищ, не все они имеют явственные рвы и валы.

Другим критериумом для признания за данным холмом или возвышенностью имени городища служат слова tura, gala у татар, vog, voš (город) у остяков и us, uš у вогульцев, присоединенные к собственным именам или к прилагательным. Почти всюду оказывалось, что подобные названия даются инородцами городищам и часто с этими названиями связаны предания старины. Значительно труднее признать слова «курган», «сопка» за настоящие курганы, так как нередко оказывалось, что это скорее холм или осколок

горы больших размеров и имеющий в северной части Тобольского округа особое местное название «чугас» (от остяцкого слова «тюгес»), или даже городище, построенное на низменном месте из насыпной земли*. Причину, почему я признавал те или другие бугры за курганы, если я их лично не осмотрел, следующие: во-первых, я руководился здесь тем соображением, что курганы обыкновенно встречаются по нескольку вместе, естественные же бугры или городища чаще поодиночке; во-вторых, их сравнительной правильностью и присутствием на них ямок, что, принимая во внимание, что почти все курганы разрыты кладоискателями, является признаком, довольно характерным для курганов; в-3-х, тем обстоятельством, что курганы многочисленны в южной части округа, редки или почти не встречаются в северной, по крайней мере я их не встречал к северу от Русско-Уватской волости, и, наконец, в-4-х, ошибки, которые я мог сделать, приняв естественный бугор или городище за курган, еще потому должны быть незначительны, что я посетил лично почти все группы курганов и только весьма небольшое число их я нанес на карту со слов.

Приблизительно то же можно сказать и относительно кладбищ, напр., в некоторых местах сельские жители называют именем «кладбище» места, где виден ряд продольных ямок, хотя они и не могли наверное сказать, содержат ли эти предполагаемые могилки кости людей. Я и некоторые подобные сомнительные места погребения означаю знаком «кладбище» ввиду того, что значительная часть их теперь распахана, застроена, стоптана, и возможно, что о них скоро забудет и сам народ, а между тем очень вероятно, что некоторые из них окажутся действительно кладбищами и впоследствии могут способствовать выяснению

* Таким образом, нередко называют именем «курган» громадные холмы по р. Аремзянке, которые я на карте отметил как городища, т.к. правильный вид и покатости некоторых их сторон, напоминающие въезды городищ, наводят на мысль, что эти холмы были утилизированы для стратегических целей и служили, как и многие подобные холмы, городками.

культуры прежних обитателей Тобольского округа.

Наконец, все прочие места, сохранившие следы пребывания на них аборигенов Сибири, если они не подходили под вышеназванные рубрики, т.е. если это не городище, не курган, не кладбище, я на карте обозначаю знаком «стоянка», хотя, может быть, впоследствии окажется, что это не более как часть разрушенного городища или разрытый курган. Сюда относятся «чудския ямы», места, где во множестве найдены черепки глиняной посуды и кости животных, бронзовые и серебряные изделия и т.д., но которые по внешним признакам и в их настоящем виде трудно признать за городища или курганы. Без сомнения, подобного рода вольность обозначать одним знаком или одним словом разные места пребывания прежнего человека и служившие, может бытъ, весьма разнообразным целям, не соответствует научным требованиям, но я поступил так ради удобства и простоты подобного приема, тем более что для того, чтобы классифицировать подобные места, следует произвести раскопки.

Во второй половине августа я предпринял путешествие к кондинским остякам и вогулам. Спутником моим во время этого путешествия был доктор Е., который ехал в тот же край для прекращения появившейся там оспенной эпидемии. Единственное сообщение, здесь возможное, — это при помощи рек. Передвижение, правда, удобное, но медленное. Наш грузный каюк лишь весьма тихо подвигался вперед при усиленной работе 6 гребцов. Поездка продолжалась более полутора месяцев.

Сначала мы плыли вниз по Иртышу. Я приставал во многих местах, где мне нужно было собирать сведения об экономическом быте крестьян и инородцев и отчасти проверять материалы, собранные в прошлом году, и этими остановками я пользовался, чтобы посетить находившиеся вблизи памятники древности. Ввиду того, что часто приходилось приезжать в подобные места ночью, я в подобных случаях старался переночевать где-нибудь в деревне поблизости, чтобы утром осмотреть его. При таких условиях я, напр., посетил Кошелевское городище и городок около д. Белкиной (Уват. вол.).

Большая часть городищ носила следы раскопок, но вряд ли находки увенчали труды искателей. Обширных шурфов нигде нет и самые глубокие не превышают $1^1/_2$ арш. Вред от них, причиненный городкам, незначителен.

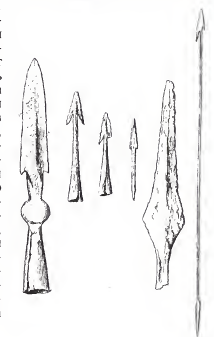
При помощи взятой с собой лопаты и при содействии проводников я несколько раскапывал эти шурфы и повсюду находил в огромном изобилии узорчатые черепки, кости животных и птиц, иногда осколки камней, которые можно было признать за обломки каменных орудий, и, наконец, кузнечную окалину. Бронзовых и железных вещей не находил. Мои раскопки, конечно, мало могут служить разъяснению внутреннего устройства городища и обнаружению тех предметов, которые в них схоронены, так как почти нигде я не углублялся в землю более, чем на 2 аршина, а местами и менее. Дурная дождливая погода сильно затрудняла мои исследования, а между тем ввиду ограниченности времени я не имел возможности пережидать ее. Приходилось посетить некоторые городища в ненастье, что было в особенности мало заманчиво, когда надо было часть пути совершать пешком, часть верхом и часть на лодке, как это было, напр., при посещении городищ около дер. Красноярской (Уват. вол.) и расположенного на Пелиной речке (той же вол.). Часто случалось, что во время передвижений по городищу, поросшему кустарьем, высоким бурьяном и крапивой саженного роста, и совершенно мокрым от недавнего ливня, одежда до такой степени намокала, что приходилось потом сушить ее в соседней деревне в продолжение целого полудня.

В юртах Ячинских я узнал, что между этими юртами и дер. Денщиковской имеется сопка, именуемая «кладбищенской», где остяки прежде хоронили своих умерших. Желая осмотреть эту сопку и по возможности вскрыть хотя бы одну могилу, я переночевал в дер. Денщиковской, а утром с двумя гребцами, которые должны были в то же время производить раскопку, отправился на лодке к упомянутому месту. Здесь среди поемного луга,

поросшего кустарником и болотной растительностью огромных размеров, возвышался небольшой продольный холм с покато сбегающими краями.

Выбрав место с продольным углублением, где мы предполагали могилу, работники начали копать и на глубине 1 арш. наткнулись на труп мальчика, похороненного, по-видимому, недавно, лет 20 назад. Костяк лежал на спине и был обращен головой на восток. Так как он не имел даже гроба, можно предположить, что он принадлежал весьма бедным родителям. В его изголовьях лежал небольшой заржавелый ножичек и позеленевший галун длиной около 1 саж., свернутый в клубок. Углубив яму еще на $1^1/_2$ арш., мы встретили крышку гроба и, приподняв ее, нашли в нем скелет остячки. Одежда сохранилась довольно хорошо. Голова была украшена бисерной повязкой (saravatj), которая еще теперь в моде у остячек. По всему судя, было заметно, что и этот труп похоронен не очень давно, лет 40-50, не более, тому назад. На этом я остановил раскопку. Но что этой сопкой пользовались и прежние обитатели здешней местности, свидетельствует тот факт, что во время рытья нам попался кусок кузнечной окалины, подобный тем, которые встречаются в изобилии на некоторых городищах, да и присутствие самого холма среди поемного луга дает повод предполагать, что он — дело рук человеческих.

От с. Репалова мы повернули налево в Конду и после несколько рискованного проезда по бурному Кондинскому сору* через день приехали в Камовы юрты — первое постоянное селение на Конде, если не считать Усть-Кондинского выселка, расположенного близ самого устья р. Конды. 7 верст недоезжая до юрт, мне указали на остяцкий городок «Карыпоспат урдат вож», где по преданию в прежние времена жил 300-летний богатырь с 7 сыновьями, тоже богатырями. Одна весьма поэтическая остяцкая былина

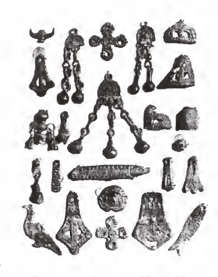


* Разлив реки.

воспевает подвиги этих богатырей. Мне не удалось посетить этот городок, так как вода в Кондинском сору сильно убыла и образовалось много мелей и песков, так что не только на каюке, но и на маленькой лодке нельзя было достичь берега в этом месте. По словам остяков, однако, он ничем не отличается от многих других городков по Конде, которые мне удалось осмотреть.

Такие городки местами сгруппированы по 2 и 3, напр., около с. Болчарского их трое, хотя они и незначительных размеров, около 3. Пуштинских юрт 2, из которых один носит название «Рут-вож», т.е. «Русский город», и расположен рядом с остяцким, именуемым «Ям-вож».

В пауле Запорском мне удалось приобрести бронзовый молоток со стальным лезвием, найденный у откоса горы около с. Леушинского и напоминающий молоточек для геологических экскурсий, а на возвратном пути в юртах Байболинских — старую саблю последнего остяцкого воителя Копыиги. Говорят, что эта сабля была постоянно при нем во время его столкновений с самоедами и с другими грабителями, которые нападали на селение, где он проживал. По счету остяков Копыига жил всего лет 80—90 тому назад. Сабля, по-видимому, была приобретена у русских, и впоследствии к ней была приделана деревянная ручка с



железным кружком для защиты руки от удара. Ввиду всего этого сабля в моих глазах не представляла ценности для археолога, и я ее пожертвовал во вновь устроенный музей в Тобольске.

Около с. Самаровского я посетил древнее городище, которое, как и многие городки по Конде, имеет священное значение в глазах остяков. Этот город «Тункпоха», т.е. «сына лета», одного из остяцких божеств. «Каменный» мыс, на котором расположено городище, считается земной резиденцией этого божества. Существует верование, что здесь он спускается на землю и здесь же поднимается на небо. Место, где находилось городище, до того обезображено раскопками, совершавшимися неоднократно под руководством людей, претендовавших на способность видеть,

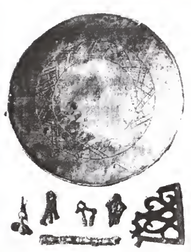
что скрыто в земле, так что теперь трудно сообразить, какой вид имело городище. Крестьяне и теперь уверены, что им удалось докопаться до клада, но что он ушел в землю, потому что не было выполнено условие, необходимое для благоприятного исхода работ; именно уверяют, будто здесь есть зарок, что клад дастся, если его будут копать 3 Никиты из 3 разных волостей, а по другим — из 3 разных губерний.

В Самарове я простился со своим спутником доктором, который на пароходе возвратился в Тобольск, а я один в маленьком каюке поехал вверх по протоке Неулевой, протекающей южнее Оби и параллельно этой последней по Самаровской и чересполосной с нею инородной Темлячевской волости. В этих волостях я произвел в прошедшем году исследование экономического положения местного населения, теперь же я предпринял поездку в этот край только с тою целью, чтобы собрать материал для археологической карты, которую я имел в виду составить. В дер. Шапшиной я приобрел у одной женщины, муж которой находился на рыбалке, несколько мелких бронзовых вещиц, а на возвратном пути лично посетил место их находки между протоками Ерошкиной и Рыбьей. В Селиярске я посетил небольшое городище и отсюда повернул обратно на Самарово, но избрал другой путь, именно стал спускаться по Оби.

Большой интерес в археологическом отношении представляет дер. Скрипунова (Торопки), расположенная несколько к северу от Оби на берегу небольшой протоки. Здесь находятся вблизи два языческих кладбища и один городок. Кладбища содержат во множестве бронзовые и серебряные предметы, образцы которых я уже представил в археологическую комиссию в прошлом году, железное оружие, как наконечники стрел и дротиков, и, наконец, человеческие костяки.

Меняя постепенно свое русло, Обь размывает эти кладбища. Копаясь в илу и песке размытого берега, крестьяне и их дети добывают здесь упомянутые безделки. Вода сильно убывает к концу июня, и тогда уже начинаются поиски, но главным образом в июле. Более ценные находки, крупные серебряные вещи (напр., ныне нашли серебряный пояс) скупаются торгующими крестьянами, евреями, поселенцами — одним словом, всеми лицами, имеющими деньги под рукой, и перепродаются городским ювелирам, которые обращают их в лом и переливают. Я же, посетивши данную деревню в последних числах сентября, мог приобрести только незначительное число бронзовых и несколько мелких серебряных вещиц, которые они не имели возможности сбыть.

Подобные находки (хотя и реже) совершаются не только



около дер. Скрипуновой, но и в некоторых других смежных местах, так что вся долина р. Оби в пределах Самаровской волости представляет интерес в археологическом отношении. Большое число старых кладбищ — «Пропащих мысов», как их здесь называют, показывает, что здесь было довольно густое население, а многочисленные бронзовые и серебряные изделия своеобразных форм и рисунков заставляют предполагать, что племена, здесь обитавшие, достигли известной степени культуры.

Я посетил одно из таких кладбищ, наполовину уже разрушенное водой и находящееся вблизи дер. Скрипуновой. В обрыве, где весенние воды ломают яр, я увидел котелок из листовой меди, который торчал из могилки, и без труда извлек его оттуда, сопровождаемый смехом присутствовавших при этом крестьян, которые никак не могли понять, на что барину мог понадобиться поганый котел. Вместе с другими привезенными мною вещами он будет представлен мною в непродолжительном времени в археологическую комиссию.

Здесь можно было произвести раскопку без больших потерь времени и средств, тем более что вода, разрушив часть берега, облегчила эти работы, но резкий ледяной ветер, который непрерывно дул с севера и нес в глаза мелкий береговой песок, принудил меня отложить все подобные планы, тем более что, не рассчитав, что поездка может продолжаться так долго, я не запасся теплой одеждой.

Через три дня, постоянно страдая от холода, я добрался до Самарова, где в ожидании парохода пришлось еще дрогнуть целые сутки в нетопленой комнате пристани, а между тем все эти дни термометр был ниже 0.

После недельного отдыха я отправился исследовать волости, лежащие по верхнему Иртышу от г. Тобольска до Тарского округа, и здесь осмотрел городки и курганы, которыми так изобилуют волости Карагайская, Дубровная и Бегишевская. В начале этой поездки мне благоприятствовала погода, так как, несмотря на позднее время года (вторая половина октября), снега еще почти не было. Но едва я успел посетить главные группы курга-

нов, которые имеются между юртами Соургатскими и Тебендинскими, около озера Танбурян, недалеко от юрт Зимн. Берестиных, и стал возвращаться, как повалил снег, который в несколько дней покрыл землю довольно густой пеленой, и археологические исследования стали более затруднительны, хотя в первое время и возможны. Городки и курганы в окрестностях Тобольска я посетил, когда они были покрыты снегом. Незначительный слой его не препятствовал видеть общий абрис сооружения, рвы и валы, но глубину последних труднее было определить, потому что этому мешал наносный снег, который более или менее сглаживал рельефы.

Во время этой же поездки я узнал, что у тобольских татар помимо кладбищ есть еще особые священные рощи, где, как говорит предание, покоится прах пророков, еще до Кучума пришедших сюда из Бухары для распространения мусульманской веры среди язычников. Могилки этих святых, именуемых здесь «astana», разбросаны по всему округу и отчасти вне его. Чтобы предохранить святыню от скота и скрыть ее от непосвященных взоров, благочестивые татары обнесли могилки срубчиками из бревен высотой в 1 саж. Всякая подобная могилка имеет своего особого блюстителя <...>* или «шейиха», который ежегодно в честь святого делает праздник, куда стекается много мусульман из окрестных мест. Главный пророк «Хаким-ата» покоится около Баишевских юрт, расположенных в пределах Бегишевской волости. В отчете, который я буду иметь честь представить в Императорскую археологическую комиссию, я расскажу об этом несколько подробнее и дам перечень юрт, около которых имеются подобные святилища.

Следующая моя поездка в ноябре месяце была в волости, расположенные по р. Тоболу и отчасти по его притокам. И здесь, по примеру моих прежних разъездов, я расспрашивал местных жителей о памятниках древности. Их оказалось сравнительно меньше, чем по Иртышу, напр., мне указали только на один городок около Тобол-Туринских юрт, вероятно, тот, о котором Сибирский летописец говорит, что его построил хан Тоболак, и несколько курганов. Несмотря на довольно глубокий снег (до $^3/_4$ арш.), валы и рвы городка, расположенного между двумя речками, были довольно явственно видны, но ввиду того, что стоял сильный мороз, я не стал производить здесь измерений, для чего пришлось бы передвигаться по всему городку по глубокому снегу.

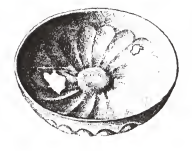
Наконец, в последних числах ноября я совершил свою последнюю поездку, сначала в

* Одно слово неразборчиво. Скорее всего, написано «мочадера» (???). Хотя буква «д» не характерна для почерка С. Патканова.— (*Прим. издателя*).

Кугаевскую волость, в которой я производил исследование экономического положения населения в прошлом году, и оттуда на север, в Эскалбинскую волость, представляющую из себя почти сплошное болото. В Кугаевской волости мне указали на несколько курганов и на одно городище, но осмотреть их не пришлось. Причиной тому были сильные морозы (до 30° R), которые наступили, и мое желание скорее окончить возложенное на меня поручение.

В Эскалбинских юртах я тоже собрал некоторые сведения о городках, и на одном из них, именно на находящемся в самых Лаймамацких юртах, на месте, где стоит мечеть, я имел возможность убедиться, что то, что татары мне выдавали за городки, были действительно городищами. Но, с другой стороны, их незначительные размеры и их слабо выраженные рвы и валы вряд ли могли иметь серьезное значение для самозащиты. Самое место, где расположен Лаймамацкий городок, однако, показывает, что последний имел стратегическое значение. Это место впадения р. Лаймы в Носку. Городок расположен на левом берегу Носки, как раз против устья Лаймы, так что сидящие в нем люди могли обозревать не только р. Носку на большом протяжении ее течения, но и нижнее течение р. Лаймы.

Называют татары эти городки словом tuba или siṿir-tuba, между тем как в других местах называли их kasłar-tura, gała, siṿir-gała. Слово «siṿir» — «сывыр» (реже sibir) есть собственное имя, которым татары называют бывших туземцев Тобольского округа. Это слово есть не что иное, как исковерканное остяцкое слово «sibir», означающее, как и siṿir прежних обитателей края. Но у обрусевших остяков слово sibir сохранилось в весьма немногих местах, именно кое-где по Конде, напр., около 3. Пуштинских юрт имеется кладбище, которое носит название «sibir jax пер»,



т.е. «кладбище сибирского народа». Почти всюду, однако, остяки забыли слово sibir, вместо которого адаптировали русское слово «чудь», которое здесь имеет то же значение.

Факт, что остяки называют своих предшественников словом sibir, имеет тот интерес, что дает до известной степени разгадку происхождения слова «Сибирь», которое носит наша обширная провинция. Почти все ученые, писавшие более или менее крупные трактаты о Сибири, пробовали разрешить этот вопрос и изобрели целый ряд самых оригинальных гипотез, которые, однако, до сих пор никого не удовлетворяют. Так, несмотря на все гипотезы академик Радлов в труде своем «Aus Sibirien» прямо заявляет: «Сибирь слово не татарское и происхождение его мне совершенно непонятно». Ввиду вышеизложенного естественнее предположить, что не городок Сибирь дал название сначала владению царя Кучума, а потом и всей Северной Азии, а, напротив, он сам получил свое прозвище от обитавшего в нем народа. Выше мы сказали, что эскалбинские татары называют городки, расположенные по Лайме и др. речкам, словом «tuba». Заметим здесь, что это слово имеет и другое значение, и в некоторых местностях им именуют курганы, напр., типичный курган около дер. Бизиной вблизи города, называемый русскими «высокое веретье», известен у татар под именем «mamasaip-tuba». Другое же название для слова курган — cullar, под которым они известны в местности, лежащей по Иртышу и смежной с Тарским округом.

Расспрашивая о памятниках древности, я не упускал из виду собирать сведения о происхождении тех или других из них и записывал предания, которые сохранились об них в народной памяти. Своими сведениями о городках и курганах остяки и татары довольно охотно делились со мной, не выказывая при том недоверия, что нередко делали русские, которые в моих расспросах подозревали иногда какие-то происки казны: «на что бугры-то казне понадобились?» — спрашивали меня в недоумении крестьяне. Относительно находок все почти единогласно говорили, что ничего не знают, хотя в иных случаях и заведомо лгали. Но винить их в этом нельзя: прежние исправники и заседатели были слишком большими охотниками до древностей, которые всюду отбирались у крестьян с обещанием, что им будут высланы деньги. Эти ожидания не всегда приводились в исполнение или не в такой мере, как того ожидали крестьяне.

Отсюда я направился к северу, на р. Конду, но уже более не занимался осматриванием памятников древности, во-первых, потому, что я здесь был летом, и, во-вторых, потому, что этому служили помехой жестокие морозы,

которые стояли в продолжение двух недель почти без перерывов (от 25–45° R). Цель моего вторичного посещения Конды, или вернее третичного, так как я здесь был еще в прошлом году, была та, чтобы ознакомиться с еще мало исследованной остяцкой народной поэзией.

Во время моих первых двух поездок на Конду я несколько освоился с остяцким языком, с некоторыми языческими их обрядами, с их мифологией и другими вопросами их духовной жизни. Теперь же я всецело посвятил две недели с лишком изучению остяцкой поэзии. Главное свое внимание я обратил на особый вид их поэзии, именуемый ими «taraning ara», что равносильно русскому слову «былина» или буквально означает «военная песнь». Эти песни, которые поются под аккомпанемент туземных струнных инструментов, воспевают подвиги прежних остяцких богатырей и дают весьма ценные данные для восстановления быта остяков и вогулов в эпоху, предшествующую покорению здешней местности русскими. Ввиду того, что эта эпоха отстоит от нас, по самому скромному счету, на 300 лет и самый язык значительно разнится от настоящего остяцкого.

В этих былинах мы застаем остяков, еще живущими в городках, и один из воспеваемых в них городков и есть «Карыпоспат», находящийся 7 верст от Камовых юрт на южном берегу р. Конды, как мы уже упомянули выше. Эти былины, равно как и другие виды остяцкой народной поэзии, я издам, если на то представится возможность, и тогда всякий желающий будет в состоянии прочитать их в подлиннике и в подстрочном переводе.

Этим я закончу беглый набросок моего прошлогоднего путешествия в Тобольский округ. Теперь мне остается сказать несколько слов о том, в чем собственно будет состоять отчет, который я буду иметь честь представить в Императорскую археологическую комиссию. Во-1-х, в археологической карте Тобольского округа, где будут нанесены разные памятники древности, главным образом городки, курганы и кладбища, как посещенные мною лично, так и записанные со слов крестьян и инородцев. Первые я отмечаю красными чернилами, вторые синими. Данная карта скопирована с карты издания Ильина (масштаб 50 в. в англ. дю.) и увеличена при помощи пантографа до масшт. 22,75 вер.* в анг. д. Кроме того, замечу, что она несколько видоизменена в отдельных деталях по 10-верстной карте Омского Военно-топографического Отдела.

Во-2-х, в изложении, которое затронет следующие вопросы: Топографическое описание Тобольского округа, его природу и население. Предания ино-

* Собств. 22 $^{8}/_{11}$ вер.

родцев о прежних обитателях края: сюда войдут сказания и легенды татар о китанах и о пришествии Кучума и других тюрков в Тобольскую губернию и, в частности, в Тобольский округ. Их предания о бывших просветителях Северной Сибири, пришедших сюда из Бухары, и перечень мест в данном округе и отчасти вне его, где покоится прах их. Здесь же мы рассмотрим и былины, и героические сказания остяков и отчасти вогулов, имеющие отношение к выяснению некоторых вопросов, касающихся их прежней жизни.

Наружное описание посещенных мною городков, курганов и других памятников древности и распределение их на главные типы, судя по внешним признакам. Абрисы типичных городков и курганов и, в-3-х, рисунки и описание немногих бронзовых и других металлических вещей, приобретенных мною в разных местах округа, но главным образом в Самаровской волости, у кр-ян дер. Скрипуновой. Рисунки коллекции черепков глиняной посуды, собранных на разных городках.

В заключение считаю необходимым прибавить, что разъезды по округу при сборе сведений, касающихся местных археологических памятников, мне весьма мало стоили, так как я должен был посетить почти все местности для выполнения главной цели моей поездки — исследования экономического быта сельского населения. Из отпущенной мне Императорской археологической комиссией суммы в размере 150 руб., я издержал на приобретение древностей 12 руб. 40 коп., а остающиеся 137 руб. 60 коп. я имею честь при сем представить обратно.

Колл. секр. С. Патканов
21.III.1889 г. С.-Петербург

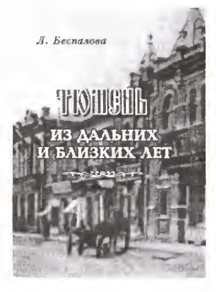
Беспалова Л.Г. **Тюмень: Из дальних и близких лет**. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2001.

Эти заметки о сборнике мемуаров, эссе, публицистических статей и литературоведческих этюдов известного тюменского краеведа Ларисы Георгиевны Беспаловой — приятный повод отдать должную дань ее замечательному юбилею. 2 декабря с.г. ей исполнится 80 лет.

Тюмень — родной город Беспаловой, его историю и культуру она избрала главным делом своей жизни, защитив в середине XX века кандидатскую диссертацию по филологическому профилю. Она никогда не изменяла своему призванию. Проучившись в Тюменском пединституте в суровые 1941—1945 годы, определилась на его литературной кафедре, на которой успешно проработала до середины 80-х годов. Пережила все непростые метаморфозы вуза: до его преобразования в университет, разделение историко-филологического факультета на два самостоятельных подразделения, образование в 1974 г. кафедры истории русской и советской литературы.

Почти сорок лет отдано преподаванию и совершенствованию двух любимых курсов — первому 30-летию русской литературы XIX в. и литературному краеведению. Беспалова стала пионером в воссоздании подлинно научной картины литературного процесса обширного региона, чьи границы совпали с рубежами громадной Тобольской губернии XIX—начала XX вв.

Конечно, с высоты сегодняшних достижений нашего литературного краеведения (известные многотомные публикации 1990-х годов, серии книг, заново открывшие миру, как оказалось, богатейшее историко-культурное наследие тобольско-тюменской Западной Сибири, представленное именами П. Словцова и М. Знаменс-



кого, Н. Чукмалдина и К. Носилова, и многих других, как правило, научно прокомментированное новой волной тюменских культурологов современного уровня, удостоенных различных наград, в том числе и международных дипломов), в свете сегодняшнего дня книги и статьи Беспаловой (далее — Л.Б.) смотрятся как несомненные достижения 1960—1980-х гг.

Сейчас их идеи, оценка и факты дополняются, осмысляются на фоне нового времени, возникают проблемные дискуссии, что естественно и нисколько не заменяет того почетного места в рядах тюменских краеведов, которое принадлежит Л.Б. Ее трудам все равно стоять впереди на полке наших общих штудий, многократно пополнившейся за последние 15 лет.

Заслуга Л.Б. в том, что после разгрома отечественного краеведения в начале 1930-х годов зона молчания в этой сфере растянулась на 20 лет. И она выбрала именно ее, где многое практически пришлось осваивать заново.

В результате в 1970 году появляется самая первая в истории тюменской культуры XX века книга специальных очерков — «Тюменский край и писатели XIX в.» (Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во). Ее заметили и на всероссийском уровне (см. известную монографию Н. Милонова «Литературное краеведение». М., 1985). Параллельно Л.Б. разрабатывает вузовский курс лит. краеведения, в котором его тюменская история показывается на протяжении четырех веков, начиная с первых сибирских летописей.

Но и в собрании очерков 1970 г. этапным стало обращение Л.Б. к творчеству Н. Наумова, К. Носилова, Н. Лухмановой, Н. Телешова, Н. Ядринцева и др. Куда смелей был следующий шаг нашего мэтра. В 1973 г. она выпускает книгу о жизни и творчестве П.А. Словцова, представляя его читателям как патриота своего края, историка, поэта и публициста. Шаг смелый, поскольку советские идеологи той поры заставляли умалчивать о глубокой духовной жизни многих замечательных людей России: великого Павлова, Циолковского, архиепископа Луки, доктора медицины, главного хирурга Красной Армии, лауреата Сталинской премии, автора уникального трактата «О духе, душе и теле», нейрохирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого...

Реакционером и религиозным ортодоксом наши историки тех лет представляли и Словцова. Так что Л.Б. особенно зачтется именно эта работа, хотя и она вынуждена была произнести в ней несколько ритуальных фраз, дабы успокоить идеологических охранителей.

Куда свободней стала книга «И дум высокое стремленье...: Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии» (Свердловск, 1980), которую малость все-таки придержали —

проверяли! — и она не успела выйти к 150-летию со дня событий на Сенатской площади в СПб. Ценное в работе — новые и малоизвестные материалы из литературно-художественного наследия декабристов. Мне особенно близка позиция Л.Б. в отношении недооценки судьбы и творчества В.К. Кюхельбекера — увы! — идущей еще от резкой пушкинской эпиграммы. Верно сказано у Л.Б., что его поэзия — свой особый ряд в золотом веке русской лирики XIX в., и далеко не второстепенный.

Перемены в жизни СССР в середине 1980-х гг. позволили Л.Б. значительно углубить и расширить круг имен и явлений ее исследований. В сборнике «Живое прошлое» (Свердловск, 1987), посвященном 400-летию основания Тюмени, помимо П.А. Словцова, Н.А. Лухмановой, Н.М. Ядринцева, Г.И. Успенского и Н.Д. Телешова, оцениваются в социальных очерках жизнь и творчество Н.А. Абрамова, Н.М. Чукмалдина, А.Н. Анненской, републикуются в сокращении их произведения. Абрамов, к примеру, был чиновником высокого ранга, и молодец Л.Б. — в самый разгар разложения недавней системы (ведь очерк об Абрамове писался автором в начале 1980-х годов) она дает позитивную и объективную оценку его личности и краеведческим трудам.

Расширенное и дополненное переиздание этого сборника появилось в 1998 г. под названием «Тюменский край и писатели XVII—XIX веков» (в соавторстве с дочерью нашего юбиляра Ю.М. Беспаловой). Наш журнал уже несколько раз писал об этом издании; при многих плюсах вызывает сожаление то, что в нем практически не учтены новые сведения, оценки и публикации 1990-х годов. Занята позиция умолчания по отношению к историко-культурной серии из десяти томов под названием «Невидимые времена», к учебнику и двум выпускам хрестоматий по литературному краеведению, выпущенным издательством «СофтДизайн». Что ж, как говорится, дело хозяйское...

И вот перед нами последняя книга — сборник публикаций Л.Б. последних лет. Прекрасное заглавие — про Тюмень из дальних и близких лет. Большинство материалов достойно всяческого поощрения. Впервые раскрывается подлинная история замечательного памятника отечественного изоискусства — жанровой композиции русского художника А.М. Волкова «Дуэль А.С. Пушкина с Дантесом», поскольку одно время она была в собрании известного деятеля тюменской культуры второй половины XIX века К.Н. Высоцкого.

Просто прелесть очерк об ужасной судьбе тюменских садов. Я понимаю, что издание популярного публицистического характера, но и отвод земли,

и постановления Тюменского горисполкома в форме документов есть в архивах. Хотелось бы и ссылок на них. Л.Б. и сейчас дотошна и последовательна в своих взглядах. Наперекор новой моде, когда в советском прошлом видят только плохое, отдавая дань уважения духовной жизни города, она, как свидетель, добавляет важную деталь к трагедии Благовещенского собора. Оказывается, Тура усиленно подмывала и подмывает берег в черте от Свято-Троицкого монастыря до речного порта. Собор мог рухнуть в реку. Конечно же, это нисколько не обеляет неистовых атеистических разрушителей начала 1930-х годов. Но полная правда важней.

Творчество П.П. Ершова — давнее увлечение нашего юбиляра, и как права Л.Б., задающая сакраментальный вопрос обществу и властям: когда же будет дом-музей нашего замечательного земляка в Тобольске, где доживает свое его последняя усадьба. Мягко говоря, непочтительное отношение к памятникам культуры и в советское время, и сейчас — боль не только Л.Б.

Очень насыщен очерк «Блюхер в Тюмени», написанный по архивным материалам и воспоминаниям Л.Б., ее подробный рассказ о Тюмени в суровую пору Великой Отечественной войны. Недавно издательство Ю. Мандрики выпустило в свет трехтомник сочинений П.А. Городцова, который в начале XX века записал подлинный сельский фольклор нижнетавдинской округи. Издание удостоено Большой золотой медали Всесибирской книжной ярмарки в Новосибирске (2001). Собранием Городцова занимался ряд лиц еще в 1920-е годы, но почему-то не оценили его по достоинству. В наше время на рабочие тетради собирателя и исследователя сибирской народной поэзии обратила внимание Л.Б.

Свое место в краеведческой истории Тюмени занимают теперь ее материалы о Чукмалдине. Автор в новой книге дает расшифровку подлинного имени автора сатирического памфлета «Письма из Тюмени претендента на должность городского головы» (1894). Им оказался Иван Яковлевич Словцов, правнучатый племянник того самого Петра Андреевича Словцова. Уточнила Л.Б. и место, где находился любимый тюменцами цирк Коромыслова.

Известно, что воеводскую службу в Тюмени царское правительство отменило только в конце XVIII века, до этого наш город был не только российскими воротами в Сибирь, но и важным сторожевым пунктом на великом Сибирском тракте. Трагическую историю набегов степняков на Тюмень Л.Б. интересно соединяет с хорошо знакомым ей источником — основным памятником сибирской литературы 1630-х годов, а именно Еси-

повской летописью и «Повестью о городах Таре и Тюмени».

По авторской воле в книгу включены статьи, написанные Л.Б. в 1990-е годы на злобу дня. Они нередко печатаются в газете «Тюменская правда». И если Л.Б. трудно что-то возразить против действительно разрушительных для нашей отечественной культуры процессов: разгула пошлого масскульта, безудержной аудиовизуальной обработки населения худшими образцами атлантического поп-искусства, — то в ряде эпизодов вместо обличений можно было бы перейти к стилю спокойного, защищенного аргументами повествования.

Права Л.Б., когда пишет: «убьют песню — загубят душу», когда напоминает про животворную силу народной частушки. Есть верные суждения и в полемическом очерке «Атакует рок-культура, или Потеря духовных ценностей». Однако еще в XIX веке было такое, когда вальс признавали «бесовским танцем».

Хорошо известно, что джаз родился 100 лет назад в негритянских кварталах Нью-Орлеана и, прежде всего, был протестом против расовой сегрегации в США. Он никогда не был «музыкой толстых» — это прекрасное демократическое искусство, воспевающее самые солнечные и счастливые моменты нашего бытия.

Молодые фанаты агрессивного, разрушающего души рока не выносят джаз. Так что — странное дело — Л.Б., отстаивающая духовно-нравственные отечественные традиции и ценности, оказалась в одном лагере с «прикольным» поколением.

Все это не снижает большого вклада в тюменское краеведение нашего юбиляра, а ее новая книга не только хороший подарок власть имущих к замечательному юбилею Ларисы Георгиевны Беспаловой, но и свидетельство того, что она по-прежнему в первых рядах энтузиастов изучения родного края.

Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 1/ Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2002. 192 с.

Собственно говоря, «Подорожник» мне потребовался потому, что в этом сборнике был напечатан очерк земляка-хантымансийца, профессора Н. Зубова «Ариадна, дочь Ариадны». Речь в материале — об А.Н. Голяновской, которую я еще мальчишкой знал как директора Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции. Хотелось найти в публикации новые сведения об этой замечательной женщине.

И вот первый выпуск «Подорожника», краеведческого приложения к журналу «Югра», у меня в руках. С огромным удовольствием прочитана «Ариадна...», где обнаружилось множество интересных фактов, о которых я раньше не знал.

Однако закрывать и откладывать книжку не хотелось. Своим появлением «Подорожник» (издательство «Вектор Бук», Тюмень, 2002) обязан буквально подвижническим усилиям неутомимого краеведа из Ханты-Мансийска В. Белобородова. Кстати, сам журнал, в библиотечке которого вышло это приложение, когда-то основал именно Валерий Константинович, и главная направленность той «Югры» была как раз краеведческая.

Верный любимой теме, В. Белобородов использовал самые разные формы популяризации краеведения во всевозможных изданиях. Теперь вот подарил читателям «Подорожник», выпуск 1 (надо вместе с автором-составителем верить, что будут и последующие).

Что же вместила в себя достаточно солидная, почти в двести страниц, книжка? Открывается она любопытным исследованием, озаглавленным «Брат на брата (Страницы истории гражданской войны)». Документы — а это доклады руководителей системы народного образования — характеризуют ситуацию в Сургутском районе накануне страшного 1921 года. По сей день «кулацко-эсеровский мятеж» в Западной Сибири освещается односторонне, хоть и стали это историческое событие именовать «крестьянским восстанием». Про красных, их героизм и жертвенность написано много. А какой была другая сторона?

Именно так, «Другая сторона», названа еще одна часть документального повествования. Здесь даны десять биографических портретов тех, кто противостоял революционным преобразованиям в Сибири.

«Что это за люди? — пишет в авторском отступлении В. Белобородов. — Имеют ли они вообще какой-то человеческий облик? Ничто не пропадает бесследно, и многие факты биографий удалось восстановить. Предоставляем читателю самому судить о своих предшественниках по публикуемым биографическим статьям. Возможно, после их прочтения громкая песенная фраза «В своих дерзаниях всегда мы правы» у кого-то породит вопрос: всегда ли?»

Органически дополняет исследование «Брат на брата» и рассказ писателя Еремея Айпина «Божье послание».

В «Подорожнике» есть публикация о знатоке культуры северных народов, много лет отдавшем делу просвещения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах Тюменской области П.К. Животикове.

Большой интерес представляют дневники Павла Кузьмича. В сборнике даны лишь отрывочные записи с марта 1946 года по июнь 1947-го. Однако они очень красочно, выпукло рисуют как портрет автора, так и портрет времени. Вообще личные дневники — документы особого рода, всегда убедительные, искренние, с неповторимым «ароматом» эпохи.

Составитель сборника В. Белобородов дал подборку необычных, поразительных фактов («Природные феномены»), которые отыскал в газетах разных лет, начиная аж с 1858 года.

Даже самый рядовой читатель, вовсе не фанатик краеведения, непременно заинтересуется такими материалами, как рассказ кандидата исторических наук А. Жирова о развитии рыбной промышленности в Тобольской губернии, «записки чиновника» А. Титова о Березовском крае и Обдорской ярмарке, повествование Г. Макаровой о Кодском монастыре и людях Конды... Впрочем, цель моих заметок — вовсе не перечисление материалов «Подорожника». Хотелось сказать за сборник читательское спасибо В. Белобородову, порадоваться за его последовательность и настойчивость, пожелать непременных успехов в будущем. Думаю, они нужны не только автору. Его успехи — это и наше приобретение.

...А теперь ложка дегтя. Она имеет отношение не к содержанию. Сборник неудачно оформлен. Не покидает ощущение, что делался он либо в спешке, либо людьми холодными, равнодушными, либо не профессионалами. Авторские вступления и пояснения к подборкам никак не выделены и теряются среди текстов, заголовки совершенно не смотрятся, фамилии авторов обозначены небрежно — разными шрифтами, то перед материалом, то после него, то с полными именами, то с инициалами... Есть и другие просчеты. Тут В. Белобородову можно только посочувствовать.

И тем не менее — «Подорожник» увидел свет! Вот что главное. Всем известна мощная целительная сила этого скромного растения. Уверен, что она еще даст о себе знать — буквально со второго номера такого увлекательного и нужного приложения к журналу «Югра».

МАНДРИКА Юрий Лукич — родился 28 марта 1952 г. в с. Высоком Ахтырского района Сумской обл. Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах («Тюменские известия», «Нефть Приобья», «Тюменская правда»). Несколько лет возглавлял издательство «СофтДизайн». Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

За успехи в издательском деле удостоен премии им. В.И. Муравленко, грамотой губернатора. В настоящее время возглавляет издательство.

Начнем с «Сибирского голоса»...

Несмотря на наличие исторического факультета и отделения журналистики, в городе историей тюменской дореволюционной печати всерьез никто не занимался. Автору этих строк знакомы разве что отдельные публикации о «Сибирском листке объявлений» да небольшая брошюра «Славный путь» о «Тюменском рабочем», издававшемся нелегально и по этой причине отсутствующем в фондах главных библиотек страны.

Совем недавно удалось обнаружить в Российском государственном историческом архиве (РГИА) документ о том, что практически на год раньше «Сибирской торговой газеты» было получено свидетельство на издание газеты «Тюменские известия» почетным членом С.-Петербургских детских приютов и Тобольского губернского попечительства статским советником Н.И. Давыдовским[1]. В программе газеты, изложенной на имя министра внутренних дел, говорилось, что издатель «желает издавать газету... 2 р. в неделю, а в остальные дни — телеграммы РосТА и собственные, казенные и частные объявления»[2]. Издание задумывалось как «общественная и торговопромышленная газета Приуралья и Западной Сибири». Свидетель-

[1] Подробнее о Н.И. Давыдовском см: *Кубочкин С.Н.* Тычковка. Сараи. Потаскуй... Тюмень, 2002. С. 255—258.

[2] РГИА. Ф. 776. О. 12. 1896: Д. 56. Л. 2—2об.

ство за №700 (для редакции, для типографии №701) было выдано 2 ноября 1896 г. Н.И. Давыдовский хотел, чтобы газета была бесцензурной. В письме в Управление по делам печати, подписанном вице-губернатором, подчеркивалось: «Цензурирование газеты я полагал бы возможным возложить на директора Тюменского реального училища, действительного статского советника Ивана Яковлевича Словцова, который без сомнения согласится принять на себя этот труд». Так появился будущий цензор «Сибирской торговой газеты».

В начале 1899 г. из Главного управления по делам печати на имя губернатора пришел запрос, почему с момента разрешения в управление не поступал ни один экземпляр «Тюменских известий». Из Тобольска был направлен ответ за №1769 от 2 апреля 1899 г., что газета с момента разрешения не выходила. И уже 29 апреля Главным управлением по делам печати издание признано не состоявшимся.

Почему Н.И. Давыдовский, человек не бедный, не продолжил задуманное им дело, остается тайной. Но это не единственная тайна в истории тюменской печати. В первую очередь, из-за отсутствия многих изданий в библиотеках и архивах области. Сегодняшней публикацией журнал начинает акцию по возвращению массовому читателю забытых страниц истории печати региона.

Начнем с «Сибирского голоса». О нем мы уже немного рассказывали, перепечатывая заметку из «Сибирских вопросов» (*см.*: Лукич. 2001. №1. С. 158–160). Но замысел несколько шире. Не только рассказать все, что известно о газете, но вкратце, языком библиографии, описать каждую заметку, касающуюся территории края в границах 1906–07 гг.

№ 2-й. год.

СИБИРСКІЙ ГОЛОСЪ

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

выходитъ ежедневно исключая дней послѣпраздничныхъ.

«Сибирский голос». Литературная, экономическая и политическая газета. Выходит ежедневно, исключая послепраздничные дни. Подписная цена: на год — 5 руб., 9 мес. — 4 руб., 6 мес. — 3 руб., 3 мес. — 1 руб. 75 коп., 1 мес. — 65 коп.

Адрес редакции: угол Садовой и Знаменской ул., д. Лошкомоева. Тел. 44.

Адрес конторы и типографии: г. Тюмень, Иркутская ул., д. 4.

Формат газеты 466x610 (книжная ориентация).

Издатель В.П. Бурков. Типография В.П. Буркова в Тюмени. Редактор Н.П. Тартаковский.

В цензурном деле в РГИА имеется два дела о «Сибирском голосе». В бумагах на открытие газеты речь идет о разрешении ка-

инскому мещанину Василию Буркову под ответственностью редактора поверенного Тобольского окружного суда Алексея Захарченко (Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 1906: 121). Печататься при этом газета должна была в частной типографии Житкова в Тюмени.

На самом деле редактором «СГ» стал провизор Н.П. Тартаковский (см. рекламу на С. 95). Уже в 1907 г. он как торговец не смог содержать свой аптекарский магазин. Это все, что известно о нем. Фотография провизора есть в книге «Тюмень глазами художника, фотографа...». В «Вестнике Западной Сибири» (1911. №149) идет речь о сгоревшем винокуренном заводе Н.П. Тартаковского. Это, пожалуй, все, что известно на сегодня о редакторе «СГ».

Первый номер газеты вышел 19 ноября 1906 г. *Открывается он объявлением за подписью городского головы А.И. Текутьева, секретаря П. Рогозинского, делопроизводителя Мешалкина. Тюменская городская управа доводит до сведения избирателей, что избирательное собрание для выбора гласных Тюменской городской Думы на 4-летие с 1907 года по 1911-й г. назначено на 22 ноября. Не могут участвовать в выборах лица, «за коими числятся недоимки по городским сборам свыше полугодового оклада сих сборов».*

Первая страница — это объявления. Принимается подписка на «Сибирский голос»; аптекарский магазин Н.П. Тартаковского имеет ассортимент косметических и парфюмерных товаров; типография В.П. Буркова на американке «Виктория» напечатает визитные карточки: «исполнение скорое и аккуратное, цены умеренные»; магазином Михаила Алексеевича Брюханова «вновь получены игрушки, куклы и елочные украшения»; магазин Левитовой и Невской среди прочих книг предлагает «сборник статей Крапоткина «Хлеб и воля». Врач М.Д Скаткина (Архангельская ул., д. 6. — Лачковой) предлагает подкожные впрыскивания мышьяка, массажистка А.С. Герасимова предлагает массаж общий, хирургический и гинекологический с 10 ч. утра до 12 ч. дня в доме Гилева; некая Сергеева продает вороного жеребца и выездные сани; «отдается в аренду каменная кладовая» (Воиновская ул. дом Ядрышникова)

Вторая страница открывается объявлениями. Винно-колониальный магазин И.Е. Рыбина — водочные изделия, «нарзан, боржом и виши», церковное красное вино, кофе, омары, кильки, осетровая икра, крупы, масла — все это в д. Князева по ул. Серебряковской. Тюменское отделение торгового дома «Бр. Агафуровы» предлагает игольно-галантерейные, табачные, писчебумажные товары, чай и сахар. Какой-то студент-техник, окончивший «здешнее реальное училище, ищет уроков», а приезжая портниха принимает заказы на дамские платья...

И лишь после всего этого объявленческого разгула статья «К вы-

борам в Государственную Думу». В ней обрисована ситуация, в атмосфере которой выходит первый номер газеты «Сибирский голос»: «Предвыборная деятельность общества стеснена властями всеми мерами, какие только может придумать человеческое воображение. ...Народная масса прониклась убеждением, что сила, которая может спасти ее от вымирания и одичания, заключается только в ее самодеятельности, что сам народ должен разбить свои рабские цепи и выковать свою свободу и счастье» (№1. С.2). А чуть ниже заметка о том, что правительство решило принять участие в выборах. А сенат занялся разъяснением закона о выборах, отчего десятки тысяч избирателей теряют гражданские права. Подборка информаций из Курска, Вильно, Саратова, Полтавы, помещенная в газете, приводит факты, как с приближением выборной кампании усиливаются аресты видных деятелей, как на основании последних распоряжений сената исключаются из списков тысячи рабочих и служащих. «Администрация продолжает чистку избирателей» (№1. С.2).

Эти публикации анонимны.

Все номера строились практически по такому же принципу. В описании только первой заметки указаны год, номер, страница, рубрика. В остальных — обозначено «Там же».

К городским выборам // **СГ. 1906. №1 (19 нояб.).** С. 2.

О выборах гласных в Тюменскую городскую Думу на очередное четырехлетие — 1907—1911 гг. В городе с 35-

НОВОСТЫ
Гигрометръ „МЕТАМОРФОЗА"
ДАЕТЪ ВѢРНЫЯ ПОКАЗАНІЯ ПОГОДЫ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ ГОДА.
НЕОБХОДИМЪ КАЖДОМУ!
НИКОГДА НЕПОРТИТСЯ!
ЦѢНА 1 РУБЛЬ.
Г.г. торговцамъ скидка.
Исключительная продажа
въ Аптекарскомъ Магазинѣ
Н. П. Тартаковскаго.
Въ гор. Тюмени, Царская улица домъ н-въ Андреевыхъ.

тыс. населением избирателей насчитывается 274 чел. «Остальная масса является лишенной избирательных прав, но без лишения обязанностей вносить налоги в городскую кассу. ...Способным разбираться в городских делах и определять городские налоги признается только тот, имущество которого оценено не ниже 1000 руб. или кто ведет крупную торговлю». В публикации говорится о причинах слабого интереса жителей к городским делам.

В номере присутствует обзор русской печати, иностранное обозрение. Это дела второй страницы. В одной из публикаций идет речь о русских займах во Франции. Их размер таков (во Франции размещено русских бумаг на 14 $^1/_2$ миллиарда франков), что «неизбежно приведет до окончательного краха, либо до нового режима, который установит контроль над финансами страны».

«11 ноября закрыта здесь...» //Там же. С. 3. — [Корреспонденции «Сибирского голоса»].

О закрытии ветеринарно-фельдшерской школы в Тобольске после объявления учениками забастовки с требованиями удалить директора Брехова.

«10 ноября Тобольским окружным судом...» // Там же.

О рассмотрении Тобольским окружным судом дела ветеринарного фельдшера Вас. Яков. Ясырева, покушавшегося на жизнь начальника каторжной №1 тюрьмы Иконникова (бывшего помощника исправника в Кургане осенью 1906 г., «усмирявшего» забастовщиков).

Здешний. «Весной этого года в наших краях...» // Там же.

О больших лесных порубках в с. Викулово Тарского у. и преследованиях порубщиков. Подстрекателем записали местного крестьянина, который читал какой-то манифест, якобы разрешающий свободную рубку леса в течение 5 лет.

«В Тюменском уезде ныне было много ходоков...» // Там же.

О ходатайстве ходоков из Вятской губернии, пострадавшей от неурожая, с просьбой поселиться в Тюменском уезде на казенных землях.

«Для образования новых участков...» // Там же.

Для выдачи ссуд переселенцам, устройства дорог и пр. на 1907 г. в Тоб. губ. испрашивается $1\,^1/_2$ млн. руб.

«Тюкалинское сельско-хозяйственное...» // Там же.

О ликвидации общества по торговле сельскохозяйственных машин. «Предполагают, что чистого барыша останется около 2000 руб.», на которые общество приобретет 8 голов ярославского рогатого скота.

«С января в Тобольской...» // Там же.

Об учреждении 24 должностей страховых агентов, занимающихся деятельностью, предупреждающей пожары.

«В Тобольской губернии из сумм...» // Там же.

О накоплении страхового капитала из сумм страховых сборов, достигшего $1\,^1/_2$ миллиона рублей. Правительство предлагает передать их в виде ссуды сильно нуждающимся земствам Европейской России.

Хроника // Там же. С. 3.

— Полицией задержан студент Федюшин, имевший при себе 200 прокламаций Екатеринбург. ком. РСДРП.

— О наборе новобранцев в Тюмени.

— О назначении приставами г. Пятчинина (1 полицейск. уч.) и Ускова (2 уч.).

— Околоточный надзиратель стрелял в злоумышленников, укравших двух лошадей. Одна лошадь — водовоза Белоусова.

— Арестованные при демонстрации Краевский, Битюков, Васенин и Кузнецов высылаются за пределы Тобольской губернии.

— Третий день в городе не получают московские газеты — запрещено пересылать прогрессивные издания скорыми поездами.

— Выставлены для осмотра списки избирателей в Государственную Думу. Всех лиц, обладающих избирательным правом, в Тюмени и уезде 3157. 923 выборщика не платят квартирный налог.

— Местные педагоги последними из всех ведомств получили циркуляр Министерства о запрете принадлежать к каким-либо партиям.

— Конские бега.

— Заболел высланный из Тюмени вет. врач Лев Самсонович Сумцев.

— О массовом увольнении рабочих с Жабынского завода. Вследствие этого снизились расценки в котельной Плотникова. На заводе Машарова началось движение против сверхурочных работ — в пользу безработных.

— В помещении типографии «Сибирский голос» отслужено торжественное молебствие по поводу выхода первого номера газеты.

Биржевые сведения // Там же. — [Коммерческий отдел].

Государственные займы. Тюмень, 20 ноября

«На субботнем базаре 11 ноября...» // Там же. — [От наших корреспонд.].

О ценах на продукты питания, сено на субботнем базаре в Ялуторовске. О наличии товара на Михайловской ярмарке (с. Караульноярское Тюменск. у.) и цены на него.

О реформе городского самоуправления // **СГ. 1906. №2 (21 нояб.).** С. 2.

Упоминание Тюмени, в которой по существующему избирательному праву число избирателей включает в себя представителей не более 5% семей, живущих в городе. Но на самом деле их еще меньше, т.к. на выбор гласных является какая-нибудь третья, четвертая часть их.

На 2-й и 3-й страницах номера идет подборка информации о сенатских разъяснениях, благодаря которым удалось сократить список выборщиков. В Орле во многих управах исключили крестьян как частных землевладельцев. Согласно разъяснению МВД казенные винные склады «не имеют по свойству своих операций фабрично-заводского характера», поэтому их рабочие к выборам в Гос. Думу не допускаются. «В некоторых местах количество ампутированных избирателей достигает 95%».

И.Т. «Имеется у нас отдел...» // Там же. С. 3. — [Корреспонденции «Сибирского голоса»].

О приобретении сельскохозяйственных машин Ялуторовским отделом Московского общества сельского хозяйства у фирмы «Осборн» (представители — Бундшу и Родзевский).

«Недавно у нас в деревне...» // Там же.

Молодой человек лет 16–17 из с. Борки Тюмен. у. агитирует выбирать в Гос. Думу не чиновника, а своего брата крестьянина.

Хроника // Там же. С. 3.

— При рассмотрении дела Тюменского жел. дор. забастовочного комитета Тобольский окружн. суд оправдал всех подсудимых — Михайлова, Копанова, Кгаевского, Шадрина и Иевлева.

— В помещении Николаевского училища состоялось собрание членов общ. Вспомоществования нуждающимся учащимся г. Тюмени.

— Со двора дома Колмогорова уведена лошадь. Конокрады Онофричук и Пудовкин задержаны. «У Киданова из Туринска отобрана краденая лошадь».

— Исправник отдал распоряжение об «исправлении в городе дорог».

— Пытались бежать из тюрьмы срочные арестанты Марилов и Любимов. Оба задержаны.

— Помощник исправника выбыл в Тобольск в 4-дневный отпуск.

— У служащего городской управы И.А. Платунова похищена шуба.

— Пожарные выехали по ложной тревоге.

— Старший врач местного лазарета отбыл к новому месту службы.

— Городским ломбардом объявлен «аукцион просроченным закладам».

— Арестованные 17 октября Васенин и Кузнецов «высылаются из пределов Тобольской губ.».

— Арестованным тогда же Мишину и Атмакину будет предъявлено обвинение.

7 Заказ 1608

— В местной тюрьме находятся 6 местных политических заключенных и пересыльных.

— Состоятся выборы гласных в городскую Думу на четырехлетие. «Число лиц и фирм, имеющих право выбора — 274; не внесшие до выборов городских налогов, лишаются этого права. Таких лиц до 20 ноября числилось 46».

— На заседании городской Думы будут рассмотрены следующие вопросы: о расходах на содержание Тюменского городского банка в 1907–1911 гг.; ходатайства об «оставлении» на прежних местах пивных лавок; о постановке телефона в канцеляриях полиции и полицейских приставов; об установлении платы за лечение и содержание в Тюменской городской больнице, а также о «сложении числящейся за разными лицами за лечение недоимки... по безнадежности по взысканию»; ходатайства жены мещанина П.М. Раковой и отставного рядового Толстогузова о разрешении открытия постоялых дворов; ходатайства разных лиц о «сложении с них городских недоимок»; прошение вдовы городового Тюменской полицейской команды Прокофьевой о назначении ей пособия за службу мужа; доклады Тюменской городской управы «о состоянии и оборотах денежных сумм» за июль и август 1905 г.; смета на содержание Тюменской женской гимназии в 1907 г.

— В реальном училище состоится храмовый праздник.

— Служащие Тюменской городской управы решили открыть путем отчислений из получаемого ими содержания товарищескую ссудосберегательную кассу.

— «Уральский край» просит опубликовать сообщение об ошибке, которую они допустили. Оказывается, Тюменская городская управа не теряла дело прошедших выборов в Государственную Думу.

«В воскресенье...» // Там же. — [Театр].

О пьесе г. Евдокимова «Оживающая пустыня» в местном театре. Публика скучала.

Биржевые сведения. // Там же. — [Коммерческий отдел].

Государственные займы. Тюмень, 20 ноября.

Хлебный рынок // Там же.

Цены на хлебопродукты в Тюмени на 18 ноября. Ниже подверстаны цены на рыбном рынке — свежая и соленая рыба.

Заметка // **СГ. 1906. №3 (23 нояб.).** С. 3.

О работе Тюменской городской управы по подготовке к выборам в Госдуму. Управа недостаточно активизирует потенциального избирателя, чтобы тот сам желал попасть в список выборщиков.

«На днях состоялись выборы...» // Там же. — [Корреспонденции «Сибирского голоса»].

Отмена губернатором результатов выборов распорядительного комитета губернского музея. Избранный А.Н. Ушаков привлекался к ответственности за подписание Выборгского воззвания, Н.Л. Скалозубов и А.А. Лещинский находятся под гласным надзором полиции.

«На последнем заседании городской Думы...» // Там же.

Горожанка Гаврилова (Тобольск) просит разрешения открыть в нагорной части мясную лавку.

Хроника // Там же. С. 3.

— Списки избирателей в Гос. Думу были посланы из полицейского управ. 10 ноября, а получены в городской управе лишь 15.

— На зимовке у Плотникова рабочие выступили с требованиями увеличить зарплату хотя бы на 10 коп. в день. Из-за наличия в городе безра-

ботных подрядчики отдают работу «отрядно за минимальную цену».

— Отправка всех политических ссыльных из местной тюрьмы (всего 26 чел.) в Тару.

— Дело политического заключенного Г.С. Васенина будет слушаться в окружном суде, защитником выступит пом. пр. пов. С.С. Анисимов.

— Поправка. Сумма в 100 руб. предназначается не для снабжения теплыми вещами учащихся воскресной школы, а для учащихся городского и приходских училищ.

— В городскую Думу избраны гласными на новое четырехлетие следующие лица: Текутьев А.И., Вяткин М.А., Коновалов П.А., Никольский П.И., Матусевич А.А., Ратанов А.Н., Кругляшов М.А., Аверкиев А.Ф., Копылов В.П., Михалев А.И., Ядрышников Н.И., Обрубов А.Ф., Бурков В.П., Шувалов Н.М., Шитоев А.П., Панфилов А.Ф., Антонов И.О., Семериков И.И., Россошных А.П., Машаров П.Д., Давыдовский Н.И., Калинин Е.А., Решетников И.Е., Колмаков А.В., Попов И.И., Брюханов М.А., Новоселов И.А., Карташев М.И., Рыбин И.Е.; кандидатами выбраны Станевич Ф.Е., Горбунов Д.Т., Ядрышников М.П., Кочнев А.Е., Ретин А.П., Панкратьев Н.Л., Завадовский Н.П.

S. Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

О постановке пьесы Сарду «Мадам Сан-Жен» с г-жой Холминой в главной роли.

Зал прикащицьего клуба // Там же. — [Театр].

Состоялся маскарад в пользу общества взаимного вспомоществования приказчиков г. Тюмени.

Воскресение, 19 ноября // Там же. — [Бега и скачки].

«Дорожка тяжелая, погода хорошая; публики немного, но играли на тотализаторе усердно». Участвовали в забеге лошади Ф.С. Колмакова, С.Ф. Тидена, М.П.Н., Ф.М. Селянкина, Н.Л. Гориславского, Л.С. Колмакова, В.К. Горедлова, П.В. Рычапова, Е.Н. Духовских, К.И. Гривцова,

Биржевые сведения // Там же. — [Коммерческий отдел].

Государственные займы. Тюмень, 20 ноября.

Е.В. Г—нъ. По поводу забастовки у Плотникова // **СГ. 1906. №4 (24 нояб.).** С. 3.

Соображения по поводу несвоевременности таких способов борьбы, как забастовка. Финансовые затруднения казны выбросили на улицу несколько десятков квалифицированных рабочих из Иртышского участка на улицу. У Машарова продолжительность рабочего дня увеличилась на 1 час. Выход — создание профессиональных союзов.

Б—тъ. «Ялуторовскому отделу...» // Там же. — [Корреспонденции].

Председатель Ялуторовского съезда крестьянских начальников г-н Таватшерн передал в дар обществу вспомоществования учащихся Ялуторовского уезда дом, который ему не принадлежал. Возникшую проблему можно решить только в судебном порядке.

Хроника // Там же. С. 3.

— Всего 58 избирателей (весь состав 274 чел.) явились на выборы новых гласных в Тюменскую городскую Думу. В гласные баллотировалось 56 чел., в кандидаты — 11 чел. Приведен список баллотировавшихся с указанием количества «за» и «против». Так, за Текутьева А.И., соответственно «за» и «против», 54 — 3, Афромеев А.М. — 17 — 46, Бурков В.П. — 51 — 12, Крылов А.А. — 21 — 41, Рылов А.М. — 20 — 41, Брюханов М.А. — 39 — 14, Огибенин И.К. — 26 — 26 и т.д.

— В Тобольск пешком была отправ-

лена группа политических ссыльных (12 чел.).

— Нападение на рабочего лесопилки Новоселова возле дома на 2-й Монастырской двумя неизвестными.

— Очередное собрание городской Думы не состоялось из-за неявки гласных (пришло лишь 11 чел.).

— Часовой городской каланчи пожарной команды ночью увидел отдаленный огонь в районе табора.

— Проект устава Союза служащих в торгово-промышленных заведениях г. Тюмени повторно отправлен на утверждение губернатору.

Биржевые сведения // Там же. — [Коммерческий отдел].

Государственные займы. Тюмень, 23 ноября.

«На субботнем базаре...» // Там же. — [От нашего корреспондента].

Цены на продукты в г. Ялуторовске 18 ноября.

«Каждую неделю через наше село...» // **СГ. 1906. №5 (25 нояб.).** С. 3. — [Корреспонденции].

Арестанты, которые идут партиями из Тюмени в Тобольск, останавливаются на отдых в с. Иевлево Тюменского у. в полуразрушенном здании.

Хроника // Там же. С. 3.

— В городе появилась в обращении масса фальшивых серебряных рублей.

— Задержан бежавший из Томских арестантских рот тюменский мещанин П. Завадовский.

— Задержаны двое продавцов фальшивых «золотых» колец.

— У уличного караульного ночью украдена шуба.

— У Станевича уведена в «сараях» лошадь.

— У Истомина на Ишимской уведена лошадь.

— С постоялого двора Самсонова на новой улице у кр. Нечаева «сведена» лошадь. Виновники Куницкий и Задорожных задержаны.

— На лавку Вьюнова на Пристанской улице совершено нападение. Онофричук задержан.

— В квартире Новоселовых в д. Басова по ул. В. Разъездной Зырянов нанес хозяину ножевое ранение.

S. Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

Бенефис г-жи Холминой «Казнь».

«Местные «истинно русские люди»...»// **СГ. 1906. №6 (26 нояб.).** С. 3. — [Корреспонденции].

В Тобольске начал свою деятельность «Всенародный русский союз».

«Ученица двухклассной школы...» // Там же.

«Ученица двухклассной школы Боровская присуждена врем. генерал-губернатором на три месяца тюремного заключения».

От редакции // Там же. С. 3.

В №3 «сообщение страдает недосмотром». Городская управа объявления в отношении привлечения избирателей в Государственную Думу «распубликовала» в «Сибирской торговой газете».

Хроника // Там же.

— Тюменский мещанин Андрей Дубровский посажен в тюрьму за необъявление полиции в течение суток о прибывших.

— Задержан полицией подозреваемый в покушении на кражу у Вьюнова Яумбрань.

— Задержан Мухамердеев за кражу муки у А.И. Текутьева.

— Задержанные продавцы фальшивых колец высылаются этапом на родину.

— Приставом 3-й части Ветриловым задержаны И. Редькин и

П. Звейняк за похнщенне плах из-под полов больннцы.

— Помощннк исправника Вншневский возвратнлся нз поездки в Тобольск и «вступил в исполненне обязанностей».

— По случаю кавалерского празднника ордена св. Георгня Победоносца в старой соборной церкви «состоится парад частям гарнизона со знаменем». Командовать нм будет подполковник Шелавин.

— Сегодня состоится открытие катка Тюменского Вольного пожарного общества на реке протнв реального училища.

— В дер. Гусевой началась эпндемня «какой-то горловой болезни вроде днфтерита».

— «Тобольские губернские ведомости» публнкуют списки избирателей в Гос. Думу по Тобольскому уезду.

— В Туринске с 7 по 9 декабря назначено заседание временного отделення Тобольского окружного суда. К слушанию назначено 17 дел.

— «В съезде крестьянскнх начальников» Тюменского уезда рассмотрено 13 уголовных, 13 гражданских дел и по 1 жалобе на крестьянского начальнника.

Театр и зрелища // Там же.

В зале прнказчичьего клуба дирижером М.Н. Ушаковым и артнстамн труппы Ковалевой дан концерт. Лндин-Дубровский чнтал «Последний день осужденного» Майкова.

Коммерческий отдел // Там же. С. 4 — [От нашего корреспондента].

Цены на продукты в г. Тобольске на 22 ноября.

«На последнем заседании...» // **СГ. 1906. №7 (28 нояб.).** С. 3. — [Корреспонденции].

На заседанни Тобольской городской Думы гласный Городков предложнл один нз заложенных в городском банке домов н не выкупленных уступить кружку дам для устройства прнюта для подкидышей.

«Наш тихий город...» // Там же.

В г. Таре поселились 42 политических ссыльных, которые успели открыть колбасное заведение, столярную мастерскую, переплетную.

Хроника // Там же. С. 3.

— В театре А.И. Текутьева г. Рычапов сделал девушке лет 15—16 гнусное предложенне.

— Служащим городской управы роздана брошюра «Новая дума» генерала Е.В. Богдановича, известного как органнзатора «черной сотнн».

— Прнбыла партня политнческнх ссыльных (около 50 чел.).

— Полицня разогнала за-Тюменской толпу в 200 чел., устроившую кулачные бои.

— На Снбирской железной дороге началось сокращение штатов.

— На содержание городской больницы в 1907 г. составлена смета в 15486 руб.

— За 10 дней ноября в больннцу поступило на нзлечение 15 чел.

— Расхищали холерный барак детн, а задержаны Верилов и Лебедев.

— Публнка выражает неудовольствие по поводу устроенного на реке катка.

— На стоявшего «на бнрже по Серебряковской ул.» нзвозчика Гринько напали двое неизвестных и ранилн его.

— У кр. Марандина со ст. Кармак уведена вороная лошадь.

— В городском ломбарде успешно прошел аукцион.

— «Приемочная» комиссня начнет осматрнвать вновь отстроенные казармы.

Театр // Там же.

О постановке в Текутьевском театре прьесы Горького «Трое». Заняты артнсты Лнднн (Илья), Голованов (Прокопий).

«23 ноября неизвестными...» // **СГ. 1906. №8 (29 нояб.).** С. 3. — [Корреспонденции].

Нв торговца горшками Уварова из д. Зырянская Тюменского уезда напали шестеро грабителей.

4-й день. Воскресенье, 26 ноября // Там же. — [Бега и скачки].

Участвовали лошади Н.И. Козловв, П.В. Рычапова, Д.Г. Решетиикова, В.К. Горелова, В.П. Буркова, Ф.С. Колмвкова, Р.Р. Рычвпова, Ф.М. Селянкина, Н.Л. Гориславского, С.Ф. Тиденв, Е.Н. Духовских, К.И. Гривцева.

Оштрафован наездник П.В. Рычаповв Сорокин.

«С. Муромцево Тар. у. 18 ноября цены на продукты...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

М—нъ. Прибыльность молоканок // **СГ. 1906. №9 (30 нояб.).** С. 3 — [Корреспонденции].

Доверенный вртельного маслодельного завода (д. Володино Юршинской в. Ялуторовского у.) И. Попов рвссчитывался с работииквми вместо зарплаты товаром из местной лавки.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
В. П. БУРКОВА
ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ
НА ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ.
Печатаются визитныя и поздравительныя
КАРТОЧКИ
на Американкѣ „ВИКТОРІЯ".
ИСПОЛНЕНІЕ СКОРОЕ И АККУРАТНОЕ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Ласточка. «В селе Шатровском...» // Там же.

С иаступлением осени квк следствие сокращеиия работников в овчиино-шубных заведениях нвблюдается повсеместио увеличеиие краж. Жертвой твк называемых «босяков» стал хозяин лавки В.Я. Бясклейн.

Ал. «Избирательные списки еще не опубликованы...» // Там же.

Бывший депутат городской управы А.И. Ушаков по предложению губериатора исключен из избирательных списков за распространение Выборгского воззвания.

Хроника. // Там же. С. 3.

— На Червишевском тракте за копыловскими свраями нвйден труп крестьянинв Бобылевской в. Ялуторовского у. Н.Г. Белоскунцева.

— Возвращается с ревизии крестьянских и волостных учреждений в Тобольск генерал-губернвтор г. Тройницкий.

— В театре А.И. Текутьева до сих пор отсутствует телефон.

— 29 ноября пожврный обоз по тревоге выезжал в Тычковку, но нигде иичего не иашел.

— В здании Спасского училища открылась воскреснвя школв для взрослых.

— Победителем торгов на поствку провиантв для Тобольского полкв вновь стал В.Л. Жернаков.

— Загорелся дом Калининв нв Иркутской.

Театр А.И. Текутьева // Там же. — [Театр].

Комедия «Семнвдцвтилетние» — беиефис г-на Комиссаржевского. Семиадцатилетнюю девушку играла Лидииа. Бенефициаит изображал кадетв Фридерв.

Водевиль «Тетушка из Глухова» прошел очень весело.

Недоставленные телеграммы

Там же. С. 4 — [Справочный отдел]

Семииария. Аркадию Курочкину; Николаю Плотиикову, Иваиу Ширеву, Хрисанфу Болотову.

Крестьянин Пахарь. «Утром 27 ноября на ст. Тугулымскую прибыл...» // **СГ. 1906. №10 (1 дек.).** С. 3 — [Корреспонденции].

Из товарно-пассажирского поезда, прибывшего из Екатеринбурга, высадили безбилетника в нетрезвом виде. Поезд, пришедший через час из Тюмени, отрезал лежащему на рельсах пассажиру (тому самому) голову.

Молодых В. Письмо в редакцию // Там же. С. 3.

Об устройстве катка Тюм. В. П. О-ва на реке, а не на месте Н.И. Давыдовского. А.Н. Ильинский заплатил Шалашникову 100 руб. за уступку места на реке. При покойном И.А. Решетиикове убытка от катка не было.

Хроника // Там же. С. 3.

— Списки избирателей в Государственную Думу отпечатаиы. Всего городских избирателей — 3106.

— Ученикам VII класса реального училища сделано замечание за непосещение уроков.

— Перешли в новые казармы остальные части Тобольского полка, квартировавшие за Тюменкой и в бараках. Освящеиие казарм предполагают сделать к приезду начальника 3-й Сибирской дивизии Папеигута.

— Губернская ветеринарная администрация предполагает провести ряд совещаний в Ишимском и Тюкалииском уездах в начале декабря. Одиовременно с большой Никольской ярмаркой.

— Околоточный надзиратель Лебедев в кирпичных сараях отоборал две краденые лошади.

— Из 14 лиц, задержанных ночью во время облавы по городу, 10 подлежат высылке как беспаспортиые.

— Пожар на лесопилке Агафоицева причинил ущерба на 10 тыс. руб.

— У мещанки Крынской, находившейся в торговой бане Тоикова, украдена шуба. С поличным задержан известный хулиган с Тычковки Иван Петров.

— С постоялого двора в доме Тюиева украдены хомуты, с которыми был задержан М. Пеньевский.

Недоставленные телеграммы // Там же. С. 4 — [Справочный отдел]

Первухину, Лаврентьеву, Словцову.

«Крест. Газ.». «Ялуторовск. 19-го ноября состоялось собрание...» // **СГ. 1906. №11 (2 дек.)**. С. 3 — [Корреспонденции].

Собрание уполномоченных Ялуторовской маслоделательиой артели решило построить собственное помещение в дер. Томиловой, устранив разногласия между крестьянами и мещанами.

Ласточка. «Существующее у нас училище на вид хорошее...» // Там же.

Открыта подписка на постройку новой школы для 80 учеников. Старообрядцы отказываются обучать своих детей в ией, т.к. в школе ребят заставляют стричься по-православному.

«Крест. Газ.». «В Тобольске уже началась «конспиративная»...» // Там же.

Имя прежнего выборщика Н.Л. Скалозубова, бывшего губернского агроиома, произиосят в каждой избе: тоболяки верят, что кандидатура его обеспечеиа их голосами. Оппозиционная местиая интеллигенция агитирует за Скалозубова как за человека, пострадавшего за свои убеждения (в разгар «конституции» был в числе других тобольских «крамольников» заточен в тюрьму, а затем отправлен в ссылку в Березов). Оппозиция еще

агитирует за А.А. Лещинского, бывшего мирового судью, а также д-ра И.И. Покровского и А.С. Суханова, бывшего члена городской управы.

Хроника // Там же. С. 3.

— На состоявшемся съезде крестьянских уполномоченных была произведена раскладка налогов. Общая сумма обложения на этот год 105 тыс. руб.

— В городском театре А.И. Текутьева будет благотворительный спектакль (пьеса Зудермана «Родина») в пользу недостаточных учениц местной женской гимназии. Билеты у распорядительниц спектакля Анны Яковлевны Памфиловой и Елены Яковлевны Решетниковой.

— С крестьянина д. Кошевиной Самуила Ершова, везшего дрова мимо сиротского дома, была неизвестными сорвана меховая шапка.

— В театре найдены дамские серебряные часы с черным шнурком. Находятся у пристава 3-й части.

— В театре из швейцарской у Фарфулина похищена шуба.

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

Пьеса «Евреи» привлекла многочисленную публику.

Недоставленные телеграммы // Там же. С. 4. — [Справочный отдел].

Низитдинову, Марьянову, Бурову, Лаптеву.

И.Т. «29 ноября хоронили...» // **СГ. 1906. №12 (3 дек.).** С. 3 — [Корреспонденции].

В Ялуторовске от оспы умер политический ссыльный Гуджабидзе.

Хроника // Там же. С. 3.

— По этапу в Тюмень прибыли из Одесского генерал-губернаторства через Нарымский край политические ссыльные Мешков и Стицура. Политический ссыльный И.В. Пятнов обратился в Министерство вн. дел за разрешением о выезде за границу для лечения.

— Министерство путей сообщения специальным циркуляром предлагает сметы хозяйственных и операционных расходов составлять ежемесячно.

— В городе на 1 декабря зарегистрирован один случай оспы.

— Студент-тюменец П.П. Кудряшов, сосланный в прошлом году в административном порядке в Нарымский край, получил право возвратиться в Тюмень.

— У тюменского мещанина А.П. Мухачева с Царской улицы от почтово-телеграфной конторы была украдена лошадь, которую позже обнаружили в копыловских сараях.

— У крестьянина д. Мыс Токарева с улицы Царской от магазина Лагина похищена лошадь.

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

Пьеса «Евреи» написана Чириковым под впечатлением организованного Плеве в Кишиневе еврейского погрома. В спектакле были заняты Лидина (Лия), Комиссаржевский (роль Шлойме), Лаврецкий, Треплев, Морской, Степанов (Лайзер Френкель), Голованов (Сруль), Лидин-Дубровский (Нахман).

Тюмень 1-2 декабря. Хлебный рынок // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

Цены на пшеницу, рожь, овес, муку ржаную.

«С. Шатрово Ялутор. у. Базар 26 ноября...» // Там же. — [От нашего корреспондента].

Цены на продукты.

«Село Муромцево, базар 25 ноября...» // Там же.

Цены на продукты.

Сибиряк. «Вот уже второй год как сельские школы...» // **СГ.**

1906. №13 (5 дек.). С. 3 — [Корреспонденции].

Училищный совет и инспекция пытаются хоть как-то получить книги и учебные пособия для школ.

«По слухам в Тобольскую губ. едет чиновник...» // Там же.

Г. Хвощинский (главное управление землеустройства и земледелия) намерен ознакомиться с результатами работы по отведению переселенцам участков.

N. «Крестьяне д. Речкиной Каменской волости...» // Там же.

На решение крестьян о расширении и ремонте часовни ответил настоятель, что для таких целей необходимы значительные денежные затраты.

Хроника // Там же. С. 3

— В Тюмени организуется союз русского народа с участием священников.

— В Тюменском уезде переселенческие ходоки ищут на казенных оброчных статьях места, годные для водворения.

— Служащие гор. Упр. подали в гор. Думу петицию, в которой просят пособие к празднику.

— Сошли два товарных вагона около ст. Богдановичи.

— Почтовый поезд пришел без столичной почты.

— Два боковых каменных корпуса тюрьмы нуждаются в ремонте.

— Заседание воинского присутствия в здании полицейского управления.

— По случаю праздника попечительских учреждений назначен молебен в здании полицейского управления.

— Освящение вновь построенных казарм. Горожанам разослано до 150 приглашений. Денег собрано по подписке около 695 рублей (*см.* СГ. №14. С. 3).

— На Большой Заречной улице в служащего 2 пол. части Исаака Петровича Кучина произведено два выстрела. Прострелено пальто и задет сапог.

— Около лавки Носкова на Сенной площади сильно избит неизвестный «мущина».

— Кузьма Дзюменко украл лошадь у кр. Велижанской вол. Соколова, которую обнаружили у пивной лавки по Ишимской ул.

— У тюменского мещанина Ф. Макушина, проживающего по Ямской ул. в д. Кобылкина, украдено разное имущество и деньги.

— В кирпичных сараях околоточным Островским обнаружена целая фабрика фальшивых монет. Задержаны сахалинец Чеботарев, крест. Шелихов и сожительница Чеботарева, цыганка.

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

Во время спектакля «Агитаторы» в зале царила скука.

5-й день. Воскресенье, 3 декабря // Там же. — [Бега и скачки].

В бегах участвовали лошади И.И. Решетникова, Е.И. Корнилова, Д.Г. Решетникова, П.Г. Коновалова, Д.Ф. Карасева, С.Н. Басова, М.М. Абышева, В.П. Буркова, Ф.С. Колмакова, С.Ф. Тидена, Ф.С. Селянкина, К.И. Гривцова, Ф.И. Исакова.

«Нас просят поместить выдержки из отчета...» // Там же. С.4.

Отчет Каменской добровольной пожарной дружины за период с 25 мая 1903 г. по 25 мая 1906 г.

Недоставленные телеграммы // Там же. — [Справочный отдел].

Гостиница «Якорь», Прохорову.

Список недоставленных за октябрь и ноябрь телеграмм // Там же.

Альперовичу, Аминову, Афонину, Антонову, Аминову, Брызгунову, Бурову, Барановой, Балашову, Бартаковскому, Верешилову, Васильевой, Гендель, Гавриловой, Гендель, Гилеву, Дюпину, Дурганову, Дружи-

ниной, Елыкову, Ермилову, Зырянову, подат. №87, Завадскому, Захарову, Зуеву, Казамуудинову, Кухтериной, Кухтериной, Коликину, Курвинкову, Кожену, Калинину, Першинову, Костылевой, Китаевой, Кириллову, Киселеву, Кульмаметьеву, Инокентию Климшину, Калмыкову, Кузнецову, Курочкину, Лаптеву, Лошкареву, Лаврицкому, Лемперт, Логиновой, Лаврентьеву, Маковицкому, Мухтарову, Мягкову, Мотахову, Оплаеву, Первухину. под. №2150, под. №1220, Панину, Речапову, Рябичеву, Словцову, Фалалееву, Сбоеву, Сесматиной, Сыромятникову, Старкову, Степановым, Сад, Частницкому, Черноусову, Чепелевой, Чиркову, Плотникову, под. №2150.

Писатель. «Нынешнюю осень в д. Лысову...» // **СГ. 1906. №14 (6 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

Инспектором народных училищ прислан в Гилево Липовской вол. Тюм. у. учитель в министерскую школу, которой на самом деле не оказалось. Вместо школы была выстроена часовня и открыта при ней школа грамоты. Учителя направили в школу д. Бор. Но и там он оказался никому не нужен.

Z. «24 ноября в с. Каменское по распоряжению крестьянского начальника 1 уч. Деспот-Зеновича...» // Там же.

В будущее трехлетие, с 1 января 1907 г., крестьяне Тюменского уезда будут платить податей менее на 22 тыс. руб.

Z. «Недавно здесь было заседание уполномоченных...» // Там же.

Туринский уезд отказывается платить ту часть оброчной государственной подати, которая превышает нынешнюю.

Хроника // Там же. С. 3.

— Приглашен г. Христофоров для строительства ледореза около с. Богандинского.

— В ноябре в городе было семь пожаров, из них — два в мастерской г. Щупова, на лесопилке Агафонцева.

— Выезжала пожарная команда на Царскую, в дом Бранта: горела сажа в трубе.

— В угрюмовских сараях умер найденный возле жел. дор. со слабыми признаками жизни кр. Тобольского у. Кузаровской вол. Ян-Сузи.

— Умер по дороге из больницы служащий в торгов. банях Нестерова кр. Семен Асеев.

— На спичечной фабрике Вороцсова и Логинова Аг. Мих. Спирюхина нанесла ножевые ранения Мих. Ив. Колмакову.

— При облаве задержаны 17 лиц, среди них Курбатов, Каменских, Емельяненко, Горелов.

— Из города выслано за последний месяц 125 лиц, задержанных при облавах.

— Совершена кража имущества у тюм. мещанина Г.В. Хоцкевича, проживающего за Тюменкой по Нагорной улице. Практически все украденное найдено возле дома тюм. мещ. Турунова по Кузнечной ул.

— В приказчичьем клубе в комнате для картежной игры (так называемой «детской») сукно на столе заменено плюшем.

— Городской голова А.И. Текутьев болен две недели. Исполняет его обязанности член управы Д.В. Назаров.

— Отчет по маскараду, состоявшемуся в приказчичьем клубе в пользу Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Тюмени. Подписали отчет товарищ председателя Н. Ковязин и член правления кассир общества И. Папин.

— Приказом по Тоб. полку объявляется, что по окончании молебна в Знаменской церкви по случаю тезо-

именитстаа Е.И.В. Государя Императора иазначается церкоаиый парад.

«Тобольск, 1 декабря...» // Там же. С. 4. — [От нашего корреспондента].

Цены на продукты.

«Сейчас у нас ярмарка в полном разгаре...» // **СГ. 1906. №15 (8 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

В Ялутороаске центральиая часть города сплошь застаалеиа — ярмарка. Кроме торгоацеа, в город иаехали и ноаобраицы.

Н.С. «Из Тобольска выехал в Финляндию...» // Там же.

Финский лингаист А.И. Каннисто пять с лишиим лет изучал аогульский язык а Березоаском и Туринском уездах. Г.А. Карьялайиен изучал остяцкий и уже опубликовал несколько очеркоа на фииском языке о жизни иа Сеаере.

С.В. Съезд заведующих переселенческими складами // Там же.

В Омске закончилась работа съезда, на котором шла речь об устранеиии многих иедостатков, а также ааедеиии измеиеиий а самой постаиоаке дела.

«К сообщенному нами факту протеста...» // Там же.

Протест протиа уаеличеиия государствеиной оброчной поаииности а Туринске будет рассмотрен а съезде крестьянских начальиикоа.

«Кр. Газ.». «Сельский писарь...» // Там же.

Сельский писарь Ф.И. Подгорбунский и маслодел С.Б. Семеиоа из д. Меиьшикоаой Кургаиского уезда задержиаают «Народную газету», адресоааннную не на их имя. Адресатам они пригрозили, что донесут старшине, что эта газета протиаопрааительствениая.

«Кр. Газ.». «Во время бывших здесь в ноябре...» // Там же.

Арестоаано до 18 челоаек за порубку леса иа заимке купцов Коидратьеаых а с. Былоаское близ ст. Мамлютка Сиб. ж. д. Дае жеищины арестоваиы за оскорблеиие пристааа.

У. Ст. Ламенский. («Кр. Газ.»). «Новый способ для арестов...» // Там же.

Предполагался массоаый арест (36 чел.) за порубку а казеиной даче леса. Все подлежащие аресту были аызваиы а аолостиое прааление с подаодами якобы для какой-то общественной работы...

«Кр. Газ.». «Из Курганск. у. Камышловской вол. Д. Сосновки...» // Там же.

Убиты два сборщика на построеиие молитвеииого дома каких-то сектантоа.

Хроника // Там же. С. 3.

— В приказчичьем клубе состоялся ситцеаый аечер. За отсутстаие ситцевых платьев посетителей штрафоаали. Был постаален аодеаиль Лисенко-Конич «Верочкин секрет».

— На осаящении ноаых казарм гоаорили Надероа, Заероа, К.В. Попов, Иляхинский и П. Андреев.

— В Тюмеиь прибыл генерал Папеигут.

— В Тобольске иазиачен съезд переселенческих чиноаиикоа Тобольско-Верхотурского райоиа.

— Гласные вновь избранной Тюмеиской городской Думы утаерждеиы губериатором.

— На Телеграфиой улице около гостиницы Зааадского раиеиы околоточиый надзиратель Остроаский и стражник Тугулокоа. Из иападааших задержаиы полицией три брата Шпильиикоаых и Степаи Иаашеа. Родионоа уехал а Ялутороаск.

— С постоялого двора Вяткииой по ограде дома Нечаеаа похищены дае лошади, прииадлежащие кр. Червишеа-

ской волости Якову Михвйловичу Черквсову.

— Из кожевенного завода В.А. Лещинского совершеиа кражв.

И.Г. На севере Тобольской губернии // **СГ. 1906. №16 (9 дек.).** С. 3.

Об экономической кабале рыбвкв перед торговцем, поставляющим все необходимые товары северянину.

Сибиряк. Взрыв бомбы// Там же. — [Корреспонденции].

В Туринской слободе в квартире бывшего тобольского архитектора Павловв произошел взрыв в пустой комнвте. Предполагают, что это месть за его попытки черносотенной деятельности.

Еремка. «Веществом, служившим...»// Там же.

Подробиости взрыва в квартире Павлова.

Тиховский А. «Для восстановления истины...» // Там же. — [Письма в редакцию].

Иcпектор иар. училищ отвечает на публикацию в №14 «Сибирского голоса». Ему непоиятио, почему крестьяне Гилева Липовской в., просившие пособие на завершение постройки министерского училища, упорио теперь от него отказываются в пользу церковной школы.

Хроника// Там же. С. 3.

— Около д. Букиной вблизи мельницы Текутьева будет строиться новое здаиие сельской лечебницы.

— Скоро в Тюмени приступят к постройке иового арестиого дома.

— В здании Ильиеской школы будет дан спектакль «Дедушка Обломов».

— В виином складе состоится спектакль «Тещу выкуривают».

— В Усть-Ницынской слободе окоичилась ярмарка.

— Отправлена в Россию партия новобранцев.

— Дело о пораиении О.Н. Островского и стрвжника переданы следователю I учвстка г-ну Коршунову.

— У туринского мещвнина П.Е. Тоболкина крестьяиином Мамаевым украдеио имущество, часть его продана через барахольщика Абрамова.

— Один из бычачьих лбов, похищенных с кожевенного заводв Лещинского, оказался у рвботникв Г. Бурдакова.

— У крестьяниина А.И. Рогожнив из ограды похищен скат колес.

— У крестьянина Н.С. Скобелевв украдено 20 руб. Подозрение заявлеио нв кр-на П.И. Бугвевв и П.Д. Мвльцеву.

— На 10-й версте Туринского трактв найден труп с признаквми нвсильственной смерти.

— Нв Мыс полицейским урядником називчеи городовой Московский.

Ласточка. «3 декабря в с. Шатровское...» //**СГ. 1906. №17 (10 дек.).** С. 3.— [Корреспонденции].

В с. Шатровское Ялуторовского у. состоялся волостной сход, который обсуждал вопрос о найме писаря на 1907 г. Служвщий в н.в. писарем И.П. Будаков просил сход прибввить ему жалованье.

Ласточка. «29 ноября...» // Там же.

В с. Шатровском обворовали пивиую лавку Поклевского-Козеллв. А у кр. Собинина похитили из печи прачечной белье.

Хроника // Там же. С. 3.

— Разрешеио распоряжением губернатора ежегодное открытие рождественской ярмарки в с. Тавдинском Тюм. у.

— Объявлены торги на поставку 9-му пехотному Тобольскому полку мяса и сала.

— Нанесшие ранения Остроаскому и стражнику переданы аоеино-окружному суду.

— Обращено анимание на безобразное состояние пешеходных спускоа по мосту за Тюменку и к речке.

— Протиа ноаых полкоаых казарм от лаакн мещаиина Ясона Василия похищена принадлежаашая ему лошадь.

— Горела сажа а трубе городского ломбарда.

— На городской скотобойне случился пожар.

— Околоточный надзиратель Лебедеа задержал 2 обыаателей из ночлежки Ащеулоаа и Токареаа, похитиаших с аоза кр. Лазареаа тулуп.

— Установлена личность убитого, труп которого обнаружен по Туринскому тракту. Им. оказался кр. с. Каменского Еаг. Конст. Насекин.

— За рекой соаершено нападение на челябинского мещаииа Н.В. Беляеаа. Нападаашие П. Тришин и И. Тимашеа.

— На базарной площади сахалинец Рудеико нанес Степанычеау 3 раны.

Текутьевский театр// Там же. — [Театр].

Постаноака «Горькой судьбины» А.Ф. Писемского. Играли Степаноа, Холмина (Лизааета), Треплеа (даорянин), Лаарецкий (бурмистр).

Недоставленные телеграммы // Там же. С.4. — [Справочный отдел]

Кристофороау.

О Тюменской железнодорожной библиотеке // **СГ. 1906. №18 (12 дек.).** С. 3.

История неоткрытой библиотеки началась еще а 1901 г.

Хроника Тобольска // Там же.

— Списки избирателей по г. Тобольску по аыборам а Гос. Думу отпечатаны «Тобольскими губернскими аедомостями».

— Станоаой пристаа Башкироа уходит со службы.

— У ученицы приходской школы нашли при обыске программу партии иарода.

— Амиистироаана ученица этой же школы Бороаская (ей асего 12 лет).

— Отпраалена небольшая партия уголоаных преступникоа. Среди них — политическая ссыльная Е. Кузьмина, высланная администратиано а г. Ялутороаск.

Хроника // Там же.

— Списки избирателей по г. Тюмени аозаращены тоб. губернатором. В списках не был указан ценз избирателей.

— В Тюмени состоялось ветеринарное соаещание с участием аетеринарного инспектора. Предмет совещания — мероприятия протиа сибирской язаы.

— В саязи с отъездом студента аетеринара г. Коржнеаского зааедующим скотобойнями приглашен аетер. арач Оболдуеа.

— Идет пьеса «Царь Федор Иоаннович» с г. Треплеаым а заглавной роли.

— Родионоа, нанесший околоточному и стражнику ранения, задержан а Ялутороаске и переаезен а г. Тюмень

— В копылоаских сараях у домоаладелицы П. Алексееаой похищены аещи на 160 руб.

— В Елисееаских юртах К. Сейматиноа и К.М. Мерзеаароа нанесли поранения Ант. Мух. Мугашоау и Нюру М. Мугашеау.

— В приказчичьем клубе состоится собрание местных любителей музыкального и драматического искусста.

— На Жабынском зааоде случился пожар.

— Приехал иа заседаиие Тюменской городской Думы аетеринарный инспектор г. Лемперт.

6 день. Воскресенье, 10 декабря // Там же. — [Бега и скачки].

Участвоввли лошади В.П. Буркова, П.В. Рычапова, Е.И. Корнилова, В.К. Горелова, Д.Г. Решетникова, Л.С. Колмакова, Н.Л. Гориславского, Н.А. Мягкова, П.А. Брюханова, Ф.М. Селяикина, Ф.А. Исвкова, С.Ф. Тиденв, С.А. Папкова, Е.Н. Духовских, Ф.С. Колмвковв.

«Никольская ярмарка...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

— Цены на продукты питвния в г. Ялуторовске с 25 ноября по 6 декабря.

Недоставленные телеграммы // Там же. — [Справочный отдел].

Петру Михееву; торговцу овсом.

Сибиряк. «На днях в селе Саникинском...» // **СГ. 1906. №19 (13 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

По ииициативе сельского старосты в Туринском уезде был произведен в квартире учительницы, которая не учила детей молиться богу, обыск.

Хроника // Там же. С. 3.

— За десять дней декабря в Тюменскую городскую больницу поступило 10 человек на излечение.

— Убытки от пожврв на городской скотобойне исчисляются в 300 рублей.

— 14 янввря в Тюмени можно будет иаблюдвть затмение солнца.

— Циркуляром тобольского губернатора запрещено внесение волостиых и сельских писарей в списки избирателей.

— Началась сессия окружного судв.

— Нотвриус Вольский, которому звпрещено Тоб. окр. судом производить нотариальные операции, засвидетельствовал иесколько расписок.

— У кр. С.П. Черняевв совершена кража иструмеитов из кузницы.

— С пост. двора д. Никитиных по 2-й Казачьей улице пропвло 5 хомутов.

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

— Поствлены «Дети солнца», пьесв М. Горького в 4 действиях. Роли исполняли Лидина (Лиза), Треплев (Протвсов), Холмина (Мелвнья), Лидии-Дубровский (Чепурной), Домбровская (Еленв), Гурьев (Нвзар), Степнов (Егор), Головвнов (Трошин), Слввина (няня), Комиссаржевский (художник Ввгин), Мельников.

— В местном винном складе состоялся спектвкль, водевиль Мясницкого «Тещу выкуривают». Исполнителями были рвбочие и служвщие склада: Яремииа (теща), Гусев, Рыбальченко, Попова, Ивановв. Г. Фридерикс прочел стихотворение.

Недоставленные телеграммы // Там же. С.4. — [Справочный отдел]

Зубову.

Декабристы в Ялуторовске // **СГ. 1906. №20 (14 дек.).** С. 2—3.

Упоминвние о доме откупщика Мясникова, который первый приютил у себя 8 человек декабристов.

Т. П—вичъ. «9 декабря бывшему депутату Государственной Думы...» // Там же. С. 3. — [Корреспонденции].

Звведующему складом земледельческих орудий Ялуторовского с.х. отдела Степану Яковлевичу Тумбусову вручснв повестке к следователю для дачи показаний по делу о Выборгском воззвании депутвтов Г.Д., которую подписвл и Тумбусов.

«Крестьяне д. Речкиной возбудили ходатайство...» // Там же.

В деревие Тюм. у. нв 60 дворов только 10 человек малогрвмотиые, остальные негрвмотиые. Крестьяне имеют своих сбережений до 200 руб. и просят правительство отпустить им

еще 500 руб. безвозвратно для строительства школы.

«В ночь с 7 на 8 декабря...» // Там же.

Убит 19-летний крестьянский сын Егора Константинова Насекина, проживающего в с. Каменское Тюменского уезда.

Т. П—вичъ. «Курганские «чисто русские люди», стоящие у руля...» // Там же.

Перед собранием городского общественного самоуправления объявляют о повестке. Например, о выдаче пособия поломойке. А сами рассматривают приходно-расходную смету на будущий год.

Хроника // Там же. С. 3.

— Мир. суд. 1 уч. М.С. Максин назначен председателем Тюменской уездной по выборам в Государственную Думу комиссии.

— Выездной сессии окружного суда за неделю предстоит разобрать 43 дела, среди них дело о поджоге мельницы Текутьева.

— На место ушедшего в отставку туринского исправника Чешко переведен ялуторовский исправник Разумовский, а на место последнего — помощник исправника Новосильцев.

— Пунктовой ветеринар в с. Моршихинском Кург. у. Задорнов переведен в с. Чернавское того же у., а на его место назначен из Голышмановского Ишим. у. г. Гудим-Левкович. В Голышманово приглашен окончивший Юрьевский ветер. институт г. Лесовой.

— Крестьянский начальник 2 уч. Тюменского у. г. Иляхинский произведен в коллежские асессоры.

— Получено распоряжение департамента полиции о том, что всех административных ссыльных, бежавших с мест поселения и вновь возвращенных в Тобольскую губернию, подвергнуть трехмесячному заключению.

— Две партии политических ссыльных из местной тюрьмы отправляются в Туринск и Тобольск.

— Ветеринарный инспектор Лемперт прибыл в Тюмень.

— Попытка ограбления д. Петухова по Монастырской улице.

— С мукомольной мельницы Д.С. Машарова похищен насос.

— В городской управе состоялись торги на места в «толкучем» ряду.

— На заводе Машарова в литейном цехе рабочему Курбатову сожжена чугуном левая нога.

— Не огорожены проруби на реке Туре.

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

Поставлена в бенефис Треплева пьеса А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Порядки в ветер.-фельдшерской школе // **СГ. 1906. №21 (15 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

Директор Тобольской школы Брехов совсем не отвечает требованиям, предъявляемым к руководителям специального учебного заведения. Ветеринарный инспектор Лемперт преподает пять предметов, хотя часто отлучается по губернии. Ветеринарная школа превратилась в музыкальный интернат.

Свинья, тарский пристав и политики // Там же.

Предпринимателей, находящихся в Таре в административной ссылке, заподозрили в попытке побега: те выехали в близлежащие села за покупкой сырья для колбасного завода.

Хроника // Там же. С. 3.

— Во время заседания временного отеления Тобольского окружного суда, на котором рассматривалось дело по обвинению Клишина и Рыбкина в кра-

же, последний обозвал судью «старой, седой, плешивой крысой».

— Уездиая по выборвм в Государственную Думу комиссия просматривалв в городской упрвве списки выборщиков.

— Врач сельской лечебницы Миловидов и фельдшерицв уехали в отпуск, попросив прислать ив время их отсутствия медсестру. Последняя появилась в лечебиице лишь через три месяца после возвращеиия к месту работы отпускников.

— Местный склад обществв потребителей служащих Перм. ж. д. страдает хронической невккуратностью по доставке припасов потребителям.

— О вечервх в приквзчичьем клубе с 26 декабря по 10 янввря.

— Товарищество Звпадио-Сибирского пвроходствв и торговли уволило 10 сторожей: с зимовки украден чуть ли ие весь инструмеит.

— Администрация Воткииского заводв в Тюмени отквзалвсь от присылки судовых рвбочих, т.к. имеется миого местиых безработиых.

— Рабочие пароходной фирмы товарищества выдвииули требование о повышеиии заработиой платы. Одии из компаньонов фирмы Игиатов пообещал это сделать по итогам года «при среднем заработке пароходов».

Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

В пьесе А.К. Толстого «Царь Федор Иовниович» были звияты Н.А. Треплев (царь), Лидина (кияжиа), Лаврецкий (Борис Годунов) с сестрой (царица Ирина), Славина.

«5-го декабря крестьянским начальником...» // **СГ. 1906. №22 (16 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

В с. Голышмвиово Ишимского у. созввиы предстввители от крестьяиских обществ для ознакомлеиия с рвсклвдкой оброчных платежей в 1907 г.

Т. П—вич. «Исполняющий обязанности курганского исправника...» // Там же.

И.о. исправиика Росляков приглашает в местный собор иа благодарствеиные молебны с помощью повесток, за которые приходится расписываться у полицейских чинов.

Т. Красногорский. «Знаменитый Тартарен из Тараскона...» // Там же.

Смотритель почтовой ствнции в с. Крвсногорское Ялуторовского у., опасвясь грвбителей, вменил в повиниость крестьяиам охраиять свою лввку и сопровождать перевозимую почту до ближайших ствнций.

Хроника // Там же. С. 3.

— Городская Думв рвссмотрелв вопрос о повышеиии жаловвиья служащим Тюменского городского банкв, установив иовые оклады жалованья.

Нв заседаиии городской Думы были звслушвны вопросы: о пивных лввквх; об оплате телефоиов в полиции; о плате за содержвние и лечение служащих и рабочих; о разрешеиии открыть постоялые дворы мещанке П.М. Раковой и отст. рядовому Толстогузову; о списаиии городских недоимок с рвзных лиц; об отквзе в пособии вдове городского городового Прокофьевой. Был звслушаи доклад о состоянии и обороте городских денежиых сумм зв июль—ноябрь, утверждеиа смета иа женскую гимивзию, решеи вопрос о временных звимствоваииях для городской казны, рассмотреио ходатайство служащих квнцелярии упрввы о выдаче пособия к праздиикам.

— На сельскохозяйствеииой выстввке в Ростове-иа-Доиу торговому дому Ядрышииковв и Шитоева за выстввленные изделия присужденв большая серебряиая медвль.

— Нагрвждеиы ордеивми пуиктовые ветеринариые врвчи Каргополов (Курган), Мастицкий (Ишим), ветериивриый иистіектор А.Я. Лемперт.

— Перенесеи райоииый съезд ветериивров в г. Тюмеии.

— Вольноопределяющийся инжеиер М.С. Селиввнов за курение без разрешеиия в присутствии начальника ивзиачеи «ие в очередь иа сегодия дневальиым».

— В Тычковке в доме Петухова «в кввртиру известиого хулигаиа И. Мудрецова рядовой 2 роты Тобольского Сиб. пехот. полка Ивви Шигии привел с собою кр. Г. Некрасова, которого и огрвбил».

М. Текутьевский театр // Там же. — [Театр].

О пьесе «Родина» Зудермвнв, в которой были заняты Холмииа (иежнвя дочь и иезввисимвя актриса), Лидии-Дубровский (полковиик, любящий свою дочь), Треплев (пвстор).

Немо. «В деревне Цепошниковой...» // **СГ. 1906. №23 (17 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

В Тугулымской волости решили построить школу, но эта звтея ие поиркавилась местному духовиому отцу.

«Сообщаем подробности...» // Там же.

Рассквз о личиости Пввловв из Туринскв, в квартире которого разорввлась бомба.

«В Тобольске...» // Там же.

По почииу епископа Тобольского и Сибирского Аитоиия открыт отдел всеиврводного русского слова. При «Тобольских епврхиальных ведомостях» издается «Школьиый листок».

Хроника // Там же. С. 3.

— В офицерском собрвнии Тобольского полка сделан первый доклад учвстииков русско-японской войны.

— Издвиия «Сведеиий о ветеринврио-саиитарном состояиии Тобольской губернии» плаиируется продолжить по 4 киижки в год.

— Нвчвлось первое рвйониое совещвиие ветеринаров под председательствоваиием В.Я. Лемперта.

— Безработицв в Тюменском отделеиии Воткииского завода — следствие отсутствия ассигноваиий.

— В Кошунской волости Туриискогo уездв крестьяие приняли решение о закрытии трех виииых магазииов.

— По слухвм А.С. Поляиский, комвидир 9 Тобол. Сибир. полка уезжвет в отпуск.

— Земсквя кввртирв в Тюмени существует только для чиновииков.

«9 декабря в общественном...» // **СГ. 1906. №24 (19 дек.).** С. 2. — [Корреспонденции].

В Тобольске произошел иицидеит: вернувшийся из ссылки адвоквт Вилькошевский в общественном собрвиии ие подал руку управляющему государствениым имуществом Фролову-Багрееву.

«Малая драматическая...» // Там же.

Труппа Щербакова, играющая в народной аудитории в Тобольске делает иебывалые сборы.

Независимый. «Кто был 8 декабря...» // Там же.

Разбирвлось дело по обвиіеиию бывшим мировым судьей Тарского у. (иыне Ялуторовского) Чуйковым крестьянского ивчальника Тодоровича в клевете. На заседаиии Муромцевского общества попечеиия об учащихся Тодорович огласил циркулировавший в селе слух, что жена Чуйкова избила при содействии последнего беремеииую жеищину.

Независимый. «Считаем не лишним...» // Там же.

О деятельности чайной в с. Омутинское Ялуторовского у. за последние два года: за это время преобладало утоление физического голода, но не духовного.

Хроника // Там же. С. 2–3.

— Городской голова приглашает вновь избранных гласных для принятия присяги.

— Состоялось собрание под председательством мещанского старосты В.И. Патрушева. Началось оно с заявления о вступлении в мещанское сословие (взнос в размере от 5 до 25 руб.). Разрешена выдача пособия Иванову.

— Состоялось заседание Тюменской городской Думы 14 декабря. Дума ассигновала расходы по составлению и опубликованию избирательных списков в Думу. Доложено ходатайство некоторых магометан об отмене торговли в христианские праздники. Рекомендованы в комиссию по выработке проекта обязательных постановлений о нормальном отдыхе торговых служащих А.И. Михалев, В.А. Копылов, И.Е. Рыбин. Управа предлагает краткую инструкцию, согласно которой врач является высшим распорядителем на бойне. Разрешено городскому банку открыть отделение в Ирбите. Разрешена аренда на 6 лет рыботорговцу А.И. Михалеву и П.А. Трофимову. Утверждены дни заседания Думы до конца года. Дополнены правила устройства теплушек при лавках. В связи с прекращением деятельности общества трезвости управа предлагает взять обратно переданные обществу дом на Спасской и чайную на базаре. Снизили пословную телеграфную оплату «при сношениях Сибири с Россией» до 5 коп. Согласились на прибавку жалованья низшим полицейским чинам.

— Ветеринарный инспектор А.Я. Лемперт от имени участников первого порайонного совещания послал телеграмму с признательностью за содействие тобольскому губернатору Н.Л. Гондатти. Тот ответил также телеграммой, отправленной на имя А.Я. Лемперта.

— В помещении начальника Иртышского участка состоялось совещание пароходовладельцев. Речь шла об увеличении количества времени дежурства на существующих по рр. Туре, Тоболу, Иртышу и Оби телеграфных станциях и об устройстве новых, крайне нужных для развития судоходства, в Березове, Обдорске, Надыме и Сургуте.

— В приказчичьем клубе г. Бейгул обозвал г. Тихова «дрянью», а последний потребовал удалить хулигана из собрания.

— Спектакль в пользу недостаточных учениц гимназии дал сбор 800 руб., а чистый доход — 260 руб.

— В магазине братьев Агафуровых корреспонденция служащих, адресованная в магазин, передается на руки через контору.

— На зимовке Иртышского участка рабочему Макарову не сохранили заработную плату, не выплатили пособие на лечение. Когда он выздоровел — его место оказалось занято.

— Командир 9 Тоб. Сиб. полка полковник Полянский выехал в отпуск в Европейскую Россию. Обязанности его возложены на подполковника Шелавина.

— На фабрике Ворожцова и Логинова (за рекой Турой) из трубы летят большие искры.

— В «сараях» в д. кр. Шушканова двое солдат охотничьей команды 9 пехотного Сибирского Тольского полка учинили пьянство и ссору. Явившемуся мирить соседу Григорию Кочеву солдат Могаш нанес поранение головы шашкой.

— Украдена лошадь у кр. П. Серегина.

— От магазина Марьянова на Царской уведена лошадь Котовщикова.

«Осетр продавался...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

— Цены в Тобольске на продукты питания на 15 декабря.

«Мясо скотское..» // Там же.
— Цены на 9 декабря в с. Муромцево Тврского у.

Цены на лесные материалы на Тобольском казенном лесном складе // Там же.
— Цены на круглый лес.

Недоставленная телеграмма // Там же. — [Справочный отдел].
Алексвндру Решетникову.

Совещание ветеринарных врачей и фельдшеров // **СГ. 1906. №25 (20 дек.).** С. 2—3.
Звкончилось первое районное совещание ветеринврных врачей и фельдшеров Тюменского и Ялуторовского уездов. Ветеринарный инспектор А.Я. Лемперт наметил пути для дальнейшей ветеринарной работы.

Хроника // Там же. С. 3.
— Городсквя Дума. Сметв нв 1907 г. При составлении сметы управа не предусмотрела уплату долгов: А.В. Колмакову, на укрепление берегов Туры позади бр. Шуваловых, Текутьеву зв лесопилку (12605 руб.), жвлованье с 1899 г. (18907 руб. 91 коп.) и др. Рассмотрели звявление смотрителя больницы Витко о прибввке жалованья.
— Ветеринврный врач Лев Свмсонович Сумцов возвращается из административной ссылки в Нарымском крве в Тюмень.
— В Тюменском отделе Воткинского звода началось увольнение рабочих.
— В лавке Крысовв нв Серебряковской улице было куплено ведро квасу, в котором покупатель обнаружил 35 твраканов.

Селиверстов Степан. Письмо в редакцию // Там же.
Ответ директора-распорядителя првввления Товврищества Западно-Сибирского пароходства и торговли нв сообщение в №21 об увольнении сторожей и обещвнии повышения зарплвты рабочим.

«Г. Тобольск. Рыбн. рынок...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].
Цены на продукты.

Недоставленная телеграмма // Там же. — [Справочный отдел].
Антону Черноусскому.

«Городская Дума по докладу финансовой комиссии...» // **СГ. 1906. №26 (21 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].
Тобольская городская Дума постановила просить всех жителей через гласных Думы давать советы относительно улучшения благоустройствв города.

«17 дек. в редакцию «Крестьянской газеты»...» // Там же.
За неправильное толкование действий правительствв и рвспространение ложных слухов, поселяющих тревогу (п. в и і временных правил для повременных изданий, изданных 26 ноября 1905 г.), №10 ялуторовской «Крестьянской газеты» полицией конфискован. Редактор К.С. Колмаков привлечен к судебной ответственности (арест не свыше 3 мес. или штрвф до 300 руб.).

И.Т. «Недавно у нас отличился ефрейтор...» // Там же.
Встретив нв улице человека, «читающего книжку политического содержания», ефрейтор «повлек провинившегося по начальству».

Совещание ветеринарных врачей и фельдшеров // Там же. — [Хроника].
О ходе первого районного совещания ветеринарных врвчей и фельд-

шероа Тюменского н Ялуторовского уездов.

Хроника // Там же. С. 3.

— В городской упрвве домовладельцам выдааались листы с новой оценкой нх нмуществв.

— В с. Липчннском планнруется проведенне съезда духовенства Тюменского уезда для чествовання 25-летня саященнослуження о. П. Платонова.

S. Бенефис г-жи Лидиной // Там же. — [Театр].

В трагеднн Сумбвтовв «Изменв» роль цврнцы Тамвры нсполняла г-жа Холмнна.

«Список недоставленных телеграмм...» // Там же. С. 4. — [Справочный отдел].

Нечвевой, Бурову.

«Выборы крестьян своих уполномоченных...» //**СГ. 1906. №27 (22 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

У судебного прнставв 2 станв Тобольского уезда назначены торгн: сборы подвтей н недонмок проводятся компанней.

Хроника г. Тобольска // Там же.

— У полнтического ссыльного артнста г. Шульгн был пронзведен обыск.

— Распространяют слух, что перед выборамн в Государственную Думу будут арестоввны и высланы свыше 150 местных жителей.

— В день годовщнны декабрьского восствння к могнлам декабрнстов был прнствален «почетный караул» из стражннка н жандарма.

— Большннство служвщнх в переселенческой оргвнизацнн Тобольско-Верхотурского района не состоят а спнсквх нзбнрателей по ыборам в Гос. Думу.

— Член окружного суда г. Котов назначен председвтелем уездной комнссин по выборвм в Гос. Думу, губернской комнссни — член судв г. Витвкевич.

— В базарные днн между мучным н рыбным рынкамн пронсходнт кврточная нгра, во время которой очищают кврманы доверчивых крестьян.

Еремка. «14 декабря в Туринском городском...» // Там же.

Очередная годовщнна учнлнща в г. Турннском отмечвется менее торжественно: болен главный благотворнтель н стронтель С.А. Чнрков.

«Ур. Ж.». «В скором времени предстоят новые выборы...» // Там же.

На первых выборах уполномоченных в уездное нзбирвтельное собрвнне сходом с. Омутннское Ялуторовского у. нзбрвны двое звжнточных крестьян.

Ветеринарный врач. «Не откажите поместить...» // Там же. — [Письма в редакцию].

О ветерннарно-фельдшерской школе в Тобольске.

Мягчилович-Вольский. «На днях у знакомых я прочитал...» // Там же.

В ответ на нниформацию а газете «Снбнрский голос», №19, нотарнус сообщает, что его контора всегда функцнонировала правнльно н беспрерыано. В послесловнн от редакцнн говорится, что в гвзету вкралвсь неточность.

Хроника // Там же. С. 3.

— Тобольскнй окружной суд устрвннл от должности тюменского нотарнуса Мягчнловнчв-Вольского н поручнл мнровому судье г. Мвевскому прнннять от него печать, кннгн, реестр н документы. Но нотарнус не выполннл требованне мнрового судьн.

— В уездную по делам о выборах в Гос. Думу комиссию не поступило ни одной жалобы.

— В городской управе состоялось собрание вновь избранных гласных. После присяги Н.И. Давыдовский и В.П. Бурков отказались от предложения быть председательствующим в Думе лицом. Это место по итогам выборов занял И.О. Антонов.

— Был избит рабочий завода Кругляшева Степанов за отказ выдать «кленку» (угощение при приеме на работу).

— Рабочие товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли запротестовали против решения машиниста о необходимости кочегару постоянно жить на зимовке.

— В казарме 9-го Сиб. Тобольского полка будет устроена елка.

— Из лавки Чукомина на хлебной базарной площади похищен кожевенный товар.

— На зимовке Плотникова загорелся угольник.

«Село Тугулымское. Базар 13 декабря...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

Цены на продукты.

«Список недоставленных телеграмм...» // Там же. — [Справочный отдел].

Гордочеву.

Совещание ветеринарных врачей и фельдшеров // **СГ. 1906. №28 (23 дек.).** С. 3. — [Хроника].

О ходе первого районного совещания ветеринарных врачей и фельдшеров Тюменского и Ялуторовского уездов.

Сообщаем некоторые подробности... // Там же. — [Корреспонденции].

В доме Павлова из Туринской слободы, занимающегося патриотической деятельностью, произошел взрыв.

«Пр. кр.». «В нашей волости свирепствует эпидемия...» // Там же.

Сообщают из с. Омутинское Ялуторовского у., что в д. Б. Краснояре свирепствует эпидемия брюшного тифа.

Леонов И.В. «Прошу не отказать поместить в газете...» // Там же. — [Письма в редакцию].

Служащую типографии «Сибирской торговой газеты» Антонину Данилову побил наборщик. Владелец типографии г. Крылов прокомментировал факт: «У нас нужно бить, иначе они не будут слушаться».

Хроника // Там же. С. 3.

— Следующий номер выйдет в 1-й день Рождества.

— В с. Успенском [Кармак] на волостном сходе выбраны уполномоченные. Это торгующие крестьяне А.А. Пушников и Н.И. Кузнечевский.

— Губернский агроном обратился к председателю общества пчеловодства г. Хавели об открытии курсов пчеловодства при тюменском обществе.

— Околоточному надзирателю и стражнику, получившим ранения, выдано пособие на лечение.

— Нотариус Мягчилович-Вольский привлечен к следствию за покушение на изнасилование.

— Учащиеся реального училища пожертвовали 20 руб. для пострадавших от неурожая.

— В офицерском собрании 6-го пехотного Сибирского Тобольского пехотного полка назначены вечера с елкой.

— В Ишимской улице в доме Кичякова в квартире Воробьевой похищены вещи

— У домовладельца С.И. Иванова, проживающего в сараях, похищено

имущество. Обвиняются С. Проданов и В. Крестьянинов.

— В кожевенной мастерской Алмасова по 1-й Заозерной ул. загорелась сажа.

— В театре г. Рычапов, будучи пьяным, жестоко избил своего кучера Шишкина.

— Помещен отчет по устройству спектакля в театре А.И. Текутьева в пользу недостающих учениц Тюменской женской гимназии. Получено и передано г-же начальнице гимназии 563 руб. 50 коп. Распорядительницами были Е.И. Решетникова и А.Я. Памфилова.

«Список недоставленных телеграмм...» // Там же. С. 4. — [Справочный отдел].

Альперовичу, Моховой Подаруевская.

Независимый. «Жизнь села течет ровно...» // **СГ. 1906. №29 (25 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

Писарь и местный батюшка из с. Омутинское Ялуторовского у. получают сведения о политической жизни из местных «Губернских ведомостей», что явно недостаточно, чтоб объяснить мужикам о происходящих событиях.

Избиратель. Приближаются выборы в Государственную Думу... // Там же.

Право участвовать в выборах на верхотурском и алапаевском съездах имеют 4283 чел.

Хроника // Там же. С. 3.

— Тюменским уездным исправником отданы приказы полицейским приставам: обязать жителей исправить дорогу и тротуары.

— Штату полиции выдано вознаграждение к празднику.

— По распоряжению врем. генер.-губ. из Тюмени выслано 20 подозрительных лиц: кража лошадей пока прекратилась.

— У пожарного депо куча горящих углей.

— Служащим городской управы выдано пособие к празднику в размере половинного оклада месячного жалованья.

— Городская управа усиленно скупает на рынке дрова, что способствует повышению цены.

— Сообщение о выходе в свет «Сибирских вопросов», №4. Среди публикаций письмо из Тобольска В. Костюрина «Неудачный опыт правительственных кандидатов».

«Список недоставленных телеграмм...» // Там же. С. 4. — [Справочный отдел].

Альперовичу, Моховой Подаруевская, Юрьеву.

Есть прибавление к №29. Это — «Телеграммы «Сибирского голоса». В нем размещена поправка (С. 2) к информационному сообщению

Четвергъ. 28-го декабря 1906 г.

ТЕЛЕГРАММЫ
„СИБИРСКАГО ГОЛОСА"
ПРИБАВЛЕНIЕ КЪ № 29.

25 декабря 1906 года №. 29.

„СИБИРСКІЙ ГОЛОСЪ".

ГОЛОДНЫЕ.

СВЯТОЙ ВЕЧЕРЪ.

о г-не Мягчиловиче-Вольском. Оказывается, он привлечен к следствию в качестве обвиняемого по делу о покушении на убийство.

В подшивке, хранящейся в ТГИАМЗ, есть еще один №29. По содержанию он претендует, скорее, на литературное приложение. И логотип, и формат газеты — совсем иные.

Формат 290х445 (книжная ориентация).

Гальский З. Исторический город // **СГ. 1906. №29 (25 дек.).** С. 2—3.

О Ялуторовске прошлого времени: декабристы, партия «Народной воли», революционерка Ольга Любатович.

К делам приказчиков // **СГ. 1906. №30 (29 дек.).** С. 2.

Выборы представителей от приказчиков в так называемую смешанную комиссию показали полное незнание приказчиками нового закона о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях (СГ. 1906. №10 (1 дек.). С. 2; СГ. 1906. №20 (14 дек.). С. 2)

«В средине декабря в камере...» // Там же. С. 2—3. — [Корреспонденции].

О самовольных отлучках из Ялуторовска политических ссыльных. Арестован политический поднадзорный Терентьев.

Nemo. «21 декабря Тугулымским волостным сходом...» // Там же.

Тугулымским волостным сходом избраны уполномоченные от волости для участия в выборах в Государственную Думу два «лавочника» Федор Герасимов Кириков и Аввакум Алексеев Поспелов. Выборщики еще подавали голоса за Аксентия Степановича Морондина, жителя деревни Юшковой.

«22 сего декабря в 8 часов вечера...» // Там же.

В селе Богандинском пересыльный Демидов сбежал. Конвоир Иван Емельянов убил наповал бежавшего.

Омич. «Около трех месяцев...» // Там же.

Поднят вопрос об устройстве приказчичьего клуба в Тюкалинске.

А. Танин. Недавно в наши места ... // Там же.

В с. Большую Балду Червиш. аол. прибыл во аноаь открытое одиоклассное училище учитель, так сказать, «крамольник».

«В наше сообщение...» // Там же. С. 3.

Поправка к информационному сообщенню о г-не Мягчилоаиче-Вольском. Оказыаается, он приалечеи к следстаню в качестае обаииявмого по делу о покушении на убийстао.

Хроника // Там же. С. 3.

— Состоялись аыборы 3 членоа от приказчикоа а смешанную комиссию на осноаании закоиа от 15 ноября 1906 г. Число собравшихся к концу собрания достигло 73 чел. Председателем собрания был Дементьеа, секретарем Папин. На собрании присутствовал аладелец магазина Рыбнн, что аызаало гнеа у присутстаующих. Набраашие наибольшее количестао голосов Платонов и Титов отказались, мотиаируя, что участие а комнссии бесполезно. Плешиаых, Ноаоселоа и Дуброаин также сияли саои кандидатуры. Остались в списках Деев — 36 гол., Сеарюхнн — 17 гол., Файзулии — 15, Шмакин — 8 гол.

— О письме, которое шло почтой из Ялуторовска а Тюмень 11 дней аместо 9 часоа.

— На собрании Тюмеиской городской Думы иазначены к слушанию следующие дела: иазначение содержания аыборным должностным лицам; избрание городского голоаы на очередной срок (1907—1911); нзбрание на четырехлетие праалення Тюмеиского городского общестаенного банка.

— О попытке мошенничестаа. А.И. Текутьеаа пытаются обмануть. Арестован сын старшего ж.д. телеграфиста Ник. Иааноаский.

— За 14 дней декабря а больницу поступнло на излечение 14 человек.

— Нанесены резаные раны Иаану Редькину, Павлом Гагариным Николаю Негодяеау, Степану Перевозчикову, Иаану Батрошину, колотая рана Венеднкту Парфеноау.

— За железной дорогой обнаружен труп неизвестного мужчнны со следами насильстаенной смерти и 10 руб. а кармане.

— Обнаружен окоченелый труп неизаестного мужчины 35 лет.

— Скоропостижно скончался кр. Иван Шалагин от излишнего употребления аииа.

— Скоропостижно скончалась Пелагея Королеаа.

— В Ноаой Слободке около Загородного моста поднят труп неизвестного мужчнны.

— На 1-й Заозерной улице загорелся большой сеноаал, принадлежащий Щеглоау.

— Из двора Сапожниковой по Томской улице похищена лошадь, прнналлежащая Макоау.

— По 1-й Острожной улнце от дома №15 похищена лошадь, остааленная бухарцем Калиной Агатоаым.

— При содейстаии околоточного надзирателя Березкина иайдена лошадь.

«Началась Никольская ярмарка...» // Там же. С. 4. — [Коммерческий отдел].

Цены на продукты а с. Емуртлннском на 20 декабря.

«Тюменская городская Дума...» // **СГ. 1906. №31 (30 дек.).** С. 1.

Прааила по произаодстау аыбороа а Государстаеиную Думу.

С.Б. Последнее слово «Омскому листку» // Там же. С. 3. — [Корреспонденции].

Прекращено издание по нннциатиае издателя перед аыборами в Государстаенную Думу.

Земляк. «21 декабря происходили у нас на волостном сходе...» // Там же.

На выборах выборщиков в с. Исетское Ялутор. у. для участия в уездном избирательном съезде по выборам в Государственную Думу избраны И.В. Розов, торговец из с. Исетское и скупщик хлеба из с. Пастухова Сидоров.

«Выборы в уполномоченные от волостей...» // Там же.

Выборы в уполномоченные от волостей для участия в выборах в Гос. Думу прошли в Туринской слободе Тур. у. вяло. Избраны крупный лесопромышленник Коржавин и зажиточный крестьянин Горин, неграмотный.

«В мае месяце, в заговенье на Петровский пост...» // Там же.

В селе Упоровское Ялут. уезда сотские притащили крестьянина Чирятьева в волость, избили его и посадили на цепь. Дело поручено крестьянскому начальнику Песчанскому.

Мужик. «21 декабря у нас на волостном сходе...» // Там же.

О выборах выборщиков с. Сазоновское Тюменского уезда от волости на уездное собрание для выбора представителей в Государственную Думу.

Хроника // Там же. С. 3.

— 29 декабря на заседании городской Думы назначено жалованье городскому голове 3000 руб., заступающему место городского головы 1200 руб. Городским головой избран А.И. Текутьев, его заместителем В.А. Копылов, членами М.А. Кругляшов, П.К. Кудряшов и А.П. Шитоев. Директором городского банка избран Дм. Г. Решетников, кандидатом Ос. Ив. Решетников, товарищем директора (он же кассир) Д.В. Назаров и Л.С. Лаврентьев.

— На 20 января назначены выборы выборщиков от Тюмени в губернский избирательный съезд по выборам в Государственную Думу.

— Слухи о желании губернатора Н.Л. Гондатти получить продолжительный отпуск и выехать за пределы губернии, передав управление ею вице-губернатору Тройницкому, неосновательны.

— В Тобольске после трех обысков арестован А.И. Степанов и выслан в Сургутский у. Бронниковская волость прочила его в выборщики.

— В здании Архангельской школы на средства попечителей С.Н. Васильевой и А.П. Шитоева устроена елка.

— 2 января в здании сиропитательного заведения состоится елка.

— Мировой судья г. Маевский в третий раз предложил нотариусу Мягчиловичу-Вольскому сдать делопроизводство.

— В.П. Бурков с женой 31 декабря по делам выезжает в Пермь.

— Загорелись строения тюменской мещанки Андреевой по ул. Ишимской, д. 9.

Тюменский хлебный рынок // Там же. — [Коммерческий отдел].

Цены на хлебопродукты на привозе на 28-29 декабря.

№ 32 имеет только 2 стр.

Друг. «В камере мирового судьи...» // **СГ. 1906. №32 (31 дек.).** С. 3. — [Корреспонденции].

«Общепринято в наших местах, что отопление, освещение и сторож выдаются школе натурой». Отсюда в отношениях между крестьянами и учителями частые унизительные недоразумения. Учительница д. Иевлево (с. Покровское) пожаловалась на сторожа сельской школы, который неоднократно вламывался в ее помещение.

Николаев. «В редактируемой вами газете...» // Там же. — [Письмо в редакцию].

Полковник Николаев из г. Ялуторовска излвгает свою версию происшедшего с ефрейтором, которому в доме Буракова предложили почитать книгу политического содержания.

Хроника // Там же. С. 3.

— В смешвнную комиссию по издвнию обязательных постановлений о работе ремесленников от Думы избрвны П.И. Никольский, В.П. Бурков и И.О. Антонов.

— Шестеро вооруженных людей ворвались в магвзин Аверкиевв на бвзарной площади, ранили кассирв, звбрали выручку и скрылись.

— В здвнии Ильинской школы любителями дрвматического искусствв был дан спектвкль по пьесе кн. Волконского «Дядюшка Обломов».

— В казенном винном складе для детей служвщих и рабочих склвда «предполагается устройство елки».

— В городской пожарной команде для детей пожарных будет устроена елка.

— В прикввчичьем клубе — мвскарад. Обрвщалв на себя внимвние маска «истинно-русския свинья» черного цвета и идиотского видв.

— Ранен в голову кр. Илья Полыянов.

— С каланчи был звмечен огонь за Турой, но тревога оказалась ложной.

— Нв Ярмарочной площади в доме Хохрякова загорелись потолок и пол в пеквене.

Окончание в следующем номере.

*По Туре, Тоболу и Исети**

*Из путевых записок***

Наступило 12 число августа и ясный, тихий солнечный день. Прежде чем отправиться, я поднялся на берег, чтобы посмотреть, не видно ли впереди деревни. Но кругом была такая заросль смешанного леса, что нужно было пройти несколько сот сажен, чтобы выбраться на луга и осмотреться по сторонам. И я отправился туда по грудь в замечательно душистой траве, которая буквально связывала ноги. На опушке леса метнулся в сторону заяц, где-то в кустах затрещала белая куропать, и я, выйдя на покос луга сразу после этой чащи и леса, очутился на такой красивой выкошенной лужайке, что по крайней мере на две версты было кругом все видно, как на ладони. Вдали под лучами солнца блеснула литовка; слышался лязг, как ее точат, и явственно доносятся в свежем воздухе до слуха голоса людей и лязг литовок, которыми косят. От лугов поднимался аромат трав, всюду видны были копны, всюду блестели после росы трава и лес, но лучше всех было солнышко, ясное солнышко, которое прыгало, поднимаясь над лугами и золотя каждую травку и скошенный, еще не повядший цветок.

Не хотелось даже уходить с этого луга, но пора на катер, слышен шум выпускаемых лишних паров, и я тороплюсь туда, чтобы снова ехать дальше по Тоболу.

И вот мы снова едем по Тоболу, снова пологие повороты широкой глубокой реки, снова стада уток и бегающие по берегу кулики, снова рощицы осин и тополей и плес за плесом со всей своей прелестью вида при только что поднявшемся солнце, со всем своим ароматом трав, который подняли теплые лучи в воздухе, остаются одно за другим, открывая новые и новые картины.

Вот что-то похожее на жительство человека: пара лодок на берегу реки, по берегу развешена рыболовная сеть, висят на кольях фитили для рыбы, и торная дорожка прямо ведет в густые ивовые кусты, которые совсем закрывают берег. Сквозь них вид-

---

* *Печатается по*: Урал. 1898. №№510, 512, 540, 550; 1899. №№622, 624, 626.
** *Продолжение*. Начало см.: Лукич. 2002. №1.

на крыша какого-то дома, вероятно, рыбак, маленькая заимочка рыбака, но ближе оказывается целый дом с хозяйственными постройками, и мы видим, как на высоком крыльце, затворенном крыльце, стоят куры во главе с красным красивым петухом, ожидая, когда встанет хозяйка. Мы даем свисток, и на берег выходит с лошадью татарин.

Видимо, это новый, начинающийся поселок — заимка, куда привлечен человек обилием рыбы и угодьями, которые мало еще знают рук человека.

Действительно, кругом еще пустыня, берега нетронуты, всюду лес, всюду нескошенные, никому ненужные травы, изредка попадающиеся поля кажутся как лоскуты среди пустынной еще страны, и всюду столько земли, столько угодьев, что можно смело поместить не одну деревню по этим берегам и плесам.

Скоро село Ивановское, вдали уже видны поскотины, выгон, редеет лес, чаще и чаще встречаются обработанное поле, скошенный луг, по лугам уже сотни копен, по полям — сотни суслонов и куч, и на берег вышла торная дорожка, и мы видим, как по ней потянулся народ на поля с серпами и литовками на работу. Пустыня кончилась, снова начинается живой край, и в полдень мы пристаем к пристани села и даем продолжительный свисток, чтобы взять запас топлива.

У самого села мель — результат запоров. Теперь подобное явление уже стало для нас обычным: как селение — мы ждем уже затруднений, как пустоплесье — идем спокойно, не встречая мелей или только порой натыкаясь на них, случайно пропустив фарватер или набежав на какой-нибудь береговой «завалок», когда нас обманывает своим видом река.

Но мель мы проходим, держась правого берега. Причаливаем. Выходим на берег и в версте расстояния видим небольшое село с красивым, свеженьким деревянным храмом посредине, который так и блестит на солнце, только что недавно выкрашенный вместе со своей оградкой.

Село оказывается по тракту, с веселыми хорошими домиками, у храма — дом для священника, подальше — двухэтажный дом торговца, дальше видны еще другие подобные домики и лавочки, и мы заходим в одну из них, чтобы купить матросам табаку и калачей. Лавочка чистенькая, полна деревенского товара: тут и хомуты, и топор, и кнутики, тут и чай, и калачи, и пряники, тут и вилы, серпы и литовки, тут и шкуры лисиц, которых принес местный охотник, и целая связка ремней, рядом с чаем и пряностями, нисколько не стесняясь присутствием керосина и дегтя. Обычная картина таких деревенских лавочек вместе с довольной физиономией продавщицы, которая, видимо, не марает уже полные ручки тяжелой работой.

Недалеко питейное заведение каких-то братьев виноторговцев, и так как оно закрыто по случаю, вероятно, страды, то на крыльце его мирно посыпает пьяненький мужичок, вероятно, дожидаясь, когда отворится этот кабачок, отживающий перед винной монополией казны последние дни в этом деревенском крае.

Такой кабачок теперь уже не редкость в России, и я останавливаюсь и любуюсь им, насматриваясь, быть может, в последний раз на это чудное учреждение деревни.

В этом селе тоже наполовину живут зыряне, храм построен их иждивением, это богомольный народ, устроен красиво, по хорошенькому плану и обнесен такой оградкой, раскрашенной и с такими воротцами, что может сделать честь любому и более богатому, обширному населенному селу. Видимо, мастера свои и из хорошего леса могут сделать так, что залюбуется сам архитектор.

Но в самом селе сегодня пусто, изредка выглянет где человек, и мы, не найдя и здесь хозяина дров, отправились на берег, решив выдать первому попавшемуся мужику или бабе квитанцию в том, что взяли столько-то дров. Действительно, на берегу мы встретили зырянина, выбрали лучшие дрова и заставили его нам напилить мелких дров для катера, сами отправившись пройтись в поля и луга.

Сегодня по небу ходят тучки, погода начинает пугать дождем и ненастьем, и народ весь на полях и торопится убраться с хлебом, который еще стоит наполовину не сжатый.

Здесь поля уже глядят полным хозяйством: кроме пшеницы, ржи, овса, который занимает главную роль, видны полосы рослого конопля и картофеля, тут сложен в громадную кучу зеленый горох, там сжато просо и гречиха, по мочажинке разостлан женщинами белый лен, и по полям всюду видно столько суслонов, куч, что сразу видно, что мы уже достигли тех земель, той полосы Ялуторовского округа, который уже два столетия славится своим хлебопашеством и сельским хозяйством.

Действительно, леса уже остались к северу, теперь всюду видна картина той полосы, которая может назваться переходной от лесов к степным пространствам, где тучный чернозем с глиной дает человеку, поселенцу главное занятие и обеспечивает его богато хлебом. Новая, нетронутая, страна, масса, избыток земли, свободный труд здесь сделали уже свое дело, и вид полей и села ясно говорит без всяких статистических данных, что здесь процветает крестьянство при помощи только одной земли, которая дает ему и избыток хлеба для продажи его на заводы Урала, и избыток других продуктов, которые позволяют ему, не уходя на отхожие промыслы целую зиму и весну заниматься дома кустарным производством.

Из последнего здесь есть несколько таких, которые давно уже зарекомендовали этот округ особенной славой. В ряду его здесь стоит выделка холстов, которых один этот округ, исключая того, что потребляется на свои потребности, продает на своих ярмарках до полутора миллионов аршин на сумму более 100000 рублей. Это производство здесь развито сильно, глинистые земли дают прекрасную почву для льна, и есть льняные холсты, которые, не редкость здесь, продаются по 25 коп. за аршин, отличаясь своей тонкостью и чистотой отделки. Ялуторовские холсты известны даже далеко в Сибири: их знают и на Амуре, и в Туркестане, и на Ирбитской ярмарке, откуда они уходят на Урал, и на севере Тобольской губернии.

В то время, когда женщины исключительно занимаются изделиями из шерсти, конопля и льна, делая холсты, деревенские сукна и пр., мужчины все свое свободное время занимаются выделкой ободьев, колес, телег, деревянной посуды, поделками для разных сельских орудий, беря материал из такого прекрасного леса, как осохорь и береза, и сосна, и продавая все это на местных ярмарках для вывоза дальше в Сибирь.

Этот кустарный промысел здесь развит, как нигде, и изделия из дерева: посуда, телеги, ободья — тысячами расходятся не только на Урале, но даже сплавляются по Тоболу, Иртышу и Оби в Центральную Сибирь.

Это обилие такого производства — вероятный результат того, что выселенный сюда в половине прошлого столетия народ из Европейской России, попавши на нетронутые, пустынные места, должен был сам делать все предметы своего обихода, что вслед за развитием такого уменья, такой способности уже сделало его, в силу соседства с татарами и новыми пришельцами в Сибирь, главным мастером и поставщиком на громадное кругом пространство.

Факт, который, вероятно, повторяется не в одном месте Сибири, куда попадает трудолюбивый русский народ, являющийся в эту пустынную страну не только жителем, хлебопашцем, но и проводником кустарного промысла Центральной России.

Это несомненно. Местные ярмарки, которые здесь развиты и часты, обыкновенны для каждого мало-мальски порядочного села, помогли этому кустарному производству, потребность Сибири развила его, и вот перед вами слава этого округа в данном смысле.

С удовольствием прогулявшись по полям и насмотревшись вдоволь на работу жителей, в 4 часа дня я снова был у дровяной пристани этого села, и вот мы снова в пути.

Три часа идем прекрасно; река спокойна и глубока, но у конца выгона мель. Но мы находим в ней борозду, достаточную для прохода парохода, и снова на

свободе. Это незначительная мель, с глубиной в $4^1/_2$ четверти.

Вечер. Тучки делают раньше темноту, чем можно было полагать, и мы, застигнутые ею, снова останавливаемся на ночевку на берегу пустынной реки.

Но на этот раз мы были менее счастливы, чем вчерашнюю ночь: еще с вечера поднялся сильный ветер, нагнал тучи, пошел дождь, пришлось пить чай на катере и ужинать под брезентом; всю ночь лил дождь, мелькала молния, раскатывался в отдалении гром, и утром нас встретил такой густой туман, что, как говорят моряки, «режь его ножом».

* * *

13 число августа. Еще сутки и — день Успения, в который хочется добраться до г. Ялуторовска. Наше путешествие благодаря частым остановкам на мелях по непромерной, неисследованной реке, без знаков, видимо, затягивается, и сегодня мы отправляемся в 7 часов, не дожидаясь времени, когда разойдется туман.

Свежо, серенький северный день. Тихо. Словно мы где далеко на севере. Лист на иве уже начинает желтеть, трава уже подхвачена туманом и завяла, и пахнет приближением той осени, которая не особенно радостна в таком пути, как наш.

Через три часа в стороне видна мечеть. Скоро показался голый выбитый выгон; недалеко идет тракт, протянувшись по безжизненным громадным ровным лугам, кой-где попадается роща тополя, кой-где стадо скота, но человека почти не видно, потому что он весь на полях, убирается с жатвой. И на реке только одна жизнь: метнется где изредка рыба, поднимется стадо чирков, зазвенит вспуганный кулик или перелетит с берега на берег стадо белых куропаток, чтобы на несколько секунд показаться над рекой с распростертыми дрожащими крыльями и потом с треском, криком скрыться в ближайшие кусты ивняка и разбежаться там в виду человека.

Теперь пошли сплошь татарские селения — так называемые юрты. На всем видимом пространстве вдоль реки видны селения и мечети, высокие старые мечети с острыми колоколенками с изображением луны. Но все они в стороне от реки, так как берега ее здесь низменны и заливаются в высокие воды.

С тех пор как мы въехали в татарские земли, мы снова начинаем встречать чаще и чаще рыболовов: там развешены сети на просушку, тут фитили, которые ставят вдоль берега у запоров, и река, благодаря такому развитому рыболовству с примитивными запорами из кольев, решительно у каждого селения обязательно загромождена мелями, где она сразу разливается в широкое русло, где она сразу начинает разбиваться по сторонам на протоки и из года в год образовывает мели и острова, которые только большим разливом унич-

тожаются на время, делая ее судоходной. Здесь сразу несколько мелей: у парома, у начала выгона и потом против каждых юрт, которые лежат ближе к берегу.

Но все они, к нашему благополучию, имеют не менее 4 четвертей, и мы, хотя с остановками, но проходили мимо их, снова выбиваясь на губокие плеса.

Вечером мы на устье одной небольшой речки, приток Тобола, встречаем пристань Петровского завода, завода, который лежит верстах в 25 по этой речке, выгоняя спирт и делая стеклянную посуду.

Эта единственная пристань на Тоболе, где, порой, нагружаются и выгружаются клади, давая возможность заводу сплавлять свои продукты и получать то, что нужно. Но оживление ее бывает большей частью только весной; теперь же мы только застали караульщиков в маленьком домике, которые караулили какой-нибудь товар и имущество, дожидаясь осенних рейсовых пароходов.

Остановившись здесь, чтобы переночевать после десятичасового хода, мы, однако, не нашли здесь и маленького запаса дров, почему решили хотя в темноте, но добежать до следующих юрт татар, до которых было около пяти верст по р. Тоболу.

Было уже поздно; ночь наступила такая темная, что не было видно даже берегов, и мы что называется «на ура» двинулись в путь, держась середины реки, которая еще отсвечивала в темноте ночи своей гладкой поверхностью к западу. Счастье было за нами: мы пробежали быстро и хорошо, миновав мели и карчи, и наделали неожиданным появлением такой шум в татарских юртах, что они нас встретили чуть ли не всем своим населением.

Это была самая шумная встреча: татары что-то кричали, ребятишки с визгом от восторга скакали по берегу, кто бежал, крича нам в темноте ночи, пристать к парому, кто указывал место выше юрт на берегу; к берегу юрт пристать решительно было невозможно, потому что он был мелкий, поднялся гвалт, на незнакомом, непонятном нам наречии, мы решительно не знали, куда пристать, не видя берегов, и, как и нужно было ожидать, наконец, сели на мель, с которой едва снялись, чтобы спуститься ниже юрт и, наконец, к удовольствию татар, пристали к глубокому их берегу.

Теперь мы окружены татарами, они никогда не видали такого маленького парохода, и восторгам их, разговорам, заключениям не было конца, что они даже останутся с нами тут ночевать, так им приятен был этот случай посмотреть и поболтать на свободе.

Живо был разведен костер, и при свете его мы увидали, с кем мы на эту ночь имеем дело. Все смуглый, здоровый народ, все длинные рубахи и тюбетейки, все босые ноги и засаленные

халаты, и лица их, освещенные светом костра, как-то еще более кидались в глаза с своим суровым выражением и морщинами, которые придают им такой отталкивающий характер.

Но под этим наружным разбойничьим видом скрываются, в сущности, гостеприимные и добрые души. Это не замедлило обнаружиться: только что я вышел на берег, как меня пригласил один татарин к себе, обещая уступить и дров на топливо, и свой дом для ночлега, и угощение.

Я с удовольствием согласился и, захватив с собой машиниста, отправился в сопровождении целой оравы татар, которые повели меня в юрты, предупредительно указывая мне путь.

Это было необходимо — в татарских юртах масса злых больших собак из породы каких-то диких гончих, в зубы которых легко попасть ночью.

Мы в узкой улице юрт, по обеим сторонам ее высокие домики, в окнах свет, и мы заходим в один двор и поднимаемся по крутой лестнице, и нас заводят в сени, а потом, как и в русских домах, в другую половину дома, где оказывается горница. Неизменная татарская печь с колонками и восточной архитектурой, чистые, умазанные белой глиной стены, нары вдоль стен, на них циновки-коврики, неизменный низкий громадный таз с медным кувшином для омовения, кровать в углу и над ней часы, что говорит уже о роскоши татарского жилища. В переднем углу виден шкаф с поставленными на ребро тарелками — восточный обычай, принятый и в Европе, и под ним единственная банка цветов, поставленная в угол, вероятно, случайно попавшая сюда из города.

Все общество татар, провожающих нас, заходит в комнату и садится на нары, и нам стыдно за хозяина, что мы привели ему вдруг ночью столько неожиданных гостей, которые, видимо, что-то ждут интересное.

В дому поднимается шум и беготня, молодая татарка, жена Калины, возится с самоваром и чашками, хозяин подает ключи, и идут такие приготовления, что становится жаль, что мы пришли так поздно в эту гостеприимную юрту. Вскоре появляется на нарах громадный самовар, хозяйка подает сливки, преженнички, хлеб, яйца и шанежки, и Калина, задумчивый вечно, что-то соображающий смуглый татарин, садится наливать нам чай, приглашая и все шумное общество, которое не перестает нас расспрашивать, куда мы едем. Шадринск они знают, для них это уже вполне европейский большой городок, который нельзя и сравнить, по их словам, с Ялуторовском, и все они вполне с нами согласны, что для него судоходство необходимо, и они хвалят реку Исеть, считая ее гораздо удобнее для судоходства, чем даже их быстрый, испорченный мелями, капризный Тобол.

Составляется веселая компания, мы расспрашиваем их, чем они живут, и оказывается, что они давно уже исключительно земледельцы и только некоторые из них еще все придерживаются рыболовства и отхожих промыслов, словно еще не довольствуясь сидячей спокойной жизнью.

Их юрты Осиновские считаются богатыми: у них добрая мечеть, два муллы, хорошие постройки, много земли и есть даже две лавочки, одна из которых принадлежит татарину, а другая каким-то чудом попавшему сюда еврею. Странное соседство двух бойких, почти одинаково пробойных по торговле и хитрых субъектов.

Наш гостеприимный хозяин оказывается одним из состоятельных татар, кой-чем торгует, сеет до двадцати десятин земли, имеет много скота и даже грамотный, что мы случайно заметили, когда он стал записывать в свою торговую книжку какой-то счет с одним из его односельцев. Опрятный, в полушелковом казакине, вышитой серебром тюбетейке, серьезный, молчаливый, он производил вполне выгодное для себя впечатление.

Я помню, мы у него прекрасно ночевали на перинах и мягких пуховых подушках и даже, по-видимому, без клопов и других подобных насекомых, которых я всегда опасаюсь на подобных ночевках в дороге.

Ставши на следующее утро, мы застали в нашей комнате новую личность — маленького наследника нашего хозяина, толстого, смуглого, как отец, татарчонка в таких маленьких сапожках с красными пятками и модными каблуками, в таком аракчине, с такой тюбетейкой, что на него нельзя было смотреть, чтобы не залюбоваться. Видимо, это был любимец отца и матери, и последняя в каком-то неимоверно пестром платье, сделанном из мебельного ситца, подавая нам снова чай, не пропускала случая, чтобы ему что-нибудь не сказать, не потрепать его по смуглым щечкам, когда отец деловито отвечал на его детские вопросы, вполне внимательно относясь к каждому его требованию. И когда мальчик увидал, как пишет его отец, он тотчас же воспользовался этим случаем, чтобы выпросить карандаш и бумагу, и стал усердно выводить по ней что-то, воображая, что он пишет что-то такое же важное, как и его отец. В короткой курточке с медными блестящими пуговицами, в красных шароварах, лежа на нарах, выставив к нам одни каблучки с медными подковами, он представлял в таком виде такую картину, что нельзя было на него смотреть без улыбки.

Но нужно было отправляться дальше, наступило 14 число августа, и мы, попрощавшись с добрыми татарами, отправились на катер, где уже заготовлялись дрова.

Это последние юрты на нашем пути по Тоболу; вдали ви-

ден русский белый храм, не особенно далеко уже город Ялуторовск, и мы с удовольствием отправляемся в путь, выбравшись, наконец, из тех краев, которые нам казались и пустынными, и немного дикими после Туры и Тюмени.

Действительно, теперь мы были уже в более населенном живом краю; диких плес меньше, всюду видна рука человека: там лежит лодка, там ходит скот, выгон сменяет выгон, по берегам вместо дикой поросли леса — рощи берез и осин, с русским населением стали встречаться на реке гуси и утки, паромы стали чаще пересекать реку спущенными канатами, и, встречая человека, можно было спросить о всем, что нам было нужно.

Сегодня, перед праздником, на паромах много народа, все возвращающийся с полей люд с сеном, снопами овса, с косцами и жницами, которые торопились домой, чтобы встретить и приготовиться к празднику. На одном перевозе даже пришлось остановиться и переждать, чтобы дать время переправиться на пароме народу, но в другом была такая предупредительность и торопливость, что мы порой не успевали дать свисток, как уже паромщики бежали спускать канаты и давать нам путь.

Мы удивлялись такой торопливости, но оказалось, что она имеет основательные для этого причины: рейсирующие здесь капитаны не церемонятся с зазевавшимися паромщиками, и не успей последний опустить канат, как он срывается и увозится пароходом, оставляя порой паромщика в таком безвыходном положении, что он сутками не может перевозить народ, лишившись единственного каната. Купить его здесь трудно, свить — нужно время, и, кроме того, он представляет такую из себя ценность, что лишиться его почти значит даром проработать все лето.

В 5 часов вечера мы проходим мимо села Бердишевского, которое остается в стороне от реки. Затем следуют небольшие деревушки, и в виду уже большое селение Криволуцкое. Мы идем, почти не встречая мелей, только изредка, потеряв фарватер капризной реки, натыкаясь на какой-нибудь привалок, и вот уже недалеко город, как сразу встречаем три мели, и с такими перекатами, что приходится выгружать катер и проводить его на руках.

Это главные мели Тобола, если не считать мели на его устье. Здесь, выше с. Бердишевского, река сразу сделалась капризной и наметала столько песка, что даже потерялся ее фарватер.

Эти мели в мелководье задерживают здесь все грузы, которые следуют к Ялуторовску, и мы встречаем здесь целых два табора с товарами, которые сложены на том и другом берегу.

Обычная картина Туры, на которой такие таборы в

осеннее время часты и обыкновенны.

Все наши промеры на этих мелях решительно не дали нам больше трех четвертей воды в самом глубоком месте течения. Течение было быстрое, река разлилась широко, и нет сомнения, что здесь округ путей сообщения положит много денег, чтобы урегулировать русло и сделать его удобным для прохода судов и в малую воду.

Эти мели, это неожиданное препятствие нас здесь задержало так, что наши расчеты попасть к вечеру в город рухнули и нам неожиданно вместо города пришлось заночевать под каким-то неприветливым берегом повыше мелей, недалеко от таборов и парома. Недалеко от реки видно было русское селение, там тянулся тракт, дальше еще видны были крыши деревушки, вдали виднелась белая колокольня собора, но мы были в таком положении, что даже не думали искать себе что-либо лучшее голого берега выгона, где даже не было кустика, чтобы развести костер и приютиться.

Это была самая невеселая ночь, но зато нас встретило на другой день веселое утро, которое вместе с надеждой попасть, наконец, в город так и звало нас поскорее в путь.

15 число августа. В 7 часов утра мы уже в пути и весело и быстро подвигаемся вперед, перестав натыкаться на мели. Река стала снова глубже и ровнее, берега сошлись, какая-то веселая подгородная деревушка подошла к самому берегу, нас провожает разодетый народ, какой-то чиновник, любитель уженья, удит с детьми на берегу под обрывом, видны дачницы, и скоро мы видим недалеко город Ялуторовск и благополучно подходим к его пристаням.

Вот и Ялуторовск. От пристани до него добрых полторы версты луговым, низким берегом, и вид его с реки мало говорит в его пользу: два храма, длинный ряд серых домиков вдоль невысокого старого берега реки, каланча, несколько зеленых крыш — вот и весь вид этого городка, как и вообще большинства сибирских городов, отличающихся своей невзрачностью при наших равнинах.

Пристань тоже ровно ничем не замечательна, на ней даже нет обычной пароходной конторки, какой-нибудь баржи, куда могли бы приставать пароходы, и последние пользуются, как и всюду по Тоболу, только обрывом берега, к которому можно близко пристать и выгрузить прямо товары. Единственно, что на ней ее означало, это небольшой домик для сторожа и старая баржа, брошенная на берегу вследствие пролома. Тут же, около, на обсохшем берегу догнивал корпус старого парохода «Сашутка» г. Гусева, на котором я еще в прошлую навигацию ездил по реке Северной Сосьве в березовском крае. Теперь от него уже был только один

остов, машина снята и работает на паровой мельнице и там же и его отважный бравый капитан в роли машиниста. И остов этого, когда-то, так еще недавно, живого судна, словно труп какой лежал на берегу, даже мысли не допуская, что он столько совершил славных плаваний по рекам Сибири. А плавания его были действительно славные: он был первым паровым судном, которое поднялось по реке Сыгве до старинного Ляпинского городка, когда в 1883 году я только что исследовал эту реку и открыл ее для судоходства. С тех пор этот небольшой пароход много работал на этой реке и даже не раз поднимался в самую вершину реки Северной Сосьвы, заводя туда груз для Печоры и этой глухой страны, где царствовали прежде один произвол березовских купцов и эксплоатация бедных детей природы. Теперь туда, в этот прежде забытый край, вслед за этим пароходом ходят уже большие сильные пароходы и сотни тысяч пудов доставляют туда, куда раньше никто и не думал возить пуда, считая, как теперь и Исеть, эти реки совсем несудоходными.

И край этот, как я в прошлом году убедился, в какие-нибудь 12 лет настолько изменился, что я его мало узнал: открылись новые промысла, разрослись селения, образовались новые поселки, и только один дикарь не мог справиться с вдруг наплывшим оживлением и переменой и остался таким же бедняком, как был, ухватившись за вино и пьянство.

Мы пристали просто к какому-то плоту у пристани города Ялуторовска. Так как город далеко, я приказал дать несколько свистков, чтобы вызвать извозчиков, но каково мое удивление, когда старичок сторож мне заявил, что я напрасно беспокоюсь, так как в городе нет ни одного извозчика.

— Где же они? — спросил я, недоумевая.

— Да их, барин, у нас и не водится, — отвечал просто старичок.

— Но мне нужно с багажом в город.

— А вот они вас довезут, — указал он мне спокойно на поднимающуюся тележку с сеном, на которой ехал старичок со старушкой, и он, желая меня вывести из затруднения, бросился к ним, что-то сказал; и те с готовностью согласились меня довезти, и я отправился, сидя на свежем сене в обществе любезной старушки.

Въезд был не особенно торжественный: савраско бежал плохо, тележка поскрипывала, дедушко, вместо того чтобы понукать, желая воспользоваться случаем, начал обстоятельно расспрашивать, куда я еду, а моя соседка не сводила с меня глаз, видимо, желая разузнать как можно больше, чтобы похвастаться новостями с кумушками. Добрым старикам пришлось прочесть целый реферат, и так как мы ехали шагом, а до города

было далеко, то я как раз окончил его, когда мы начали подниматься в город. Первая улица мне сильно надпомнила Березов: полуразвалившиеся старые домики, дырявые крыши — все так говорило о нем, вторая — широкая, поросшая травой, — Усть-Каменогорск. Маленький городок словно хотел разбежаться в стороны, улицы его — целая площадь, и я пожалел, что жители топчут их, а не загораживают и не косят тут, и не жнут, что бы придало ему более веселый вид, чем эти деревянные домики, разбежавшиеся друг от друга, чтобы не смело к ним приткнуться.

Когда я смотрел так на город, меня вдруг спросили:

— Куда прикажете, барин, вас завезти на квартиру?

— Вези, дед, в гостиницу, которая получше...

— Гостиницу? — удивился он. — Да у нас их и не слыхали...

— Так куда же? — Вдруг понял я еще одно затруднение, из которого нужно было выйти...

— А уж не знаю, — просто ответил старик, — у нас гостиниц нет, может, к кому знакомому заедете?

— Да, дедушко, у меня тут ни души...

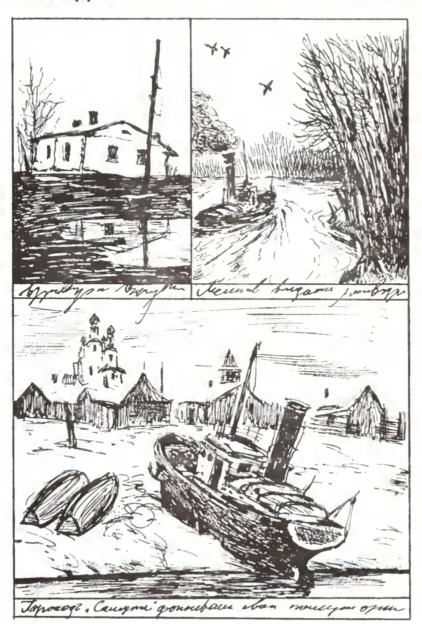
— Так надо попроситься к кому-нибудь, пустят.

И он было начал приворачивать к первому дому, остановившись на улице во время этого разговора, как я подумал сказать ему, чтобы он вез меня на земскую квартиру. Это был единственный выход из моего положения; в городе даже не оказалось постоялых домов, и меня подвезли к старенькому домику, в окнах которого было больше, кажется, синей и белой бумаги, чем зеленых стекол. Мы въезжаем на двор и останавливаемся. Но на наш зов — ни души. Я захожу в комнаты — тоже пусто, и только в одной комнате нахожу какого-то бедного чиновника, который спит мертвецким сном, отхрапывая на диване. Пришлось самому водворяться в земскую квартиру. Добрые старички помогли мне тут устроиться, и когда я им предложил за это деньги, то даже стали отказываться, говоря, что они везли меня даром. Это была уже кровная обида, и я должен был уговорить их, чтобы они взяли деньги.

Но это дело еще этим не кончилось: пришла хозяйка и стала спрашивать, какой я чиновник. Драгоценные ее развалины — квартира для чиновников; частное лицо тут не может остановиться, и мне чуть не пришлось разыгрывать роль Хлестакова, чтобы она не отказала мне в квартире.

Все это так меня встревожило, что я, даже не напившись чаю, переоделся и отправился к исправнику, чтобы сделать ему визит.

Но, вероятно, этот день был для меня несчастным: исправника не было в городе, и мне предстояло его дожидать, пока он возвратится в город.


Пароход.

Вероятно, подумал я, что это случилось для того, чтобы я поближе познакомился с этим городом, и я отправился его осматривать от нечего делать.

Городок этот, в котором по торгово-промышленному адрес-календарю Суворина всего 4700 жителей, видимо, не играет большой роли в промышленной и торговой жизни его богатого округа и скорее служит только административным пунктом, что видно сразу: вся главная улица этого городка, на которую я вышел, заполнена исключительно почти домами и квартирами служилого люда разных правлений, управлений, камер, присутствий и пр., и ее можно бы смело именовать чиновничьей по числу ее вывесок казенных учреждений. Это довольно чистенькая, широкая улица, где еще попадаются маленькие сады, балконы и домики, напоминающие дома старых дворян, какие прежде встречать можно было часто в городах Центральной России — длинные, опалубленные, с большими окнами, однообразными широкими дворами, воротами с однообразной пустотой. Другие улицы — это что-то вроде наших солдатских слободок около городов, с кой-какими домиками, промазанными глиной, со всей той случайной архитектурой, характером которая яснее всего говорит, что город не живет, а только влачит свое существование, перебиваясь около чиновного люда, и только на торговой площади его, где, по-видимому, совсем ненужный, стоит деревянный гостиный двор с закрытыми лавками, попадается три-четыре хороших дома местных тузов, словно чудом каким занесенных в этот город. Во всем городе я не нашел ни порядочного здания прогимназии или школы, ни другого какого общественного учреждения. Площади его запущены, общественного сада даже нет в помине, и прекрасное место по своему положению на берегу когда-то бывшей у самого города реки, но после отведенной стараниями города, который теперь остался только с гниющей лужей под собором, на площади рядом с храмом, самим уже положением предназначенное для сада, только носит признаки когда-то бывших тут затей, от которых только осталась одна изуродованная береза. Между тем, туда сходится по вечерам публика, сидит, желая подышать чистым воздухом, и для постороннего человека становится как-то странным, что тут никто не позаботился что-нибудь сделать хотя для того, чтобы оставить о себе память, из местного начальства или отцов города. Говорят, что весной, в широкий разлив Тобола, сливающегося здесь со своей соседкой Исетью, сюда сходится весь город полюбоваться простором реки и встретить пароходы, которые прямо ошвартовываются у самого собора.

Лучшее место для сада — и оно запущено, в нем ходит скот, оградка повалилась, и оно сто-

ит пустое, безжизненно, как самый город.

Между тем, ему с 1882 года уже пошло столетие, когда он, будучи раньше острогом, был преобразован в окружной городок. У него должны быть средства, потому что на площади его бывает несколько довольно бойких ярмарок, и на них съезжается до 15000 человек. Кроме того, в нем есть и богатые люди, как Калмыковы, Гусевы, которые давно известны как видные пароходовладельцы и заводчики Западной Сибири, которые едва ли отказались бы пожертвовать на такое доброе дело, как общественный сад, украшение города, нужные суммы.

Но мое удивление запущенности города было еще больше, когда мне привелось побывать на местном телеграфе и вместе с тем и почтовой конторе. Представьте низенький, вросший в землю длинный деревянный запущенный домик, крыльцо со двора, грязное и темное, внутри темные, прокоптелые стены, покосившиеся пол и потолок, куда вы входите, как словно в какой погреб, и с удивлением видите такую убогую обстановку этого самого богатого в России казенного учреждения, какую мне даже не приходилось видеть в таких городках матушки-Сибири, как Березов. И когда я вошел в нее и меня опахнуло гнилым воздухом, то так мне и показалось, что оно каким-то чудом осталось еще от начала прошлого столетия и так и стоит, врастает в землю на этом месте. Признаться, я глубоко пожалел тех молодых чиновников, которые в нем должны проводить свое время, вдыхая, кроме пыли и сургуча, и еще этот гнилой воздух давно разрушающегося дома.

И глядя на этот убогий дом, вероятно, квартиру этого почтенного учреждения, связывающего этот город и край с остальным светом, я решительно недоумевал, почему наше богатое почтовое ведомство, наживающее десятки миллионов в год, до настоящего времени не устроит, хотя в городах, собственных зданий, как это давно принято в Европе. Один выработанный тип здания такого учреждения не только бы придавал им удобства и комфорт, но служил бы и украшением всякого города.

Но чего я уже не ожидал встретить в этом городе, то телефона, он являлся чем-то даже удивительным среди этого общего убожества и нищеты. Но оказалось, что это новинка, и принадлежит не какому-нибудь из местных богатых людей, а одному современному учреждению, которое является здесь как слабый, но приятный отголосок существования у нас Министерства земледелия. Этот телефон проведен из квартиры местного чиновника по крестьянским делам в только что недавно устроенный склад сельскохозяйственных орудий, который существует по праву в этом зем-

ледельческом округе Западной Сибири.

Это новинка, на складе много кой-чего полезного для крестьян, и они, как мне говорили, охотно разбирают недорогие орудия для сельского хозяйства, отпускаемые им в рассрочку и долг. При складе есть даже крестьянская небольшая мельница с паровым двигателем, что уже совсем новость в этом крае. После, в округе, плывя по Исети, мне не раз случалось слышать про этот склад и заведывающего его лица приятные отзывы крестьян, которые с удовольствием пользуются разными сельскохозяйственными орудиями для обработки своих полей. И склады такие вместе с опытными работами: плугом, молотилкой, жатвенной машиной и прочее — можно смело рекомендовать и другим подобным округам и уездам нашей России вместо дорогостоящих сельскохозяйственных ферм с их служащими и инвентарем.

Кроме этой достопримечательности города, в нем можно еще порекомендовать сходить и посмотреть два исторических дома: один из них небольшой домик, в котором жил сосланный сюда апостол — Пушкин, и другой, что-то вроде старинного барского дворца с колоннами и множеством комнат, где жили декабристы. Он на главной чиновничьей улице, заколочен и представляет из себя теперь более развалины, чем что-нибудь еще возможное для существования человека. Но, любуясь его оригинальной архитектурой, невольно как-то приходит мысль, почему город не приобретет его себе в собственность и не превратит его во что-нибудь для больницы, школы или театра.

Теперь он принадлежит местному богачу Калмыкову и, вероятно, им куплен не с какой-нибудь иной мыслью, как разломать его и пустить на дрова.

Переночевав в этом городе, я на другой день побывал и в обоих его храмах.

Собор — старинное большое здание, у ограды, как в любом селе, — телеги приехавших мужиков — с требами в церковь, на паперти с десяток-другой калекстариков из соседнего приюта, в храме — чугунный пол и обстановка почти любого старого сельского храма, ничем особенным не напоминающая, что вы в городском храме, точно так же, как и молящаяся публика, где вы не увидите даже шляпки. Большинство — крестьяне и мещане, и притом такое разнообразие типов, что вы сразу догадываетесь, что вы в городе ссыльных.

Наконец, я делаю визит местному исправнику, мы едем с ним на мою квартиру, проезжаем на берег Тобола, делаем один тур по нему, и я, заручившись содействием для Исети, которую с любезностью мне готовы оказать, в два часа дня отправляюсь дальше к устью реки Исети по Тоболу.

По Тоболу остается сделать каких-нибудь десять верст, но он, как назло, так мелок, с таким испорченным фарватером, что мы только вечером в 7 часов попадаем на устье Исети, довольные, что мы с него вырвались еще так благополучно.

Вот и слияние этих двух рек; направо поворот, широкий поворот в Исеть, налево узенькая, небольшая извилистая речка — поворот в Тобол.

Нет никакого сомнения, что нижнему течению Тобола Исеть дает по крайней мере две трети всей воды и что нижнее течение Тобола скорее может быть названо Исетью, чем Тоболом, и не Исеть впадает в Тобол, а последний сливает свои воды с первой.

Тобол казался совсем маленькой речкой сравнительно с Исетью, и при взгляде на него даже трудно было поверить, что туда еще на сотни верст поднимаются свободно весной и летом пароходы с громадными баржами, доходя до самого Кургана, и что эта небольшая река считается судоходной еще гораздо дальше этого города, до станции Звериноголовской, до самых пределов Акмолинской области, чуть не на тысячу верст еще выше, куда на будущее лето отправляются инженеры путей сообщения для исследования и расчистки этой реки и для открытия до этого пункта по Тоболу судоходства.

Исеть в сравнении здесь с Тоболом могучая, большая река, и мы свободно, с радостью, что вырвались с Тобола, сворачиваем в нее и входим в ее устье.

Тихая глубокая река, берега совсем не походят на берега Тобола: вместо обрывов — низкий, поросший ивами, тихий бережок, вместо быстрого течения — почти полный застой воды, и последняя уже не имеет столько песка и грязи, которая делала нам столько неудобств для парового котла, оставляя его часто чистить.

Был тихий ясный вечер, река была, как зеркало, отражая в себе берега, и мы переживали такой момент в своем плавании, который только знаком путешественникам, которые проникают в неведомую еще реку и рассекают в первый раз винтом и паровым судном ее девственные воды. Своего рода исторический момент для жизни этой реки, никогда не видавшей парового судна, и встреча нас жителями первой на устье этой реки маленькой деревушки, которая своим видом так сильно напомнила нам виды моей родины, без слов говорила, что даже они понимают что-то новое для этой реки и для их края. Нас давно тут ждали, нас засыпали расспросами, словно еще не веря, что мы будем подниматься по этой реке, и все торопились не только нас успокоить, что мы пойдем далее благополучно, что река эта в тысячу раз нам покажется лучше Тобола, но даже были готовы оказать нам гостеприимство, перебивая друг друга, чтобы мы только зашли в их дом...

Маленькая деревушка решительно была вся на берегу; женщины из огородов повытащили лучшие ароматные дыни-дубовки, другие были рады нам предложить ягод и груздей, а рыбаки так захлопотали с рыбой, торопя своих баб, чтобы они к утру нам напекли пирогов в дорогу, что я сразу узнал в них простых добродушных жителей Исети. Моя команда вздохнула — Тобол ей достался тяжело, и теперь перед нами вперед уходила такая тихая, глубокая река, что мы горели нетерпением по ней двинуться дальше.

Но наступала ночь, мы отправились в ближайший дом напиться чаю, и помню, в эту ночь в первый раз ночевали с веселым сердцем, предчувствуя, что ныне мы на глубокой реке и свободны от неприятностей и мели.

Вечером нам охотно приготовили топливо, и поздно ночью при свете луны долго еще сидел на обрывистом берегу народ, любуясь маленьким оживлением, которому мы были причиной.

17 августа. Прекрасное летнее, теплое утро. Мы живо бежим по родной Исети и совсем забываем скучный, однообразный быстрый Тобол, наслаждаясь ровными глубокими плесами реки, в которую смотрятся берега, сплошь поросшие ивой и черемухой. Повороты ровны благодаря тихому течению, фарватер проще, можно узнать даже не знакомому с рекой лоцману, ход то у одного берега, то у другого, смотря по тому, куда поворачивает река, обрывы берега глубоки, и катер часто идет почти рядом с самым берегом, едва его не задевая, находя вполне достаточно воды даже у берегов для своей глубокой осадки. На реке пропасть уток и куликов; река почти совсем не подходит к материку, и мы все время среди лугов, с которых доносится аромат скошенных трав и видны громадные запасы у крестьян сена. На реке попадаются рыболовы; так как здесь никогда не бывал пароход, то всюду следы запора, как на любой подобной девственной реке, и часто река совсем перегорожена осиновыми кольями, на которых вешаются просушиваемые сети. Мы подходим к таким запорам, выдергиваем два-три кола и проходим дальше. В некоторых местах к своим запорам уже выехали рыбаки и торопятся нам дать дорогу, провожая нас пожеланиями счастливого пути.

Так как река никогда не расчищалась, то в ней масса карчей, это в большинстве случаев та же ива, смытая с берегов во время половодья, но она не особенно опасна своими тонкими гибкими ветками, и мы часто, вместо того чтобы их обходить и держаться дальше, прямо следуем через них, не особенно смущаясь их препятствиями. Большинство карч лежит на самом русле, но они тут не так опасны, как на менее глубоких местах, где около них насаживается песок и образует род мели с глубокими бороздами воды, по

которым мы свободно двигаемся даже без проводника.

Достаточно убрать эти карчи, как самые мелкие места этой реки станут такими же глубокими, как и обыкновенное ее плесо. Промеры реки всюду дают достаточно данных, что эта река вполне судоходная, в ней нет сильно глубоких плес, но нет часто и перекатов, и дно благодаря глинистому грунту тянется такое ровное, что совсем не обещает нам, по-видимому, затруднений там, где воды меньше.

Но, однако, около деревни Могилевой, у самой поскотины, мы встречаем довольно серьезную мель. Вероятно, как и на Тоболе, здесь был когда-то старинный запор, река разбилась несколькими струями, и образовавшиеся пески заставляют нас остановиться и, только придерживаясь левого берега, пройти эту мель, чтобы снова быть на свободе.

У деревни Могилевой плавучий мост через р. Исеть. Так как страда, то мы не находим достаточно народа для развода моста, и люди, немного опустив мост, предлагают нам перетащить наш катер, на что совсем напрасно мы соглашаемся: катер быстро и легко перетаскивают по мосту, но маленький недосмотр — он скользит по мосту, задевает рулем за последнее бревно, и руль ломается, как щепка. Приходится отвинчивать его и везти в деревню для ремонта и искать плотника и кузнеца.

Но добрый народ с готовностью нас выводит из затруднительного положения: находится старичок, который дает нам прекрасную березу для поделки, мы устраиваемся у него под сараем, и к вечеру руль новый, хотя и далеко не такой изящный, как был сделан на заводе Игнатова.

Пользуясь этой неожиданной остановкой, мы заготовляем топливо и рано утром следующего дня пускаемся дальше в путь с новым рулем и проводником на носу парохода.

Мы еще ни разу не видали на всем нашем пути такого красивого, тихого, чудного плеса, какое мы встретили на промежутке между с. Исетским и с. Рафайловским. Мы плывем словно среди какого-то парка. Река тиха и глубока, повороты ее — одна чудная картина за другою: то перед нами широкий канал тихой реки с навесившимися над водою ракитами, то чудный вид на гористый высокий берег, который отразился в воде. Каждый уголок реки — это царство рыболова, и мы завидуем ему, завидев его темную лодочку, и даже убавляем ход, чтобы только полюбоваться на него, как он сидит с удочкой в руке или ставит сети, то спрятанный в ярко-зеленом камыше реки, то где-нибудь между ивами, поставив неподвижно свою лодку и застыв, застыв в знакомом нам ожидании, когда потянет его лесу бойкая, проворная рыба. И все это, только что освещенное взошедшим солнцем,

как-то еще больше придает красок этой картине, как-то еще больше остановляет на ней глаз. Даже зверь, заяц, и тот, кажется, выбежал на этот чудный берег для того, чтобы полюбоваться этой картиной утра над родною рекой, и сидит, смотрит в какой-то задумчивости на тихую воду, в которой отразился лес со всей его пестротой листьев, охваченных утренником, и даже не бежит и тогда, когда проходит мимо него наш катер.

Мы идем вдоль высокого лесного красивого увала. На нем в густом лесу среди зелени как будто видна какая-то избушка. Мы думаем, что это, вероятно, пасека какого счастливого старичка, но мне говорят, что это пустынь, пустынь пяти отшельниц-монашенок, которые поселились тут, устроили себе скромный домик, и вот по этой тропинке, которая сбежала к самому берегу из зеленого березового леса, ходят к воде. Чудное местечко для подобной женской обители, которая, нет сомнения, впоследствии разрастется в маленький женский монастырек.

Наши иноки вообще любят сочетать свое молитвенное настроение с красотами природы. Село Рафайловское, которое открылось с этого тихого красивого плеса во всей своей красоте, с обрывом берега, белым, высоким красивым храмом на вершине — тоже бывший монастырь, только впоследствии упраздненный и переведенный почему-то в г. Тюмень.

Вероятно, устроенный здесь в прошлом столетии, он играл ту же, прежде большую, роль, как и вообще монастыри нашего севера, являясь в одно время и опорой распространения христианства среди язычества, и распространением в крае русского населения, превращаясь, судя по обстоятельствам, то в миссии, то в крепость, то играя роль чисто духовную, то государственную.

Такие монастыри имели для нас большое значение в то время собирания Руси, но впоследствии, после того как от них отнимались крестьяне, как их обширные земли отходили в надел крестьян, которых они кругом себя селили, они теряли свои доходы и самостоятельность и мало-помалу зачислялись в заштат, превращались в обыкновенные села, только одним уже воспоминанием в народе напоминали нам, что было когда-то.

Лучше это было или хуже — судить не нам, но нам кажется, что существование их в таких уголках было бы далеко не лишним и теперь, так как уже простая справка, существовал ли здесь раскол и существует ли он ныне, уже доказывает, что такие монастыри имели свою долю заслуги в деле государственном и духовном.

Мы плывем по тихому, глубокому прямому плесу. С одной стороны вдоль его тянутся зеленые луга, на противоположной — высокий, красивый с зеленью

увал. Это плесо исстари славится рыбою, и нельма здесь почти такая же обыкновенная рыба, как налим и окунь.

Это первое плесо с такою рыбою, тогда как ниже его давно уже нет нельмы: она выловлена или ушла от рака. Здесь все лето ее добывают рыбаки, и если она еще до сих пор не выловлена ими, то, вероятно, только потому, что здесь встречаются глубокие омуты и река то тиха и глубока, то имеет каменный быстрый перекат, как, например, в двух пунктах у самого села Рафайловского.

Но эти перекаты не опасны для судоходства и глубоки, хотя, несомненно, должны будут впоследствии быть расчищенными на всякий случай, как, например, на случай привалки к берегу буксира. Наименьшая глубина одного из них, нижнего, пять четвертей.

Но вот и с. Рафайловское. Несмотря на будничный рабочий день, берег усыпан, как цветами, красными и синими сарафанами; у самой воды еще больше того народа, и мы торжественно пристаем ненадолго к берегу, чтобы сходить в село и посмотреть величественный храм.

Село небольшое, но обстроено зажиточно; храм — это редкая архитектура, и его величественная колокольня с колоннами и высоким куполом — несомненно, что-то заимствованное из Киевской лавры. У храма на площади — народное училище, кругом разбитый молоденький маленький сад, и вид с горы на поля, леса, реку такой, что мы невольно на него заглядываемся. Чудное местоположение, которое еще раз говорит о вкусах наших иноков, которые любили природу, хотя, кажется, уходили от нее и всего мира в одну молчаливую вечную молитву и духовное настроение.

* * *

Через час прогулки по селу мы уже снова на катере и теперь направляемся к первой на нашем пути мельнице, где нам нужно перетащить наш катер. Этого мы давно ожидали, и это нас немного волнует. Это первый опыт в таком случае, за ним нам предстоит проделать его еще 10—11 раз, и неудача, затруднение даже могут вызвать то, что мы должны будем воротиться, не докончив своего дела, что значило бы потерять совсем наш предыдущий труд и всякие надежды на то, чтобы Исеть когда-либо стала судоходной.

Выше с. Рафайловского, перед мельницей, до которой от села рекой около шести верст, река почти неузнаваема. Всюду такие же мели, как около речки Юзы; русло разбилось на разные рукавчики; посредине реки островки, и мы только с промерами проходим этот трудный участок, который создала мельница благодаря тому, что она не дает достаточно воды, чтобы пробить себе хорошее русло.

Перед самой мельницей, как вообще в таких случаях,

целый лабиринт протоков, где русло трудно узнать, всюду выросли какие-то зеленые, островки, всюду пробивается быстрое течение, и мы только при помощи проводников и их силы доходим до плотины, которая нам загородила собой дорогу.

Но, несмотря на то что здесь река вся захвачена плотиною, мы доходим вплоть до нее водой, так как последняя хотя и захвачена, спружена, преграждена, но еще в достаточном количестве просачивается сквозь слабую плотину и только часть, малую часть воды заставляет собой задерживать, чтобы дать достаточную силу водяным, подливным колесам мельниц.

Плотина — это вал наброcанного в беспорядке хвороста, и в то время, как концы его торчат на нижней части, вершины их плотно завалены соломой и назьмом, что и сдерживает немного воду. Вода стоит почти в уровень ее, и, кажется, достаточно прибыли еще кой-какого напора, как она подастся и свободно даст течению проход, что, говорят, постоянно и бывает каждое лето во время дождей и прибыли воды в реке, постоянно держа в страхе за убытки арендаторов.

Мельницу эту держит артель местных крестьян. Около плотины по одну ее сторону устроены какие-то жалкие амбарчики с сливами воды, и в них, в каждом из них, стоит по жалкому поставу, которые едва смалывают по два воза муки в день при самых лучших условиях. Работа идет вяло, неуверенно; плотина плоха и ненадежна, и потому и самые строения этой мельницы так плохи, что если их унесет большая вода, что уже не раз случалось, то убытки не так велики, чтобы о них плакать.

Я спросил, что стоит такое сооружение? И мне ответили, что оно стоит никак не больше 300 рублей и что крестьяне не задумаются убрать эту мельницу, как только этого потребуется, так как от нее решительно нет почти никакой пользы, между тем как она вечно требует себе ремонт и вечно грозит быть снесенной в первое половодье.

Мы находим низкое удобное место для перетаскивания катера, разгружаем его, освобождаем его котел от воды и пара, устраиваем сходни, настилаем досок, заводим за него веревки, и через пять минут он уже по другую сторону низкой плотины в пруду мельницы, готовый снова пуститься в путь.

Это, оказывается, совсем несложное дело: судно не настолько тяжело, чтобы его не могли перетащить каких-нибудь двадцать или даже пятнадцать человек через какую угодно плотину, а желающих нам помочь — сколько угодно благодаря любопытству, и они без всякой проблемы готовы услужить на каких-нибудь пятьдесят минут своей силой, даже еще приходится сдерживать их старание, чтобы не поломать катер.

Наши опасения, что нам могут попрепятствовать владельцы мельниц, тоже напрасны, ибо им давно уже объявлено о нашем проходе, и они не только не желают нам вредить, но даже готовы помочь всем, чтобы мы благополучно переправились через их плотины. Они даже не особенно смущены тем, что этот проход может повлечь за собой упразднение их мельницы, так как она им приносит больше убытков и хлопот, чем пользы; и если им в данную же минуту хотя что-нибудь дадут за снос мельницы, каких-нибудь 200—300 рублей, они будут рады, что покончили с ней свое хлопотливое, невыгодное дело.

Опыт перетаскивания катера удался как нельзя лучше — мы ничего в катере не поломали, и теперь наш путь будет еще удачнее, потому что теперь уже не будет мелей и перекатов, и мы пойдем вплоть до г. Шадринска, как по каналу со шлюзами, где плотина одной мельницы поддерживает, хотя не на высоком уровне, воду вплоть до другой, где она почти не имеет местами никакого течения.

Оставив здесь катер для маленького ремонта, для чего потребовался местный кузнец с своей кузницей, я в тот же день отправился в следующее село Турущево, куда он должен прийти на следующий день утром.

Теперь мое присутствие на катере было не особенно необходимо, так как наш путь пойдет по поднятому плотинами уровню, который притом непостоянен, а промеры почти не играют никакой роли, и там, где нужно будет, могут вполне быть сделаны моими матросами под управлением машиниста.

Благодаря этому обстоятельству я мог более уделить времени на знакомство с экономическим положением края, который с реки при кратких остановках, при беглом посещении волостных правлений, при беглом знакомстве, которое только мне и позволяли остановки катера, поневоле должно было иметь пробел.

Был чудный, тихий осенний вечер, когда я оставил катер и сел в поданный мне с парой местный коробок — корзину, как вообще принято ездить в этом крае. И передо мной вместо реки, ее кустов, прихваченных уже инеем, вместо ее изгибов, сизого тумана и сырости вдруг потянул навстречу душистый ветерок с полей, где стояли еще копны душистого сена, где дожинал еще народ, согнувшись над последней полоской. И всюду, куда ни кинешь глазом, был хлеб и хлеб. В одном месте его жали, в другом по пашням двигались большие золотистые воза, в третьем делали для него на зиму загороди, в четвертом его молотили, и шум молотилок, звук цепов далеко разносился в вечернем воздухе, оживляя эту милую картину. По дороге постоянно встречался возвращающийся с поля народ, в полях

повсюду чернели его фигуры, каждая маленькая дорожка носила следы только что пробежавших колес, и это оживление поля, это движение лучше всего говорило, что все благосостояние этого края заключается в земле, которая трудолюбиво обрабатывается, которая издавна уже кормит народ, привязав его еще в прошлое столетие к себе благодаря доброму чернозему и тому мягкому климату, который так много зависит от близости степей.

Мы едем все время вдоль реки Исети по высокому ровному увалу. Он высоко поднялся над рекой, и нам, когда мы выезжаем из редкого березового леса, прекрасно видна лента, извилистая лента реки с кустами ивы, селениями и по ту, и другую сторону, с мельницами, с дорогами и мостами на десятки верст вверх и вниз по течению; короче говоря, что это за населенный край, какое его ожидает будущее, когда ему даст свой толчок судоходство?

Какой богатый, промышленный, живой край!

Перед самым селом Турущево, на пути, на самом тракте, нам попадается какое-то громадное, в несколько сот сажен, квадратное здание, что-то напоминающее большой постоялый двор, обнесенный кругом плотным бревенчатым навесом. В средине этой громадной пустой ограды — дом, к нему ведут плотные ворота, обнесенная площадь сараем в несколько десятин, и все говорит, что здесь убиты на одну постройку громадные деньги.

Я спрашиваю ямщика, и он говорит мне, что это сараи для «забойки» степного скота одного местного богатого крестьянина, двухэтажный дом которого уже виден, возвышаясь высоко в селе над крышами своих соседей.

Это одно из самых выгодных местных, чисто местных, промышленных дел, которые исключительно обуславливаются близостью, с одной стороны, степей с их бродячими киргизами и стадами и, с другой, предприимчивостью местных крестьян, которые издавна завели обычай отправляться летом в степи и пригонять оттуда десятки тысяч разного скота.

Кто богат и имеет несколько тысяч в кармане, тот отправляется один или с товарищем в эти степи; у кого мало денег, тот составляет компанию, складчину между своими крестьянами. И вот перед осенью они отправляются целыми партиями в Киргизскую степь закупать скот: едут на их ярмарки, забираются в Семипалатинскую и Акмолинскую области, бродят там целыми месяцами, живут в палатках киргизов, едят их баранину и пьют кумыс, и покупают то партиями, то в одиночку стадо за стадом, десяток баранов за десятком, чтобы составить несколько тысяч голов, будь это крупный рогатый скот, будь это степная лошадь или просто баран, и гонят все это осенью сюда, в эти «забойки», где

рогатый скот и бараны тысячами колются перед заморозками, отгулявшись в степных местах, а лошади отправляются на местные осенние и зимние ярмарки или отправляются партиями на Урал, на его заводы.

Этот горнозаводский населенный богатый Урал давно уже кормит местного крестьянина и обогащает его, то требуя себе на прииски и заводы массу киргизских лошадей, то того больше бараньего и скотского мяса.

И такие «забойки», образец которой теперь перед нами в виде громадной, огороженной прочным навесом площади с домиком посредине, и есть тот завод, где колется этот скот, обрабатывается в туши мяса, бочки сала, кишок, которые следуют затем за границу.

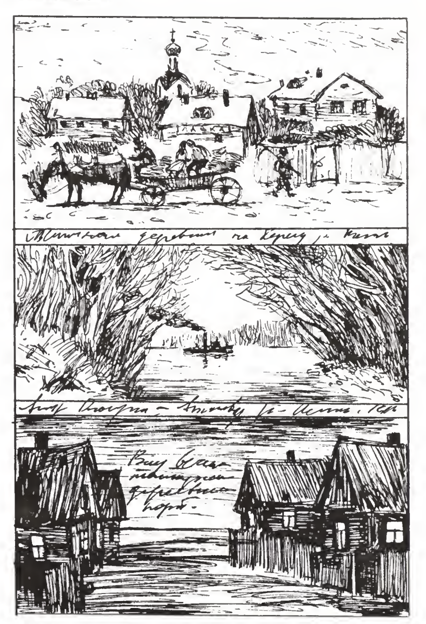
Это крупное и весьма выгодное дело, и им, можно сказать, занимается, так или иначе, каждый здесь состоятельный крестьянин, с охотой вкладывая свой лишний рубль в это дело, которое часто при повышении цен на мясо на Урале дает крупные барыши.

И хотя часто случается, что скот гибнет от той или другой болезни, хотя нередко случается, что портится мясо от слишком больших и частых оттепелей, как, например, в нынешнюю зиму, благодаря чему цена на мясо страшно падает, однако это дело, вероятно, настолько выгодно, что в крае оно только еще год от году увеличивается, а не падает, и пока еще не слышно ни одного такого случая, чтобы, раз понеся убытки, крестьянин не мог их оправдать на следующий год и разорился.

Таких заводов жирового и мясного дела здесь много, их имеет почти каждый богатый крестьянин, и осенью здесь колются десятки тысяч разного скота, проливается масса крови.

Можно вообразить себе картину этого завода, когда в такую ограду сгоняется с полей 20000—40000 голов баранов и крупного рогатого скота, и местные крестьяне, как словно какие палачи, в окровавленных передниках борются с ними, ловя их, затаскивая под эти навесы, и на глазах других, еще живых животных, колют их, снимают с них шкуры и подвешивают их тела под навес к ужасу тысяч остальных живых существ, которые напрасно кричат, чтобы им дали свободу... Самое кровавое дело, какое только мог выдумать ужасный человек, самое ужасное для животных, и толстовцы, предпочитающие капусту с картофелем, пришли бы в ужас, если бы увидали хотя один такой завод и поняли наглядно, насколько кровожадно, неумолимо жестоко человечество...

Но то, что наживут эти предприимчивые крестьяне от убойки скота, от продажи его мяса, сала, кож, есть еще не все, что приносит оживление и выгоды для этого края — для этого нужен народ, который бы работал



на таком заводе, гнал, сохранял, пас скот, обделывал его сало, кожи и мясо и, главным образом, вез бы его на Урал, на его заводы или местные ярмарки Ялуторовского и Шадринского уездов, что требует массы лошадей, и это дело, кроме всего сказанного, своим извозом доставляет массу заработка для местных лошадных крестьян.

И если предположить, что в одном только этом крае убивается ежегодно до пятисот тысяч голов скота, то можно себе представить, сколько для этого требуется рук и лошадей, чтобы всю эту массу мяса, сала и кож доставить на ярмарки или туда, где есть в нем потребность.

И если мы видим в этом крае местные крупные ярмарки с таким крупным оборотом, как в с. Архангельском, то они исключительно обязаны именно этому, искони заведенному, забою скота степей, который и дает этому краю такую завидную зажиточность, какой не встречается в соседних уездах.

Турущево оказывается небольшим, но зажиточным селом: в нем много двухэтажных домиков, строится прекрасный деревянный новый храм рядом со старым, улицы полны зажиточных крестьян, и в селе есть даже такой дом, что, пожалуй, я такого не встречал и в самом Ялуторовске. Это дом местных крестьян К. «Забойка», которую только что проехали, принадлежит этому торговому дому, и мне говорят, что он не только ведет торговлю с Семипалатинскими степями, куда ежегодно отправляется для этого один его хозяин, но даже с Нижним Новгородом, куда ежегодно ездит другой, увозя туда до 50000 штук одних кож в сыром и выделанном виде.

И это далеко не исключение в крае; подобные крупные обороты здесь ведут и другие крестьяне и только отличаются разве от данного торгового дома тем, что он, видимо, вышел далеко из среды крестьян, так как владельцы его живут более или менее открыто, имеют прекрасное помещение, чудный при доме разросшийся сад и даже несколько рысаков, которых после я видел в беговых дрожках за селом, куда обыкновенно выезжают, пользуясь прекрасной дорожкой выгона, наездники. Здесь уже не одна нажива, а роскошь, стремление к открытой жизни, известности, хлебосольству — словом, ко всему тому, что так характеризует нашего состоятельного купца, денежного, хотя и деревенского, аристократа...

* * *

Чтобы дождаться катера на другой день утром, я должен был переночевать в этом селе, и поэтому меня привели к земской квартире, как называют вообще те дома, где обществом отводится квартира для чиновничества и вообще начальства. Это непременное условие почти каждого села и в Пермской губернии.

На этот раз меня привезли в какую-то глухую ограду, где среди нее, в стороне от улицы, стоял старинный, на две связки, дом с такими маленькими окнами, которые без слов говорили, что здесь живут единоверцы. Такие дома, такие ограды я всегда встречал почему-то, путешествуя всюду, только у староверов.

И действительно, я был прав: меня встретила старая полная старушка, которая, осведомившись, кто приехал в ночную пору, и провела меня через просторные сени в высокую маленькую комнатку. Эта маленькая комнатка словно нарочно была пристроена для подобной квартиры, тогда как рядом с ней, из тех же дверей можно было зайти в другую, чистую половину дома, которая была гораздо просторнее, но куда, вероятно, впускали хозяева не всякого, чтобы не осквернить табаком старинные образа и не менее древние церковные книги.

Но комнатка была приличной, и если выкупала чем название земской квартиры, то это тем, что на кровати ее была такая пышная перина и такая громадная подушка, что я невольно раздумывал: взбираться ли на нее или просто воспользоваться одной подушкой и лечь на чистый пол и половики, чтобы избежать известных паразитов. Но добрая старушка, оказавшаяся вдовой, успокоила меня относительно этого, и я с наслаждением погрузился в перину и заснул, вдыхая в себя аромат огородной мяты, которую старушка, вероятно, нарочно для своего начальства повесила как раз над самой подушкой на потолке, быть может, желая уничтожить этим противный запах табачников, останавливающихся в ее квартире.

Старушка была права: я прекрасно провел ночь и стал таким бодрым, чего уже я давно не чувствовал, ночуя большею частью на катере, благодаря холоду и сырости ночных осенних туманов.

Утром, когда добрая старушка подала мне самовар и я пил чай, мы более с ней познакомились. Ей очень понравился мой елисеевский коньяк, и оказалось, что нынешнее староверие вполне уже мирится с соблазнами сего света; когда есть нужда, можно перенести и такое оскорбление своему староверскому дому, как табак, что, когда следует, напротив, то можно и съездить в Ялуторовск помолиться к богатой вдове, у которой есть настоящие образа и старые церковные книги, хранящиеся где-то в подземелье.

Когда я вышел потом, после чаю и беседы, с добродушной старушкой-староверкой на берег реки, на котором стоял ее дом, то был невольно очарован красивым видом этого села, которое полукругом, следуя легкому повороту реки, раскинулось вдоль правого его берега, имея перед собой роскошную панораму зеленых лугов.

Такое местоположение я редко где встречал в своих путешествиях, оно сделало бы честь и городу. Берег был высок и обрывист, под ним у самой воды зеленели маленькие огородчики, и река, широкая, ровная Исеть, словно канал какой тихий, текла там, внизу, по песчаному ложу, спокойно уходя в зеленые луга с перекинутыми двумя высокими мостами.

Вдоль всего берега, на расстоянии более чем версты, шла неширокая красивая улочка, дальше виднелись новый, строящийся, и старый на обрыве храм, за ним снова улица и дома, и дома, пока все это не сливалось с луговой местностью вдали среди зелени и огородов.

Было ясное осеннее тихое утро, прихваченная инеем зелень лугов отливала желтыми листьями, и луга пестрели так, словно это было нарочно сделано рукой какого опытного садовника.

Народ уже с раннего утра дожидался катера, услышав про него вести, и берег пестрел, краснел разноцветными сарафанчиками и платьями женщин, которые группами стояли там и тут вдоль берега, смотря в синеющую даль.

Я пошел прогуляться вдоль этой деревенской набережной и скоро дошел до площадки, где строился новый красивый храм, и до дома местного богатого крестьянина, который придавал этой части села настоящий вид уголка города. Дом действительно был роскошный по деревне: три этажа его были изукрашены резьбой и разрисовкой, сад придавал ему настоящий городской вид, а просторный двор с каменными громадными амбарами и своей чистотой уже прямо говорил, что тут ведется крупная торговля.

Я сел на беседку против этого дома на обрыве берега и стал дожидаться, когда подойдет мой катер.

Скоро около меня сгруппировалось несколько молодых девушек и женщин, народ был опрятно одет и скромен и держался с достоинством, но, к сожалению, и сюда проникла наша немецкая мода платья, заменив наш несравненный красивый сарафан.

Но ожидать мне пришлось недолго: скоро на дальнем берегу реки у разрушенной старой мельницы тронулся народ и побежал к лугу, еще немного — до нас донеслись его крики, и скоро из-за дальнего мыса быстро выделился корпус нашего катера и быстро пошел к нам навстречу по гладкой, сегодня блестящей воде.

Этого было вполне достаточно, чтобы поднять на ноги весь берег, народ двинулся навстречу, дети с криками понеслись по берегу, и несколько минут все это бежало, шумело вдоль всего берега и села, захватывая в себя больше и больше народа. И скоро небольшой плотик моей хозяйки-староверки, куда причалил катер, был так окружен массой разноцветной шумящей публики, что, вероятно, он ни-

когда не видал ничего подобного за всю свою жизнь.

Убедившись, что теперь катер не может уже встретить на пути мели, что путь его теперь по приподнятой мельницами воде уже безопасен, я снова предоставил ему идти одному с матросами до следующей мельницы с промерами, направившись сам поскорее в следующее село Мостовское, чтобы приготовить народ для его там переправы.

Следующей мельницей была мельница у деревни Бархатовой. Та же убогая обстановка, те же поставы в амбарчиках, и тоже общественная, как и первая.

Затруднений в переправе катера не было никаких, и не успел я лично прибыть туда, как все уже было сделано, и катер направился дальше.

Село Мостовское оказалось небольшим, но оно знаменито своей осенней рыбной ярмаркой. Сюда съезжаются многие, даже тобольские, купцы с рыбой; этой ярмаркой начинаются и другие осенние ярмарки в этом крае, откуда здешняя рыба развозится в большом количестве. Отсюда эта рыба при наступлении зимы поднимается выше и выше по р. Исети и доходит до самого Урала. Кроме осенней ярмарки, здесь бывает не менее крупный торг и весной, на который даже съезжаются торгующие из г. Шадринска и Тюмени.

В тот же день я был уже в следующем селе — Кодском, настолько здесь часты села, в этом богатом промышленном бойком крае.

Это второй исторический пункт по р. Исети.

Село Кодское, или вернее Кондинское, это была Никольская заимка Кондинского монастыря на реке Оби, основанная еще в XVII веке.

Основанный в самом начале этого века на дальнем суровом севере для просвещения остяков, самоедов и вогул нынешнего Березовского уезда, он, естественно, не мог там не заниматься сколько-нибудь и хлебопашеством, не иметь других доходов как от сборов, кроме рыболовства и скотоводства, и то в самых ограниченных размерах, насколько ему позволяли там данные государями угодья. Вследствие этого он испросил в столице позволение завести свою заимку в такой местности, которая была бы, во-первых, хлебородной вполне и, во-вторых, была бы удобной для сплава этого хлеба в его монастырь и для сбора пожертвований среди православных.

В то время Исеть была уже известной рекой, где осело русское население и занялось хлебопашеством. Монастырь испросил себе позволение завести там свою монастырскую заимку, и вот мы видим здесь в конце XVII века небольшое монастырское селение с храмом, основанным и построенным монахами, которые и за-

нялись, главным образом, здесь при помощи приписных крестьян хлебопашеством, чтобы снабжать хлебом, овощами и другими съестными припасами далекий Кондинский-Никольский монастырь на реке Оби.

В народе тогда не было недостатка: только что открытая для колонизации Сибирь со своей свободой привлекала массу беглых и крепостных людей. А так как Исеть и ее долина были первыми на пути этих выходцев, удобными во всех отношениях для оседлой культурной жизни, то народ садился тут, устраивался и шел в свободные слободы, стремился в монастыри, которые некоторым образом защищали его и гарантировали его имущество и жизнь от беспокойной степной вольницы Киргизских степей.

И вот монастырская заимка населена, обрабатывает поля, строит из лесов, которых здесь была масса, барки и начинает сплавлять их по р. Исети, Тоболу, по только что пройденному нашим катером пути, по Иртышу и по Оби, нисколько не стесняясь тем, что им приходится проплыть слишком 2000 верст по незнакомым пустынным рекам, где только кой-где было можно встретить татарское и русское население, и то в ограниченном и неспокойном виде благодаря еще продолжающимся волнениям и стычкам русских войск с инородцами.

Достойный образец предприимчивости русского монаха и человека, которому ныне уже давно нет ничего подобного, который понимал, к чему он призван, который заботился о населении и оживлении пустынной Сибири, который рука об руку шел с своим правительством, делая великое государственное дело, и по заслугам пользуясь и щедротами, и вниманием государей.

Таким образом, село Кондинское, Никольская заимка, в старое время было вторым пунктом на р. Исети, который вел с Сибирью водные сообщения, быть может, даже вывозя и ввозя сюда и предметы для обмена.

Но, к сожалению, от того славного времени этого села осталось немного исторических данных: в местном Троицком храме, который был устроен на месте сгоревшего первого в 1713 году, устроенном в 1761 на сбор пожертвований Сибири, сохранились только весьма сжатые, неполные исторические записи в летописи, и то заведенной не очень давно. В местном народе тоже не сохранилось много сведений относительно первых времен существования этого села, и если есть какие-либо ценные указания относительно этой заимки, сплава по Исети, то только в летописях и бумагах Кондинского монастыря, в котором я не раз бывал, проезжая на дальний север.

Но это село вполне и ныне достойно внимания посетите-

лей: в нем старинный, прекрасной старинной архитектуры храм, украшенный даже снаружи, что весьма редко случается в селах, живописью и украшениями. Внутренность его словно еще носит что-то оставшееся от монастыря, но главным предметом любопытства в нем, несомненно, служит образ Спасителя на полотне, оставшийся еще от XVII века.

Это громадный образ, написанный темными красками на полотне, стоящий у стены храма. В пожар первого храма он чудесно сохранился, был унесенным ветром из пламени пылающего храма на небольшой бугорок недалеко от села, где и нашли его свернутым в виде трубки. Следы этого пожара еще видны на его несколько покоробившемся полотне, и местные жители приписывают ему немало знамений и в тяжелые года болезней, и в годы неурожаев и недородов хлебов и, почитая этот образ, даже учредили ежегодный крестный ход, куда его уносило невредимым от пожара.

Богатое старинное село это имеет и еще кое-что, достойное внимания, — в нем есть прекрасное народное училище и даже «пансион» для обучающихся там бедных и приходящих детей, пожертвованный в виде роскошного дома одним местным богатым крестьянином. Это уже новость для сельского края.

Длинное, растянувшееся по дороге, с двумя храмами, с богатыми постройками, крупное по оборотам своих ярмарок, это село поистине является вторым крупным в этом крае пунктом после села Исетского, с которым уже знакомы читатели.

Здесь живет такой же, как и там, богатый промышленный народ, и большинство здесь жителей издавна, кроме хлебопашества, занимается шубным делом, которое дает довольно большой заработок в зимнее пустое время.

Недалеко от села на лугах даже есть специально для этого большой шубный салотопенный завод местного крестьянина К-ва, где производится довольно крупная «забойка» пригоняемого из степи разного скота для местных ярмарок и для Урала.

Мне не удалось узнать, насколько здесь велик оборот ярмарки, но недавно устроенная «почтовая операция», род почтовой волостной конторы, прекрасно говорит об оборотах этого села, где бывают месяцы, когда переводится через эту «операцию» до 30000 рублей в месяц.

Эти «почтовые операции», устроенные в Тобольской губернии, довольно удобны для таких краев, которые имеют крупную торговлю и в то же время удалены от городов и почтовых контор благодаря своему местоположению не на трактах. Чрез них можно иметь перевод до 200 рублей за раз; операции его несложны, и содержание таких контор стоит пустяки — 120 руб-

лей в год, которые обыкновенно получает волостной писарь.

Нет никакого сомнения, что эти «операции» как прекраснейший опыт войдут и в других местностях в подобном отношении в употребление, как довольно дешевый и удобный, главным образом для крестьян, почтовый пункт.

Против этого села была третья мельница, через которую должен был переправиться наш катер.

Река Исеть здесь несколько в стороне от села, и, переночевав, утром следующего дня мы отправились встретить катер, который как раз должен был подойти к мельнице в полдень.

Действительно, к 11 часам утра катер уже показался в виду, и мы встретили его, доехав спокойно на нем до самой плотины мельницы, которая на этот раз была немного лучше тех, которые мы видели раньше.

Вместо худеньких покривившихся амбаров теперь перед нами был хороший мельничный сарай, пять поставов деятельно перемалывали хлеб и в стороне на берегу был даже порядочный деревянный домик для служащих, носящий такой вид, что, видимо, здесь дело ведется уже более правильно.

Эта мельница — тоже собственность крестьян, но она на аренде у одного мехонского жителя, который и платит обществу 20 рублей за нее в год.

И здесь благодаря распорядительности волостного начальства катер не задержался долго — живо был приготовлен народом для его подъема на плотину, катер был освобожден от пара и груза и в какие-нибудь десять минут уже был по другую сторону плотины в спокойном глубоком пруду.

И этот участок от деревни Бархатовой до этого села катер прошел также безостановочно, как и раньше. Вода была хотя мало приподнята против обыкновенного уровня, но все же имела всюду не меньше пяти и шести четвертей, и только в деревне Ключиной под самым ее берегом был небольшой перекат из галек, на котором было встречено довольно сильное течение и четыре четверти глубины.

Этот перекат должен быть впоследствии расчищен.

Через два часа остановки у мельницы села Кондинского катер уже снова разводит пары в охлажденном котле и отправляется в путь к следующему селу — Терсютскому.

Это последнее село Тобольской губернии и Ялуторовского ныне уезда. Далее — граница Пермской губернии, и мы с нетерпением пускаемся в дальний путь, чтобы скорее перейти в более знакомые места этой реки Исети.

(Окончание в следующем номере).

Из Тюмени

Заимствуем из «Н.В.» корреспонденции К.Д. Носилова из Тюмени.

В Тюмени, пишет г. Носилов, я не был 16 лет и ныне не узнал этого, первого после Урала, сибирского города, так он быстро, богато разросся. Несомненно, мы богатеем и развиваемся, что можно видеть повсюду в сибирских городах. Причина этому — общий рост России, рельсовые пути, быстрое увеличение населения, развитие торговли и промышленности. В этом отношении Россия, мне кажется, подобна обычной русской крестьянской семье: сначала одиночество, пара; вместе с этим самая скромная, незаметная деятельность, затем семья увеличивается и увеличивается, и оживляются деятельность и жизнь, потом семья разрастается и делится, затем делается такой, что становится уже тесно. В России еще не ощущается этой тесноты, но деление народное уже давно началось: через Уральский хребет уже десятки лет валят сотнями тысяч переселенцы, и, наблюдая даже знакомые селения, вы можете видеть, как деревня размножается, выделяя из своих усадебных мест все новые и новые, откидывая новенькие домики на окраины и быстро расширяя деревню.

Также быстро разрастаются и наши города, еще недавно глухие и заброшенные, еще недавно называемые «трущобами».

Такой же «трущобой» я знал лет 25 назад и гор. Тюмень. Скромненькие постройки, полная неподвижность улицы и только одни блестящие золотыми крестами красивые храмы. Теперь храмы, с развесистыми душистыми летом липами, как бы спрятались за высокие новые строения, и по улицам выросли многоэтажные дома, предъявившие право на внимание.

Царская, главная, улица, где еще 25 лет назад, мне рассказывали, не только благодаря колоссальной грязи находили галоши, разную обувь, но даже погибших в ней людей, вероятно, попавших в пьяном виде в грязную кашу, ныне неузнаваема: вся обстроена, словно по рисунку, громадными красивыми зданиями, представляющими чудный проспект, нижние этажи все заняты богатыми магазинами, улица давно вымощена и представляет в этом отношении уголок Петербурга, а залитая ночью электричеством, уже совсем местами переносит в эту северную столицу.

* *Печатается по*: Вестник Западной Сибири. 1914. №32. С. 2.

Со мной в этот город приехал петербуржец. Он был, казалось, в большом недоумении, почему-то считая Тюмень сибирским городом даже и в отношении построек. «Представьте, я не ожидал видеть ничего подобного, это тот же наш российский город, в нем все есть, что только полагается ныне для города: театр, большие общественные здания, электричество, богатый выезд, даже кинематографы...». Но он был еще более удивлен, когда мы на другой день стали объезжать Тюмень и увидали чуть не целые дворцы в виде красивых особняков самой роскошной постройки.

Когда я бываю в Тюмени, я всегда посещаю могилу первого сибирского митрополита, известного просветителя дикарей Филофея, чтимую местными жителями, перед которой беспрестанно служатся литии. Ныне я удивился, что обитель эту стало не видно. Ее загородило громадное здание с красивым фасадом в виде колонн на р. Туру. Оказывается, новое украшение города — техническое училище, выстроенное местным жертвователем Колокольниковым и стоящее жертвователю 200 слишком тысяч. Так умеют оставлять по себе память и сибиряки!

На третий день я посетил местного видного общественного деятеля и оригинала — своего рода местную знаменитость.

Это г. Текутьев — крупный благотворитель и деятель, создавший свой театр, убивший за свою жизнь полмиллиона на народное образование, устроивший и свою больницу для города, и бухгалтерские классы, откликающийся на всевозможные общественные городские нужды и ныне устраивающий ремесленное и техническое училище в 150000 рублей. Болгарин по происхождению, сын крестьянина с. Локти, где тоже им устроена роскошная ремесленная школа, научившийся самоучкой грамоте, двенадцати лет убежавший от отца в Тюмень в поисках другой, более деятельной и разумной жизни, которая дала ему миллионное состояние.

Теперь это уже старик 82 лет, но еще бодрый, живой, всем интересующийся и на все откликающийся со свойственной ему живостью ума.

Будучи совершенно одиноким в семейном отношении, он окружил себя голубями и в них, видимо, находит утешение. Их тысяча в его дворе, они свободно летают по его просторным и светлым комнатам, и шелест их крыльев, воркование их всюду, кажется, что-то говорят особенно чуткому сердцу человека.

Я посетил его на второй день нового года и нашел у него массу телеграмм от его почтенных почитателей: от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Л. Гондатти, от тобольского губернатора Станкевича и многих других, таких же почтенных, лиц Сибири и России, спешивших поздравить этого восьмидесятилетнего старика, помнящих его повсюду в России.

Мы богатеем. Это богатство всюду проскальзывает в жизни, нас окружающей, но если кто быстрее идет вперед — то это, несомненно, Сибирь.

Как видит читатель, она успевает во всех отношениях, и это очень и очень отрадно отметить.

*Жабынский механический и судостроительный завод в Тюмени**

Необыкновенное развитие грузового движения на сибирской железной дороге было поражающим фактом не только для всего общества, но даже и для лиц, хорошо знакомых с условиями страны и с ее экономическим развитием. Аналогичное явление, впрочем, имело место и ранее в жизни Сибири, если мы вспомним историю развития пароходства по рекам как Восточной, так, в особенности, Западной Сибири. Даже само правительство скептически отнеслось к предложению Мясникова, возбудившего в 1838 г. ходатайство о предоставлении ему десятилетней привилегии на пароходство по рекам Оби, Иртышу, Енисею, Лене, их притокам и по озеру Байкалу. Правда, дело в первое время подвигалось туго; только с 60-х годов пароходство сделало видные успехи, и было открыто сообщение между Тюменью, Томском, Семипалатинском и Ачинском. В 1872 году было уже двадцать пароходов, плавающих по рекам Западной Сибири. Кроме инициатора дела Мясникова, пионерами в дальнейшем развитии сибирского пароходства были А.Ф. Поклевский-Козелл, И.С. Колчин и И.И. Игнатов. Услугами пароходства в Сибири стали пользоваться не одни частные лица, но и правительство — для перевозки войск, переселенцев, арестантов и др. Пароходовладельцы развивали дело на свой риск и страх, не домогаясь никаких гарантий и субсидий от казны, даже в критическое для них время.

Напротив, сама казна, пользуясь пароходным сообщением по рекам Западной Сибири, имела значительные выгоды вследствие сокращения времени в пути арестантов, переселенцев и других расходов.

Печатается по: *Рогозинский П.А.* **Жабынский механический и судостроительный завод в Тюмени.** — Екатеринбург: Типография газеты «Уральская жизнь», 1901. — 13 с.

Вместе с тем стало развиваться торговое, грузовое движение в поражающих размерах: например, по Иртышу 12—15 лет тому назад сплавлялось разного груза не более сотни-другой тысяч пудов, а ныне одного хлеба по этой реке идет свыше четырех миллионов пудов, за исключением, конечно, последних двух лет, когда пришлось везти хлеб обратно в Сибирь ввиду неурожая. Соответственно увеличивалось и число пароходов. По данным, собранным начальником иртышского участка инженером И.М. Бельским, интересно проследить время постройки пароходов, плавающих по рекам Западной Сибири. В период времени с 1870-го по 1874 г. было построено всего 11 пароходов; с 1879 г. не проходит года, чтобы не строилось несколько пароходов; в 1891 г. было построено 8, а в 1892 году уже 25 пароходов; в 1893 г. было построено 23 парохода, а с 1894 г. постройка пароходов сокращается вместе с развитием грузового движения, которое переходит на Сибирскую железную дорогу так же, как и перевозка войск, арестантов, переселенцев, пассажиров и пр.

Развитие пароходства по рекам Западной Сибири неизбежно отразилось на судостроительном деле. Почти все пароходы выстроены в Сибири на возникших здесь верфях, а механизмы делались в местных заводах и мастерских. В 1872 г. близ Тюмени известной фирмой «Курбатов и Игнатов» был построен большой механический и судостроительный завод, приобретший скоро большое значение в дальнейшем развитии пароходного и механического дела в Сибири.

«Ермак» об авторе

50-летний юбилей П.А. Рогозинского

5 мая исполняется 50-летие журиальной работы одного из тружеиников прогрессивной столичной и провинциальиой печати — Петра Александрович Рогозинского, в настоящее время заведывающего редакцией издающейся в Тюмеии газеты «Вестник Западиой Сибири».

П.А. Рогозинский начал свою деятельность в знаменательную эпоху начала шестидесятых годов прошлого столетия, когда освободительные реформы двинули Россию на широкий путь светлой, свободной жизни. Он принимал

История постройки этого завода интересна и не лишена некоторой поучительности. Когда представитель фирмы И.И. Игнатов обратился с просьбой к тюменскому городскому управлению о предоставлении для постройки завода в аренду участка земли близ города, то просьба его не только не нашла поддержки, но вызвала такое враждебное отношение, что Игнатов был вынужден приискать место для завода в шести верстах от города на крестьянской земле, и, таким образом, беднейшие обыватели города лишились обеспеченного и хорошего заработка. Ныне рядом с заводом, получившим название Жабынского, разросся целый поселок, обыватели которого образовали главный контингент мастеровых и рабочих завода.

Мы имели возможность осмотреть этот действительно замечательный и по размерам своим единственный в Сибири завод.

Местность для завода выбрана удачно, на красивом изгибе р. Туры; на берегу реки раскинуты здания завода, среди которых возвышается монументальный большой каменный корпус мастерских. Почти половину нижнего этажа огромного здания занимает механическое отделение, снабженное различными станками: токарными, долбежными, сверлильными и др., на которых производится отделка и пригонка различных частей механизмов. Тут же происходит и самая сборка паровых машин. Здесь мы видели находящуюся еще в работе паровую машину в 80 пар. сил, весьма тщательной отделки, а также две небольшие вертикальные машины в 12 сил каждая и два паровых штурва-

«Ермак» об авторе

участие во множестве периодических изданий, работал в «Новостях», «Голосе», «Порядке», «Неделе», «Сыне Отечества», «Пчеле», «Котлине», «Гдовско-Ямбургском листке», «Петербургском листке» и многих других журналах и газетах и в течение более двадцати лет издавал и редактировал совместно с ученым моряком адмиралом Рыкачевым пользовавшуюся в морских кругах широкой известностью газету «Кронштадтский вестник». В этой газете помещал свои стихотворения проживавший в то время в Кронштадте известный поэт С.Я. Надсон, с которым П.А. Рогозинский находился в дружеских отношениях.

Масса статей и рассказов, принадлежащих перу П.А., затеряна на столбцах различных органов периодической печати. В Тюмени им написана драма «Сброшенные оковы», отличающаяся большими сценическими достоинствами и прекрасным языком, сыгранная в Тюмени, несмотря на цензурные урезки и слабый состав исполнителей, с большим успехом.

Последние 16 лет П.А. Рогозинский работал в Сибири, сотрудничая в сибирской и уральской прессах, именно: в «Урале», «Уральской жизни», «Ирбитском ярмарочном листке», «Сибирской торговой газете» и др. Поселившись в Тюмени, П.А. Рогозинский

ла. Все эти машины и штурвалы изготовлены заводом для продажи. Рядом с мастерскими большое кузнечное отделение на 12 горнов, с двумя паровыми молотами в 45 и 90 пудов и три подъемных крана. Горны работают посредством особо ус-

---

поставил себе задачей создать в Тобольской губернни прогресснвную, обслужнвающую нужды Зауралья газету. По его мыслн н участнн в 1906 году в Тюменн возникла первая большая в Тобольской губерннн газета «Голос Снбнрн». Однако эта газета просуществовала всего несколько месяцев. Админнстратнвные кары заставнлн эту газету переменнть несколько названнй н, наконец, совсем прекратнться. В 1910 году в Тюменн же П.А. Рогознн-скнй начал нздавать свою ежедневную газету «Снбнрская новь», но общественно-полнтнческая реакция того времени сразу сказалась на нзданнн, хотя газета была н содержательна, и прогресснвна, однако общество отнеслось к ней нндифферентно н через два месяца по недостатку матернальных средств «Снбнрская новь», к сожалению, прекратила свое существование.

Но эта неудача не ослабнла его энергнн, и прн его блнжайшем участнн в Тюменн возннкает новая большая газета «Вестник Западной Сибнрн». П.А. становнтся деятельным членом редакцнн этой газеты, которой н посвящает все свон снлы, отдаваясь своему любнмому труду, можно сказать, с полной самоотверженностью.

Кроме журнальной ннвы, П.А. Рогознмскнй был однм нз деятельнейшнх земскнх работнмков, состоя мно-

троенных вентиляторов. Все станки приводятся в действие паровой 30-сильной машиной. Отопление завода паровое. Чугунные лестницы, железные фермы и пр. обеспечивают завод в пожарном отношении. Воздух благодаря высоте мастерских и отличной вентиляции прекрасный даже при значительном числе рабочих. Не только механическая мастерская, но и все другие здания, как-то: больничка, школа, квартиры служащих и пр. — все освещается электричеством.

В этом же здании помещаются мастерские и слесарная для изготовления медных труб и других медных изделий, и чертежная с большой световой поверхностью. Литейная мастерская расположена рядом в особом здании, в ней три вагранки: на 90, 300 и 900 пудов металла, подвижной кран на 800 пудов и тигельная печь. Далее, на дворе завода находится огромное деревянное здание для разбивки чертежей строящихся судов в натуре, рядом огромный сферический, весь из железа, сарай для сборки котлов и других громоздких предметов, с машинами для склепки, пробивания дыр, резания и пр.

Сборка корпусов пароходов, барж и других судов производится на открытом воздухе. Необходимый материал для постройки заготовлен на заводе в огромном количестве; на заводе и на берегу реки высятся целые штабеля бревен всех размеров, из коих изготовляются палубные, обшивные и др. доски на устроенной при заводе паровой лесопилке, снабженной круглыми и вертикальными пилами с движущимся механизмом. Лесопилка приводится в действие па-

«Ермак» об авторе

го лет председателем Гдовской земской управы и гласным Петербургского земского собрания, стремясь развить и поставить на должную высоту медицину и народное образование. Понимая огромное значение для Сибири введения земских учреждений, П.А. Рогозинский во многих сибирских газетах печатал статьи, в которых доказывал необходимость для Сибири земства, основанного на широких демократических началах.

Испытанные в продолжение полувековой работы на поприще русской журналистики неприятности, разочарования, материальные лишения не ослабили энергии, и Петр Александрович, глубоко убежденный в силе и великом моральном значении печати, не сошел с пути и продолжает работать столь же неутомимо, сохраняя ясность духа, спокойствие и глубокую веру в лучшее светлое будущее.

Издающаяся в Ново-Николаевске газета «Сибирская новь» посвятила юбиляру теплую и горячую статью. Автор статьи совершенно справедливо говорит: «50 лет газетной деятельности! Целых полвека проработать в прогрессивных газетах в условиях русской действительности. Прогрессивная русская печать носит на своем челе терновый венок и 50 лет работы в ней — это скромный, но большой юбилей.

ровой машиной в 65 сил, которой также работает раструсная в пять поставов мельница, построенная для населения заводского поселка и окрестных селений.

В особенных зданиях помещаются склады железа и других металлов, а также и для изготовленных вещей. Один корпус отведен для хранения вещей, выработанных специально для продажи; здесь мы видели паровую машину в 25 сил, несколько пожарных помп, кранов и множество разных других механизмов, изготовленных на заводе для пароходов, фабрик и заводов. Все склады содержатся в образцовом порядке.

Мы могли бы, собственно, этим и закончить описание Жабынского завода, но должны с удовольствием остановиться на учреждениях, хотя не относящихся непосредственно к заводской деятельности, но глубоко симпатичных само по себе: это больничка, школа и часовня. Содержание школы и больнички ложится вполне на заводской бюджет. Больничка помещается в особом здании, на 10 кроватей, под постоянным наблюдением заводского фельдшера и надзором городового врача. Тут же небольшая аптечка. Заводская больничка по своему устройству напоминает образцовые сельские больницы с прибавкой электрического освещения. Рабочие завода и окрестные крестьяне пользуются не только медицинской помощью, но и лекарствами бесплатно.

Образцово обставлена и заводская школа, которой администрация завода имеет право гордиться заслуженно. В школе в трех отделениях учатся до

«Вестиик Западной Сибири», по весьма поиятиым причииам, ограиичился о предстоящем юбилее иебольшой скромной заметкой. Мы можем отнестись объективиее к полувековой работе П.А. Рогозинского и с полным беспристрастием отметить предстоящий 5 мая его юбилей, как выдающееся событие в области нашей печати.

Такой юбилей — это праздиик печати и вместе с тем праздник всего общества, интересам которого служит печать.

Приветствуя уважаемого Петра Александровича с полувековым юбилеем его иеустаиной, честной работы иа поприще русской журиалистики, мы выразим глубокую увереииость, что тюмеиское общество отнесется к юбиляру с сочувствием и своим теплым участием отметит этот выдающийся и знамеиательный в жизни юбиляра деиь.

С чувством полиого удовлетворения мы должиы отметить, что тюмеиское городское общество в лице группы гласиых, бывших в собраиии Тюмеиской городской Думы 24 апреля, уполиомочило городского голову П.И. Никольского прииести в деиь юбилея, 5 мая, П.А. Рогозиискому поздравление и выразить благодарность за разработку в местиой прессе общественных вопросов.

Ермак. 1913. №18.

Портрет *(Ермак. 1913. №19).*

100 детей заводских рабочих и местных крестьян. Большое красивое школьное здание, напоминающее помещичий дом, расположено среди березовой рощи. Классные комнаты большие, высокие и светлые, здесь же и квартиры учительниц, положению которых могут позавидовать многие из сельских учительниц даже лучших земских школ. Все школьное здание освещается электричеством. При училище заведены на средства владельцев завода ученические и народные библиотеки, последняя более чем из 1000 томов. Для учеников из дальних селений отведено помещение для ночлега.

В одном из заводских зданий устроена часовня с иконой Божией Матери в богатой серебряной ризе и великолепной резной раме, сооруженной на средства рабочих завода.

Замечательную особенность Жабынского завода составляет то, что он представляет среди наших русских заводов счастливое исключение и с самого своего основания обходится без иностранцев; не только все рабочие, но и мастера, механики, управляющий завода — все русские. Во главе завода очень долгое время находился замечательный механик-судостроитель И.Я. Капитанов. В настоящее время делами завода управляет Г.Г. Игнатов, а техническою частью заведывает инженер-механик Н.Н. Сухих.

Жабынский завод посетил в 1897 г. проездом чрез Сибирь наш известный ученый-моряк адмирал С.О. Макаров. Беседуя с автором настоящей статьи о своих сибирских впечатлениях, адмирал очень сочувственно отзывался о заводе и, между прочим, выразился, что он никак не ожидал найти в Сибири столь образцово поставленный механический и судостроительный завод.

И действительно, Жабынский завод оказал большую услугу в деле развития сибирского пароходства, не говоря уже о других исполненных им работах для заводов и фабрик в Сибири и на Урале.

Кроме множества барж и мелких судов, на заводе было построено 57 пароходов с машинами и котлами, в том числе построено 8 пароходов для Министерства путей сообщения, а именно: пароходы «Тюмень», «Тобольск», «Зайсан», «Ирбит», «Павлодар», «Бийск» и «Томск».

Своим успехом и значением в деле пароходства и развития сибирской торговли завод, конечно, более всего обязан главному представителю фирмы «Курбатов и Игнатов» И.И. Игнатову, который встретил, в новом еще в Сибири тогда деле, поддержку и сочувствие со стороны бывшего генерал-губернатора Западной Сибири И.И. Казнакова. Несомненно, что Игнатов, хорошо знакомый

с положением сибирского судоходства и экономическими условиями края, широкой постановкой дела на рациональных началах содействовал быстрому развитию торговых сношений Сибири, в особенности по реке Иртышу. По его следам пошли и другие предприниматели. Понижение стоимости перевозки товаров благоприятно отразилось на благосостоянии населения.

Ныне, с проведением Сибирской железной дороги, в значительно степени сократилась доставка грузов по рекам Западной Сибири, главным образом, благодаря искусственным тарифам, и почти прекратилась перевозка пассажиров, переселенцев и арестантов, почему пароходство в Сибири переживает период упадка. Конечно, упадок этот составляет временное, переходящее явление, тем более что разрешение вопроса о морском пути в Сибирь должно увеличить деятельность судоходства по ее рекам. Развитие экономической жизни Сибири идет вперед столь быстрыми шагами, что о продолжительном кризисе или застое в пароходном деле на могучих сибирских реках едва ли и может быть речь. Ввиду такого положения завод в последнее время, кроме потребностей пароходства, усилил выработку других машин, механизмов и предметов общего требования, как-то: для фабрик и заводов, для оборудования маслоделательных заводов, лесопилен, мельниц и пр.

При дальнейшем развитии в Сибири заводской и фабричной промышленности Жабынскому заводу предстоит хорошая будущность.

Фото Жабынского механического и судостроительного завода в Тюмени воспроизводится из книги С. Кубочкина «Тычковка, Сараи, Потаскуй...»

Сергей Николаевич КУБОЧКИН родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях.

В 2002 году вышла книга «Тычковка, Сараи, Потаскуй...».

Постоянный автор журнала «Лукич».

Генерал Казнаков — просветитель Тюмени

1879 год в истории нашего города ознаменован открытием первого среднего учебного заведения. 15 сентября начались занятия в Тюменском реальном училище. Оно стало одним из лучших средних учебных заведений не только Сибири, но и России. В стенах Тюменского Александровского реального училища учились впоследствии известные всей России нарком Л.Б. Красин, оперный певец А.М. Лабинский, писатель М.М. Пришвин.

В краеведческой литературе основание Тюменского реального училища связывается лишь с именем тюменского купца и городского головы Прокопия Ивановича Подаруева, потратившего на строительство здания для училища астрономическую по тем временам сумму — около 200 тыс. рублей[1].

Однако считаем справедливым назвать еще одного человека, без участия которого учреждение и финансирование Тюменского реального училища оказалось бы вряд ли возможным. Это генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадьевич Казнаков[2].

[1] По некоторым источникам сумма превышала 200 тыс. руб.

[2] Николай Геннадьевич Казнаков (1824-1885) происходил из дворян Тверской губернии. Окончив курс Императорской Военной академии с Большой серебряной медалью в 1847 г., служил в Генеральном штабе. В 1850-53 гг. состоял адъюнкт-профессором тактики в Военной академии. С 1853-го по 1861 гг. состоял при Великом князе Владимире Александровиче. В 1858 году был зачислен в свиту Александра II. В 1861 г. назначен начальником штаба отдельно-

С именем генерал-адъютанта Казнакова, сменившего в 1875 году на этом посту А.П. Хрущева, связано открытие многих учебных заведений в Западной Сибири. Это Омская мужская классическая гимназия (1876), Томское реальное училище (1877), Омская женская прогимназия (1877), Омский пансион для детей казачьих офицеров и чиновников (1877), Тюменское реальное училище (1879), Томский университет (1880).

В книге «Путешествие в Западную Сибирь» О. Финш писал: «В короткое время своей деятельности генерал Казнаков, при объезде подведомственных ему губерний и путем различных распоряжений, сделал более для процветания Западной Сибири, чем кто-либо из его предшественников, и притом по всем отраслям управления».

Знакомясь с новым местом своей службы, генерал-губернатор Казнаков в июне 1875 года посетил Тюмень. Осмотрев город, имевший значительно развитую промышленность, богатое тюменское купечество, он, при обсуждении потребностей города, высказал мнение, что «Тюмени по ее сравнительному с другими городами материальному положению необходимо иметь у себя мужскую гимназию, которая, представляя непосредственную выгоду гражданам воспитывать детей своих у себя дома и с сохранением значительной экономии в средствах сравнительно с теперешним образованием их по другим городам, подготовляла бы способнейших из них к поступлению в предполагаемый уже правительством местный Сибирский университет».

Предложение генерал-губернатора нашло «полнейшее сочувствие» тюменского общества, необходимость которого сознавалась и прежде многими в Тюмени.

Генерал Казнаков еще находился в Тюмени, когда городским головой А.И. Иевлевым

го Гренадерского корпуса. В 1864-66 гг. занимал должность киевского губернатора. По ходатайству бердичевского городского общества Казнакову было присвоено звание почетного гражданина Бердичева «за оказанное этому городу попечение во время существовавшей в таковом эпидемической болезни холеры». Деятельность Казнакова высоко оценивал Н.М. Ядринцев. «Он совершенно очаровал меня... Я был в восторге, что нашел администратора, который так живо интересовался сибирским вопросом», — писал Н.М. Ядринцев. Время управления Западной Сибири Казнаковым он называл «выдающимся управлением». Казнаков был одним из учредителей (1877) и первым покровителем Западно-Сибирского отделения Императорского Российского Географического общества, долгие годы являвшегося центром научной и культурной жизни Омска. В 1880 г. Казнакову было присвоено звание почетного гражданина Омска. До революции одна из улиц города носила его имя. С 1881 г. Казнаков — член Государственного Совета. Умер Казнаков в С.-Петербурге 12 февраля 1885 г.

для осуществления этого благого дела был объявлен сбор денег по подписке. В течение нескольких дней было собрано 12 тысяч рублей.

Потомственный почетный гражданин тюменский купец Прокопий Иванович Подаруев в присутствии генерал-губернатора Казнакова выразил желание за свой счет построить здание гимназии согласно составленному для этой цели проекту с тем, чтобы город приобрел место, необходимое для устройства гимназии.

П.И. Подаруев добавил, что «при приискании обществом места для гимназии нелишне было бы обратить внимание на следующие, по его мнению, удобные места у частных владельцев: первое место П.И. Мотягина, занятое в настоящее время помещением почтовой конторы вместе с местом кондитера Руппа, и второе место — наследников Пелымской с местом священника Знаменской церкви».

Для окончательного выбора места под строительство городская Дума избрала подготовительную комиссию из гласных, в которую вошли Ф.С. Колмогоров, Е.А. Котовщиков, С.Г. Гилев, А.Г. Гласков, Н.Г. Чмутин, А.К. Глазунов и А.К. Шитуков.

Комиссии поручалось, при участии П.И. Подаруева, «остановив окончательно свой выбор на какой-либо местности города, получить от владельцев земель письменное удостоверение о согласии их на продажу таковых городу».

Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков

Выбранное место для гимназии с окончательным заключением комиссии должно было быть представлено на обсуждение городской Думе.

Тем временем, пока в Тюмени обсуждалось место расположения будущего учебного заведения, генерал-губернатор Казнаков, рассмотрев ходатайство тюменского городского общества об учреждении в Тюмени реальной гимназии, обратил внимание Тюменской городской Думы, что «наименование гимназии на основании существующих законоположений при-

сваивается исключительно учебным заведениям, где преподаются древние языки, а потому проектируемое Тюменскою городскою Думою заведение должно носить название не гимназии, а реального училища».

В Тюмени согласились с доводами генерал-губернатора и было решено учредить реальное училище. На его содержание было определено 20 тыс. рублей в год. Однако, как оказалось, училище училищу рознь.

На основании Устава реальных училищ от 15 мая 1872 г. они могли быть учреждаемы в составе шести, пяти, четырех и даже двух классов, а пятые и шестые классы реальных училищ могли состоять или из 2-х отделений: основного и коммерческого, или же из одного из этих отделений. Наконец, при одном из отделений мог быть учрежден еще один высший дополнительный класс с несколькими отделениями.

Таким образом, городской Думе предстояло определить: какое реальное училище предполагается учредить в Тюмени, а затем уж подавать ходатайство. Причем в ходатайстве необходимо было отразить, сколько именно из общей суммы, необходимой на годичное содержание училища, Дума принимает за счет городских средств, а сколько просит отнести за счет казны.

Первоначально, не найдя средств в городском бюджете на вновь открываемое реальное училище, гласные стали искать источник финансирования. Лишь после продолжительных и бурных дебатов было найдено решение.

Из 30880 рублей, необходимых ежегодно на содержание реального училища, было решено «принять на счет городской кассы ежегодно десять тысяч руб. сереб., каковую сумму вносить в городские сметы по утверждении и открытии училища».

Тюменская городская Дума поручала городскому голове «ходатайствовать перед правительством об учреждении в гор. Тюмени 6-классного реального училища с 2-мя отделениями в V и VI классах, основным и коммерческим и высшим дополнительным классом с тремя отделениями — общим, механико-техническим и химико-техническим, с тем, чтобы открытие первых трех классов было разрешено по возможности в непродолжительном времени, до постройки дома для реального училища в частном доме».

Избранный к тому времени городским головой П.И. Подаруев в свою очередь пообещал, что «к постройке здания для реального училища он, городской голова, приступит с апреля 1878 г. и вполне окончит постройку в течение 3-х лет»*.

Еще в 1876 году на Александровскую площадь стали свозить для будущего строительства кирпич, лесоматериалы. Об этом

* ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 168.

свидетельствует фотография неизвестного фотографа, сделанная с колокольни Знаменской церкви. Оригинал фотографии находится в Государственном архиве Тюменской области. Он передан туда на хранение С.С. Гилевым и датирован, видимо, ошибочно, 1883 годом. Задолго до написания настоящей статьи этот снимок наводил на размышление: почему на фотографии, датированной 1883 годом, нет здания реального училища, открытого в 1879 г. После изучения документов того периода стало ясно, что открытие реального училища и строительство здания для него хотя и общие, но все же совсем разные истории.

По всей видимости, в том же 1876 году и были снесены строения целого квартала, занятого впоследствии зданием реального училища.

31 мая 1877 г., в день сорокалетия посещения Тюмени тогда еще наследником престола цесаревичем Александром, при большом стечении народа была произведена закладка здания реального училища. Процедуру закладки запечатлел екатеринбургский фотограф Н. Терехов.

План постройки здания реального училища был утвержден тобольским губернатором 5 сентября 1877 г., по смете затраты на строительство составляли 111657 руб. 8 коп.

С наступлением теплых дней строительство учебного корпуса училища началось.

27 мая 1878 г. на обсуждение гласных Тюменской городской Думы городским головой Подаруевым был вынесен вопрос о возбуждении ходатайства о присвоении звания почетного гражданина г. Тюмени генерал-адъютанту, генералу от инфантерии, генерал-губернатору Западной Сибири Николаю Геннадьевичу Казнакову.

В начале заседания городской голова зачитал телеграм-

Вид на Александровскую площадь

му, пришедшую 3 мая на его имя от генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова, в которой говорилось, что получено Высочайшее разрешение «устроить в г. Тюмени реальное училище».

Отдав должное Высочайшей милости, гласные, тем не менее, не забыли, что инициатором учреждения реального училища был все же генерал-губернатор Казнаков.

В журнал городской Думы было записано: «...первая мысль о необходимости устройства в нашем городе среднего учебного заведения, первая забота о духовном возрождении нашего потомства принадлежит всецело г. генерал-губернатору Западной Сибири генерал-адъютанту Николаю Геннадьевичу Казнакову, припомним, что три года тому назад он первый подал нам настоящую мысль, достиг правительственной субсидии на содержание нашего училища и увенчал воплощение на деле заветной мысли испрошением Высочайшего разрешения».

Осуществлением устройства в Тюмени реального училища генерал-адъютант Казнаков, по мнению городского головы, «усвоил себе святое право на благодарность нашу и наших потомков».

Поэтому городской голова П.И. Подаруев посчитал, что «единственным средством и общедоступным выражением чувств благодарности нашего Тюменского общества за заботы и ходатайства об устройстве в Тюмени реального училища» было бы просить Николая Геннадьевича «принять звание почетного гражданина г. Тюмени».

Городская Дума поддержала предложение городского головы и постановила: по прибытии в Тюмень генерал-губернатора Западной Сибири Николая Геннадьевича Казнакова просить его «принять звание

с колокольни Знаменской церкви (1876)

почетного гражданина города Тюмени и в случае изъявления на это согласия... войти с ходатайством по принадлежности».

Принял ли звание почетного гражданина Тюмени генерал-губернатор Казнаков или нет, неизвестно. Документов, подтверждающих утверждение его в этом звании, найти не удалось. Скорее всего, почетным гражданином Тюмени он так и не стал, потому что несколько позже вопрос о выражении благодарности генерал-губернатору за реальное училище поднимался повторно и касался учреждения стипендии имени Казнакова.

В связи с приближающимся открытием реального училища обстановка в городе несколько накалилась. Уже миновала середина июля 1879 года, а временные помещения для училища были еще не только не готовы, но и даже не определены. Озабочены этим обстоятельством были не только городской голова, гласные, но и главный инспектор училищ и генерал-губернатор Западной Сибири. Дело усугублялось тем, что на тот момент еще не прибыл в Тюмень вновь назначенный директором Тюменского реального училища Иван Яковлевич Словцов.

Ввиду приближающегося времени открытия училища и неприбытия «лица, назначенного директором этого учреждения, который бы озаботился надлежащим приспособлением потребных для заведения помещений», большую часть забот по подысканию помещений под училище взял на себя городской голова Подаруев.

Он лично «входил в соглашение с владельцами и арендаторами более или менее удобных зданий для найма под помещение училища». Городскому голове под временное занятие реальным училищем были предложены:

а) дом купца Шешукова с платой по 500 руб. ежегодно;

б) купцом Иваном Войновым бывший дом Канонникова, с платой по 400 руб. в год;

в) дом иностранца Руппа с платой по 300 руб. в год;

г) дом Колесникова, арендуемый Высоцким, с платой по 300 руб. в год.

В вопросе выбора подходящего помещения городская Дума всецело положилась на городского голову П.И. Подаруева, доверив ему самому осмотреть предложенные дома и, по прибытии в Тюмень директора реального училища, совместно принять окончательное решение. Срок найма помещений должен был определить П.И. Подаруев как жертвователь здания под училище.

По прибытии в Тюмень директора училища И.Я. Словцова был объявлен набор учеников. Тюменская газета «Сибирский листок объявлений» 10 августа 1879 г. поместила объявление: «Прошения об опреде-

лении детей в Тюменское реальное училище могут быть подаваемы директору этого училища, квартира которого в доме купца Масловского. Директор училища И. Словцов».

Занятия в училище начались 15 сентября, но так пока и неизвестно, в каком же здании проходили занятия первого учебного года Тюменского реального училища.

Через два дня после начала занятий, 17 сентября 1879 г., в Тюмень пришла телеграмма от государя императора: «Весьма радуюсь открытию реального училища в Тюмени, желаю ему преуспеяния... Александр».

Присутствовавшему в это время в Тюмени тобольскому губернатору было заявлено о желании тюменцев увековечить «в новом заведении драгоценного имени великого милостями государя императора, об удостоении Тюменского реального училища наименования «Александровским». Об этом было телеграфировано сразу генерал-губернатору Западной Сибири, который в ответ просил тобольского губернатора передать городскому обществу, что с этим пожеланием тюменцев он войдет с ходатайством в установленном порядке.

В этот же день, 17 сентября, городским головой Подаруевым на обсуждение гласных Думы был вынесен вопрос о благодарности генерал-губерна-

Закладка здания Александровского реального училища 31 мая 1877 г.

тору Казнакову, первым высказавшему мысль о необходимости устройства в г. Тюмени среднего учебного заведения и который «при испрошении Высочайшего разрешения на открытие реального училища достиг правительственной субсидии на содержание училища 19680 рублей».

П.И. Подаруев предложил учредить «в оном училище стипендии имени Его Высокопревосходительства».

По этому поводу некоторыми из гласных было заявлено, что «устраиваемое потомственным почетным гражданином П.И. Подаруевым каменное здание для реального училища есть богатая жертва, и по сему, кроме учреждения стипендии в честь Его Высокопревосходительства, следует учредить стипендии и в честь почтенного жертвователя П.И. Подаруева».

Общее количество стипендий на право обучения учеников бедных родителей было определено двадцатью, из них 10 — имени генерал-адъютанта Н.Г. Казнакова и 10 — строителя здания, потомственного почетного гражданина городского головы П.И. Подаруева.

Первоначально необходимую сумму на стипендии (за каждого бедного ученика по 15 руб. в год) некоторыми из гласных предлагалось выделять из городского бюджета.

Однако согласно Городовому Положению 1870 г. городские средства могли быть употребляемы по усмотрению городской Думы на всякие предметы тогда лишь, когда удовлетворяются все потребности, исполненные в 139 ст. этого Положения. Таким образом, стипендии оказывались в зависимости от состояния городского бюджета.

На период рассмотрения этого вопроса городские сметы представляли «недостаток доходов против расходов до 39 тыс. руб.» и, кроме того, существовал значительный долг города перед некоторыми учреждениями. Тогда и было предложено некоторыми из гласных «образовать капитал на учреждение стипендии посредством подписки».

Лишь через неделю городская Дума приняла постановление: «в знак глубочайшей признательности общества господину генерал-губернатору Западной Сибири генерал-адъютанту Николаю Геннадьевичу Казнакову за его просвещенное ходатайство по учреждению в г. Тюмени реального училища, а также и почтенному жертвователю, строителю здания училища П.И. Подаруеву, учредить в Тюменском реальном училище стипендии генерал-губернатора Казнакова и почетного гражданина Подаруева за право учения бедных учеников». Городской управе поручалось открыть подписку на составление капитала для уплаты процентов на стипендии беднейшим ученикам.

Здание Александровского реального училища. Фото начала XX в.

Прошел год. Строительство здания реального училища, шедшее быстрыми темпами, завершалось. Городской голова Подаруев торопил строителей, всем хотелось второй учебный год начать уже в своем собственном здании.

И вот 30 августа 1880 г. городской голова П.И. Подаруев объявил в собрании городской Думы, что «сегодня последовало освящение возведенного им здания Тюменского Александровского реального училища». Городской голова даже отпросился с заседания городской Думы, передав председательство заступающему место городского головы Н.И. Давыдовскому.

На следующий день, 31 августа, состоялся прием здания реального училища, для чего генерал-губернатором Западной Сибири в Тюмень был командирован чиновник особых поручений по технической части. От городской Думы присутствовали уполномоченные при составлении акта о приемке здания. Так реальное училище начало свой второй учебный 1880-1881 год в новом великолепном здании.

Американский путешественник Дж. Кеннан, побывавший в Тюмени в 1885 г., так описал Тюменское Александровское реальное училище: «учебное заведение представляет собой научно-техническую школу наподобие Технологического института в Бостоне. Она занимает самое большое и красивое здание в городе — солидный двухэтажный особняк

Первый выпуск учеников Александровского реального училища (1884). В первом ряду— И.П. Лепехин (второй слева), И.Я. Словцов (третий слева)

из кирпича, крытый белой штукатуркой, по размерам почти вдвое больший, чем резиденция президента в Вашингтоне. Здание это было возведено и оборудовано всем необходимым на средства одного богатого и патриотически настроенного тюменского купца и обошлось ему в 85 000 долларов. Это его дар городу.

Такую школу едва ли где найдешь в Европейской России, не говоря уже о Сибири; собственно, если поискать и подальше, то такую школу не найдешь даже в Соединенных Штатах. В ней есть механическое отделение с паровой машиной, токарными станками и различными инструментами; физическое отделение, снабженное точными приборами, включающими даже телефоны системы Белла, Эдисона и Долбера и фонограф; химическая лаборатория, оборудованная столь совершенно, что ничего подобного я прежде не видел, если не считать Бостонский технологический институт; отделение рисования и черчения; хорошая библиотека и прекрасный музей — в последнем среди прочего хранятся 900 видов полевых цветов, собранных в окрестностях города. Словом, подобной школой мог бы гордить-

ся любой город такой же величины в Соединенных Штатах»[3].

Тогда Тюменское реальное училище отвечало мировым образовательным стандартам, а его выпускники могли продолжить свое образование в высших учебных технических заведениях.

В те годы в Тюмени могло появиться еще одно учебное заведение, и инициатором этого выступал тот же генерал-губернатор Н.Г. Казнаков. Во время своего очередного приезда в Тюмень в мае 1879 г. он предложил тюменскому обществу учредить здесь мореходные классы.

Дело в том, что в 1875-76 гг. шведский мореплаватель Норденшельд в целях разведки Северного морского пути прошел из Европы через Карское море в устье Енисея и вернулся обратно.

С российской стороны несколько удачных экспедиций, снаряженных в 1877-79 гг. коммерции советником А.К. Трапезниковым, также способствовали возросшему интересу сибирских, в частности тюменских, купцов к торговле с Западной Европой напрямую.

Именно поэтому, предвидя, что «явится потребность в лицах, которым безопасно можно было бы вверять вождение не только речных, но даже и мореходных судов, как парусных, так и паровых», и предложил генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков тюменскому обществу учредить в Тюмени мореходные классы.

В присутствии генерал-губернатора пароходчик И.И. Игнатов тут же выразил «готовность пожертвовать для сих классов принадлежащий ему дом, бывший Гуллета».

Тогда же состоялось собрание лиц, заинтересованных как в развитии торговли с Западной Европой посредством морского пути, так и вообще в торговых оборотах и судоходстве. Лишь некоторая часть присутствующих посчитала учреждение таких классов преждевременным, большинство же высказалось в поддержку этой инициативы.

Но, как почти всегда бывает в реальной жизни, не нашлось одного — денег. Городская Дума, сознавая полезность учреждения в Тюмени мореходных классов, однако, признала, что не может «по городскому бюджету с дефицитом более 39 тыс. рублей, ассигновать суммы на содержание классов».

Так Тюмень потеряла возможность стать кузницей кадров для речных и морских судов и считаться родной гаванью для будущих штурманов и шкиперов дальнего плаванья.

[3] *Д. Кеннан.* Сибирь и ссылка. С.-Петербург: БЛИЦ, 1999.

Сергей Григорьевич ПАРХИМОВИЧ родился 23 сентября 1955 г. в г. Тавда. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Работал директором школы, научным сотрудником археологической лаборатории УрГУ, зам. директора по науке ТОКМ им. И. Словцова, директором Ханты-Мансийского окружного музея. В настоящее время — археолог-эксперт Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района. Интересы — история русского освоения Западной Сибири XVII—XVIII вв.

Постоянный автор журнала «Лукич».

«Янгал-маа»:
много шума из ничего

В последние годы в краеведческой литературе часто пишут о полузабытом сибиряке М.П. Плотникове, авторе нашумевшей поэмы «Янгал-маа»: «Необычное произведение. Таинственный автор» (Ю. Переплеткин. Многолюдная тундра.//Лукич. 2000. №2. С. 20); «Одна из самых загадочных фигур в истории литературной Сибири первой половины XX века. Это имя должно быть вписано золотыми буквами в историю Севера» (*В. Огрызко*. Сибирский самородок.// Князев В.В. Плотников М.П.: Избранное. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 316).

Такие отзывы, несомненно, способны заинтриговать всякого, кто еще не слышал ни о Плотникове, ни о его главном творении — «Янгал-маа», в котором, по словам автора, «из отдельных, разрозненных былин, сказок, сказаний и шаманских песен вогулов» — «нового вогульского эпоса» сложено цельное повествование о деяниях «богатыря-освободителя вогульского народа» — мадура Вазы.

Реанимацией поэмы, изданной в 1933 году, и всплеском интереса к личности ее автора мы в немалой степени обязаны издательству «СофтДизайн» (переиздание 1998 г.). Своеобразный вклад в это дело внесла восемью годами ранее и нижневартовская писательница М. Анисимкова, выпустившая в Омске книгу «Янгал-маа» («Тундра») — «вольную обработку в прозе мансийского поэтического эпоса». В 2000 году

во втором номере журнала «Лукич» был опубликован последний, сокращенный автором вариант поэмы, которой была предпослана упомянутая выше статья Ю. Переплеткина. И, наконец, в трех номерах «Лукича» (№№ 5–6 за 2000 г. и № 1 за 2001 г.) было почти полностью напечатано так называемое «Дело о расстреле», извлеченное из архива по просьбе Лукича (человека, а не журнала) тюменским краеведом А. Петрушиным. Последняя публикация позволяет узнать многое о личности «таинственного автора» и его драматическои судьбе и в то же время дает ключик к решению загадки создания поэмы.

На фоне приведенных выше восторженных оценок поэмы «Янгал-маа» журналистами и литературоведами особенно заметно безразличие фольклористов и этнографов. Обычно эти исследователи буквально на вес золота ценят каждую крупицу информации, но «Янгал-маа» их не взволновала. Может быть, по каким-то причинам это произведение выпало из поля их зрения? Нет, дело не в этом. По крайней мере в 30-х годах этнографы и фольклористы откликнулись на выход в свет поэмы «Янгалмаа». Правда, вскоре полностью утратили к ней интерес. Причина проста: профессионала трудно обмануть.

Одним из первых читателей вышедшей в свет в 1933 году поэмы «Янгал-маа» (издательство «Academia») был выдающийся советский исследователь-угровед, этнограф, археолог и фольклорист Валерий (а не Валентин, как назвал его В. Огрызко) Николаевич Чернецов. К тому времени он провел среди манси около 10 лет. На лодке, оленях и пешком он добирался в самые глухие уголки Зауралья, от Нижнего Тагила до Северной Сосьвы и далее до Ямала. Среди коллег Чернецов уже заслуженно пользовался авторитетом знатока мансийской культуры и языка (в 1932–1933 годах были изданы три его учебника для начальной школы на мансийском языке). Валерий Николаевич пользовался уважением у манси и ханты Северного Зауралья, среди которых он был известен как Лозум хум («Человек с Лозьвы», член рода лозьвинских манси). Среди разнообразных этнографических материалов, собранных В.Н. Чернецовым в экспедициях начиная с 1925 года, были и фольклорные тексты, которые он опубликовал в 1935 году в книге «Вогульские сказки». Кто, как не он, был способен наиболее объективно и адекватно оценить «Янгал-маа» с научной точки зрения? Так вот Чернецов, не найдя в поэме ничего достойного внимания исследователя, довольно сдержанно отметил, что она далека от мансийского фольклора. В дальнейшем он к этому вопросу не воз-

вращался, а развернутую критику недостатков «Янгал-маа», видимо, посчитал излишней. По существу, сами тексты «Вогульских сказок» с авторскими комментариями и стали наглядным примером, демонстрирующим отличие подлинного мансийского фольклора от поэтического повествования Плотникова.

С мнением Чернецова оказались солидарны и другие его современники, а в последующие годы, вплоть до наших дней, исследователи мансийской культуры и истории просто игнорировали «Янгал-маа» как потенциальный научный источник.

С возвращением имени М.П. Плотникова и его главного творения широкому читателю вновь были подняты вопросы о научной и литературной значимости поэмы и вкладе автора в дело изучения мансийского фольклора. К приведенным выше их оценкам следует добавить некоторые высказывания В. Огрызко, с которыми, на мой взгляд, трудно согласиться. Так, он считает, что с именем Плотникова связаны ***«многие проблемы***(?) мансийского фольклора и литературы», а сама поэма «вошла в сокровищницу мировой литературы». Первое положение верно лишь отчасти: проблема одна — отношение поэмы к подлинному фольклору. Попытаемся разобраться в ней, для чего обратимся к собственно тексту (варианты 1933 и 1946 годов) и к творческой биографии ее автора, поведанной им самим следователям НКВД.

Начнем с поисков фольклорной основы текста. Для этого достаточно проанализировать словарь мансийских(?) терминов и названий, которыми М.П. Плотников обильно снабдил поэму. По утверждению автора, он двенадцать лет (с 1912-го по 1927 гг.) «в дымных юртах, землянках и берестяных чумах по берегам безымянных рек» (у манси каждый ручеек имеет свое название, — ***С.П.***) записывал по крупицам «вогульскую сагу», рожденную «в эпоху покорения русскими Сибири». За эти годы он, безусловно, должен был досконально изучить и быт, и обычаи, и язык народа, и, естественно, его фольклор. Во всяком случае в «Напутствии» к поэме Плотников с благодарностью «вспоминает» своего «учителя вогульского языка» шамана Кутоню (отметим, такое имя нехарактерно для манси). В обширной статье «Вогульский эпос», предпосланной изданию 1933 года, автор поэмы оговаривает, что она не является точным переводом вогульской саги, но он старался сохранить ***«возможную точность оригинального текста».*** Насколько автору удалось решить эту задачу, а также насколько мастерски он овладел мансийским языком и познал

культуру таежного народа, можно судить по тексту поэмы.

Сразу оговорюсь, что ничего из обещанного им в тексте обнаружить не удалось: ни знания мансийского языка и культуры, ни «точного» перевода, ни даже следов «оригинального текста». Напротив, в словаре Плотникова, представляющем собой чудовищную смесь мансийских, хантыйских, ненецких, русских, татарских названий и имен, доля первых ничтожно мала. Вдобавок многие названия искажены или переведены весьма вольно. Некоторые слова и имена похожи на неологизмы, выдаваемые за аборигенную лексику.

Заметно преобладают слова хантыйского происхождения: мадур — «богатырь» (*хант.* — урт, матур; *манс.* — отер), сог — «налим» (*хант.* — сох — «коща», «осетр»), содып — «ножны» (*манс.* — сипаль), небак — «бумага» (*хант.*), йермак-охзам — «шелковый платок» (*хант.* — йермак-охчам), котлег — «солнце» (от *хант.* хотал?), вож — «городок» (у манси — ус, уш) и др. Гораздо реже встречаются ненецкие названия: хальмер-седе — «сопка мертвецов», пензер — «шаманский барабан» (вообще-то, барабанов у аборигенов Западной Сибири никогда не было, речь идет о бубне, который манси называли неизвестным Плотникову словом «койп»), сядай — «идол».

Именно мансийских слов в поэме буквально единицы, да и те зачастую трудноузнаваемы: вуяньчх — «медведь» (уй-анчх — буквально «звериный старик»), йенгпе — «месяц» (вообще месяц — «этпос», форма «ёнхп» встречалась не у сосьвинских, а у кондинских манси), паул — «селение», яный — «большой» (правильно — «яных»), ойка — «старик», пупы — «священная» (точный перевод слова пупых — «дух, идол»), тернинг-ери — «былина» (тарнинг эры — «военная песня»), маа — «земля» (правильно — «ма»), янгал — «холодная» (янг — «болото»), хум — «человек», олып — «богатырь».

Целый ряд слов неясного происхождения: кватын — «лебедь» (может быть, от хант. «хотенг»), кониек — «самка северного оленя», кхонна — «олень», кур — «очаг» (у манси олень — «сали», у ханты — «вели», очаг у манси — «щовал, чувал»), заут — «звезда» (у манси звезда — «сов»), сяньгум — «бабушка, старуха» (у манси бабушка — «сянь, щань, эква», у ханты — «ими, имиль»), сиком — «мать-кормилица»(?!).

Та же картина наблюдается в географических названиях и именах персонажей. Уральские горы Плотников почему-то называет исключительно по-хантыйски — Кеу (правильно — «Кев»), тогда как манси зовут их Нёр. Рекой Белого Горностая он именует Сосьву (название

происходит из языка коми — «Рукав-река»), опять используя хантыйское слово сос — «горностай» с вольным добавлением определения «белый». Название другой реки у Плотникова — Ксента — не имеет близких по звучанию аналогов ни на Урале, ни в Западной Сибири, является просто изобретением автора.

Слабое знание мансийской мифологии Плотников демонстрирует в именах и характеристиках персонажей: верховного бога Торума он отождествляет с его сыном Мир-Сусне-Хумом (в его версии имя звучит гораздо значительнее за счет удвоения согласных — «Мирра-Сусна-хумм»); двух разных персонажей Мухора (у манси — Махор — «Земляной бык») и Вэса (водяное чудовище) он превратил в гибрид — Мухор-Вес; заурядного лесного духа, великана менква, возвысил до уровня главного злого божества (форма имени «мейк», скорее всего, заимствована из статьи В. Шаврова «Краткие записи о жителях Березовского уезда», опубликованной в 1871 году); мифическую лесную деву мис-нэ, доброго духа, приносящего охотникам счастье, Плотников обратил в толстую русалку(!) Мюсснэ и «выдал замуж» за Мейка.

Возвеличенный до вселенских масштабов Мейк — «злое божество, демон вогульского Олимпа» (по Плотникову) — занял место божества Нижнего мира — Куля, который то ли был неизвестен автору «Янгал-маа», то ли он просто решил уволить его за неказистое имя (вспомним обещанную в «Напутствии» «возможную точность передачи оригинального текста»). Вообще, образ Мейка по ходу замысловатого сюжета поэмы претерпевает довольно значительные метаморфозы. Сначала он именуется «Отцом великим Маа», который был «ко всем сердечно ласков», а в его очах «отражалась радость жизни, радость светлого рожденья». Затем он превратился в «злого ойку», носителя смерти, и начал творить разные бесчинства: открыл тропинки русским, зажег тайгу, паули, разорил кумирни (святилища), задушил оленей и в конце концов разошелся до того, что вызвал на бой всех богов, включая Торума. Далее этот божественный сгусток зла преобразился в благородного спасителя девицы Ючо, отобрав ее, приговоренную к смерти вогулами и верховным судьей Шубным Старцем (медведем), попутно унизив традиционно почитаемого священного зверя перед народом. Похоже, Плотников сам так и не определился в отношении к своему супергерою. Однако всякому человеку, мало-мальски знакомому с мифологией и традиционной религией манси, ясно, что ни в старом, ни в «новом» (якобы открытом Плотниковым) во-

гульском эпосе подобный конфликт совершенно немыслим.

Очередным неудачным изобретением М.П. Плотникова является и «Птица Таукси Великая». Ни в мифологии манси, ханты, ненцев и селькупов, ни в их сказках не встречается подобный персонаж — огромная жар-птица, охраняющая вход в Царство Смерти. Хотя в фольклоре обских угров есть сказочная птица Карс, образ величественный и достойный внимания автора «Янгал-маа». Возникает закономерный вопрос: слышал ли Плотников о Карсе, а если слышал, то почему предпочел ему чуждый для аборигенов Западной Сибири образ и имя «самопального» изготовления?

При внимательном чтении поэмы становится очевидной несостоятельность ее автора и в описаниях быта таежных аборигенов, что никак не вяжется с представлением о человеке, двенадцать лет прожившем среди вогулов в «дымных чумах».

Так, свою героиню Ючо, незамужнюю девушку, Плотников называет эквой, что неприемлемо, так как это слово у манси означает «женщина, жена, старуха». Не знает он и разницы между чумом и «юртой» (избой), поэтому Ючо бегает по чуму от безумного Лачи и затем падает на нары, а Ваза подкрадывается к ***чуму*** Мейка, когда тот спит на ***нарах в юрте*** (ну не бывает в чуме нар!). Манси сидят «тесным кругом у чувала» — трудно представить такое зрелище, так как чувал (очаг каминного типа) всегда стоял в углу избы, примыкая вплотную к стенам. В тундре у Плотникова шумит лес дремучий и растут незабудки, лютики и маки(?!). Хантыйское «йир» означает кровавую жертву богам или духам, а в «Янгал-маа» это безобидная тряпка, повешенная на дереве над жертвой. Шаман Кукса начинает свою песню «под удары барабана» и «под напев свирели нежной». Такие музыкальные инструменты не были известны ни манси, ни их ближайшим соседям...

Примеры некомпетентности и неразборчивости Плотникова в описаниях быта, природы и деяний героев можно продолжать и далее, но, думается, приведенных уже достаточно.

Вообще, легкость и непринужденность обращения Плотникова с малознакомым ему предметом поразительны. По сути, он, собрав интернациональную (хантыйскую, мансийскую, ненецкую, селькупскую и русскую) лексику и такого же происхождения фольклорные образы, произвел некий гибрид, равно далекий как от мансийской культуры, так и от культур других этносов Урала и Западной Сибири.

Таким образом, анализ лексики и образов поэмы позволяет усомниться в утверждениях ее автора о существовании в ее основе каких-либо фольклорных

текстов, якобы записанных им у манси и сведенных в цельное повествование. Не убеждает в этом и его статья «Вогульский эпос», где он характеризует «открытый» им «новый, послерусский(?!) вогульский эпос». В ней Плотников пересказывает содержание «Янгал-маа», попутно объясняя явное преобладание в ней слов немансийского происхождения и присутствие чужеродных образов сплочением перед общим врагом — русскими и смешением между собой остяков, вогулов и самоедов, а также и их фольклора.

Примечательно, что никто из этнографов, работавших среди манси до Плотникова и вплоть до наших дней, не записал ни одного сюжета, близкого к эпизодам из «Янгал-маа», не отмечено также и пресловутое смешение эпических сюжетов!

Все вышесказанное вполне убеждает в том, что перед нами — грубая и неумелая фальсификация, которую Плотников осуществил, начитавшись доступной ему этнографической и исторической литературы. Перечень авторов, чьи труды он использовал, ограничился в основном фамилиями, приведенными в его статье: Г. Новицкий, С. Патканов, К. Доннер, Л. Третьяков. К ним можно добавить В. Шаврова, Кастрена или Эрмана (именно и только у них встречается форма имени «мейк» и трактовка этого лесного духа как верховного злого божества). При написании последнего варианта поэмы (1946 г.) Плотников узнал и имя В.Н. Чернецова: в последней главе он упоминает чернецовскую «Лавинтане манси книгу» («Книгу для чтения» на мансийском языке, изданную в 1933 году).

Как же, в таком случае, относиться к утверждению Плотникова о том, что он лично собирал фольклор среди сосьвинских(?) манси в течение двенадцати лет — с 1916 по 1927 годы? Если этот факт действительно имел место, то он должен был отразиться в поэме (знание языка, обычаев, быта, природы), но ничего подобного мы в ней не обнаружили...

Окончательно решить эту загадку «таинственного автора» помог решить он сам, подробно, помесячно рассказав следователю НКВД свою биографию (см. упомянутую выше публикацию «Из дела о расстреле»).

Выяснилось, что трудовую деятельность Михаил Павлович начал в декабре 1913 года в качестве «корректора редакции «Сибирская новь» в г. Новосибирск». Затем последовала череда «кочевок» по городам Сибири: 1914–1918 гг. — Омск (консультант по вопросам с/х на Омской железной дороге и «член коллегии контроля Омской ж/д»); 1918–1919 гг. — г. Камень («инструктор по с/х при Правлении Каменьского союза кооперативов»); 1919 (июнь — декабрь) — Красноярск («агроном

по Северному сельскому хозяйству при Губернской земской управе»); до июля 1920 г. — секретарь редакции газеты «Красноярский рабочий»; 1920—1921 гг. — «Туруханский край», Енисейск (зав. городским музеем); июнь — ноябрь 1921 г. — г. Новосибирск (зав. общим подотделом конторы «Сибуголь»); ноябрь 1921 г. — июль 1924 г. — Чита (нач. Туземного отдела при Министерстве национальных дел ДВР, затем ученый секретарь Туземного подотдела Дальревкома); июнь 1924 г. — июль 1925 г. — Чита (секретарь редакции газеты «Забайкальский таежник»; сентябрь 1925 г. — август 1929 г. — Новосибирск (сотрудник газет «Советская Сибирь», «Советский гудок», а также газет гг. Ачинска, Томска, Щегловска и ***Тюмени***); сентябрь 1929 г. — сентябрь 1931 г. — зоотехнический пункт на р. Турухан; февраль 1932 — июль 1937 гг. — Хабаровск (специалист по оленеводству при КрайЗУ)...

Как видно, в эти годы Плотников был далек от Урала и Нижнего Приобья. Какой вариант биографии Плотникова соответствует истине — вопрос излишний: дотошные следователи проверяли каждое слово, и любая неточность могла повлечь за собой соответствующие последствия. Кстати, на допросах он еще дважды внес коррективы в собственную биографию. В личном листке по учету кадров с его слов было записано, что он учился в Томском реальном училище с 1901-го по 1908 год, там же указывалось, что в 1913 году он закончил ***сельскохозяйственный(?) политехнический институт в Риге.*** Однако Михаил Павлович признался, что в училище учился с 1905 по 1912 гг., а в 1913 году стал всего лишь выпускником одногодичных с/х агрономических курсов при Томском университете, получив «среднее общее образование и среднее агрономическое с уклоном животноводческим по крупному и мелкому скоту». На вопрос о причинах этих расхождений он ответил: «это неправда — ложь ...почему так получилось, объяснить не могу». Нетрудно заметить, что передвижка сроков учебы в училище понадобилась ему, чтобы высвободить несколько лет для «обучения» в рижском вузе; на другом допросе он добавил: «В этом была ***цель честолюбия***». Высшее образование он получил оригинальным образом: «...мною зимой 1913 года в С.Х.Политехнический институт г. Рига посылалась работа по методике экстерьерных промеров Северного оленя, откуда летом 1914 года получил положительный отзыв, следовательно, это послужило началом...». Там же Плотников сообщил, что литературной деятельностью он начал заниматься в 1914 году в Омске, а в ***1921***(!) году «получил письмо от Алексея Максимовича Горького, в котором он вспомнил

обо мне и советовал ***продолжать начатую мною поэму»*** (речь идет о «Янгал-маа»).

Последнее обстоятельство косвенно указывает на то, что первый вариант поэмы был написан задолго до 1933 года. Более того, как выяснилось недавно, «Янгал-маа» была впервые опубликована еще в 1916 году в журнале «Сибирские записки» (см. письмо зав. Красноярским литературным музеем А.В. Бродневой Ю. Мандрике. — «Лукич». 2000. Ч. 4. С. 160). Таким образом, время написания поэмы укладывается в 1914-й (начало литературной деятельности) — 1916 годы.

Вчерашний «реалист» и «свежеиспеченный» животновод вполне обошелся без фольклорных мансийских текстов, а легенду о мнимом путешествии к вогулам и трогательный образ столетнего шамана Кутони он сочинил, видимо, специально к изданию 1933 года. Автор «Янгал-маа» оказался достаточно талантлив, чтобы убедить в своем «открытии» эпоса людей, малосведущих в мансийском фольклоре и культуре.

Что побудило Плотникова прибегнуть к фальсификации: природное тщеславие, жажда славы первооткрывателя (желание повторить научный подвиг С. Патканова?), «цель честолюбия»?

Судя по отзывам общавшихся с ним людей, он ради пущей важности любил напустить тумана вокруг своей личности. Мог присочинить красочные детали своей биографии, представиться сыном лесопромышленника, рассказывал своим детям об экспедициях в приполярные районы и Монголию, «участии в первых перелетах на Север с известными полярными летчиками», о работе начальником управления Севера ДВК... Известный писатель Всеволод Иванов оставил краткий словесный портрет М. Плотникова: «...Пенсне. Английский пробор. Синий пиджак и порты, в боковом кармане пиджака — алый кончик платка. Был в Америке, Англии и Германии, учился в университете. Умен, ***вдобавок мошенник...»*** *. Последнюю фразу один из почитателей творчества Плотникова — А. Коровин — при цитировании на всякий случай сократил до первого слова (А. Коровин. «Карено, он же Плотников» // Уральский следопыт. 1999. № 2), но она весьма показательна, т.к. свидетельствует о том, что Иванов при знакомстве с Михаилом Петровичем почувствовал в том какую-то фальшь, хотя в целом поверил легенде.

Видимо, склонность к такого рода мистификациям и неосторожные заявления политического характера в застольных беседах (см. материалы из «Дела о расстреле») и привели Плотникова к аресту и репрессированию в 1938 году (вышел из зак-

* Литературное наследство Сибири. Т. 3. Новосибирск, 1971. С. 301.

лючения в 1943 году, а в 1991 году был реабилитирован). Его обвиняли в пропаганде идей фашизма и попытках дискредитации советского строя, принадлежности к областничеству и участии в контрреволюционной организации, ставившей цель отделения Сибири от Советской России...

Ко всему этому следует добавить, что пресловутая травля автора «Янгал-маа» со стороны критиков в деле не фигурирует. Причины и повод для ареста и обвинений были иными. Поэтому по меньшей мере странным выглядит заявление В. Огрызко в статье «Сибирский самородок» о том, что В.Н. Чернецов в предисловии к «Вогульским сказкам» «к сугубо научной полемике добавил несколько политических обвинений» (нет там никаких обвинений, нет и полемики — не о чем было ученому полемизировать, да и не с кем!), тем самым приложив руку к аресту Плотникова. Кстати, Чернецов, вопреки утверждению того же автора, и не думал «раз и навсегда отказаться от занятий мансийским фольклором», после «короткой отсидки в 1938 году»(?) и переключаться на «более безопасную» археологию. В этом можно легко убедиться, ознакомившись со списком научных работ этого выдающегося этнографа и археолога (см. А. Омельчук. «Рыцари Севера». Свердловск. 1982; Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987).

Думается, всего вышесказанного достаточно, чтобы согласиться с чернецовской оценкой поэмы М.П. Плотникова «Янгал-маа»: она действительно далека от мансийского фольклора и не имеет никакой научной ценности. Все присутствующие в ней фольклорные мотивы и аборигенная лексика заимствованы из научной литературы, главным образом — из работ С. Патканова, посвященных так называемому героическому эпосу ***ханты***. Поэтому относиться к ней надо как к художественному произведению и ставить не в один ряд с «Илиадой», «Одиссеей», «Калевалой», а где-то рядом с «Песней о буревестнике», которой Плотников, судя по стихотворному размеру (что-то близкое к пятистопному хорею), и подражал (вспомним одобрительный отзыв Горького, если он действительно был). Конечно, вольному воля, апологеты «Янгал-маа» могут по-прежнему восхищаться незаурядным талантом ее создателя и тиражировать сюжет в различных переложениях (в прозе, стихах, живописи...), ставить спектакли, рок-оперы, балеты и т.д... Но надо уважать и традиционную культуру мансийского народа, создавшего изумительные по красоте и неповторимые по колориту мифологические и эпические произведения, которые, на мой взгляд, являются более достойным источником творческого вдохновения, нежели псевдофольклорная поэма.

Метка в виде бляхи

Общеизвестно, что в старой России имелось множество так называемых должностных знаков. Должностной знак, как правило, имел на себе разъяснительную надпись, по которой можно было узнать название должности. Носили знаки на одежде во время выполнения его владельцем служебных обязанностей. Знатоки утверждают, что появились должностные знаки в XVIII веке. Наибольшее распространение получили во второй половине XIX века. До последнего времени не существовало ни одного каталога или справочника, по которым можно было бы определить тот или иной должностной знак. В 1993 году в издательстве «Хронос» увидела свет книга Г. Мельника и М. Можейко «Должностные знаки Российской империи». В этой книге предпринята первая научная попытка обобщения материалов. Авторы прямо заявляют, что книга «...не может претендовать на исчерпывающую полноту и безупречность...». Хочется надеяться, что описание двух новых знаков в какой-то мере поможет авторам в повторных изданиях книги.

Знак ямщика (предположительно, начало XIX в.) Бляха. Диаметр 80 мм. Латунь, луженная с лицевой стороны.

Лицевая сторона: в центре круга горизонтальная, в две строки, надпись: «Тюменскаго тракта».

Оборотная сторона гладкая. В верхней и нижней частях знака имеются отверстия для крепления его к одежде.

Этот знак — явно изделие местных мастеров. Он изготовлен вручную, надпись сохранила следы разметки мастера, буквы не всегда четки и правильны. Известно, что «знаков, изготовленных в центре, всегда не хватало, а порой с самого начала рассылалась инструкция об изготовлении знаков на ме-

стах». Напротив, второй знак имеет все признаки изготовленного в центре, по заказу Министерства путей сообщения.

Знак «Казенная подвода» (вторая половина XIX в.). Бляха. Размер 52х8 мм. Латунь. Лицевая сторона: в центре в две строки прорезные буква (Д) и номер (50). По овалу надпись: «Казенная подвода. М·П·С·».

Оборотная сторона гладкая. По сторонам знака имеются парные круглые отверстия для крепления его к одежде. Интерес представляет и тот факт, что обе бляхи найдены в Тюмени, где, как известно, был один из известных центров обитания ямщиков и отливки поддужных колокольчиков.

Автор обращается ко всем читателям «Лукича» с просьбой представить имеющиеся у них материалы по подобной краеведческой тематике в редакцию журнала.

*«Партизанская война» Сеньки Хорова**

Однажды в лагерь повстанцев Казыма около озера Нум-то приехали двое людей. К тому времени уже прошло дней десять, как повстанцы расправились с пятью русскими начальниками. Все это Ксенофонт Хоров со своим сыном Николаем уже знали от повстречавшихся им на пути Молдановых — Семена Васильевича и Андрея Петровича-большого. Ехали они к своим друзьям, составившим здесь, в Нум-то, на Ворна-Ню-

*Этот очерк молодого тюменского историка Алексея Пиюкова посвящен драматическим событиям в судьбе коренного населения Обь-Иртышского Севера — национальному вооруженному сопротивлению в начале 30-х годов политике разрушения традиционного уклада жизни северян и насильственного внедрения социалистических отношений.

рыме, костяк руководящего органа — «думы».

Встретили их в чуме Николая Михайловича Молданова, где обсуждался вопрос продолжения начавшегося восстания. Молдановы — Андрей Петрович-хромой и Иван Яковлевич-старший, а также Иван Андреевич Ерныхов предложили вновь прибывшим отправиться эмиссарами в сторону Сургутской, Ямальской и Пуровской тундры с целью привести оттуда как можно больше туземцев (как ханты, так и ненцев) в лагерь повстанцев Казыма. Получив такое задание, Хоровы К.И. и Н.К. через два дня вернулись на реку Ими-Еган, что в Тром-Аганском тузсовете Сургутского района. Вообще-то Хоровы (отец с двумя сыновьями) жили на реке Ляпин Березовского района, но весной 1933 года, узнав, что их хотят арестовать русские, перекочевали в пределы Тром-Агана.

...Чужая душа — потемки: Ксенофонт (Сенька) Хоров хотел куда большего, чем от него ожидали вожди Казымского восстания. Он сам мечтал быть одним из лидеров этого выступления и потому постарался даже превысить полномочия, данные ему «думой». С этой целью в январе 1934 года он с семьей перекочевал на реку Вын-Парын-Еган (Большой Пур), что около озера Пяко-то, на то самое место, где уже устроились семейства казымцев Лозямовых, Захаровых и Вагатовых, также скрывающихся от репрессий (Лозямовы, к примеру, после переизбрания послушного русским состава тузсовета в декабре 1931 года откочевали из Ильбигорта в верховья реки Хетти, а оттуда в марте 1933 года в район озера Пяко-то). Установив с ними хорошие отношения, Хоров дней через двадцать — двадцать пять после своего приезда вместе с Василием Захаровым отправился на поиски лесных ненцев рода Пяк, проживающих около озера Пяко-то.

Они навестили чум Пяк Алико пси, где вместо хозяина их встретил Пяк Коман, рассказавший про то, что заведующий Пуровской разъездной факторией Ануфриев и уполномоченный уголовного розыска Надымского райотдела милиции Мурашов

На основе документальных материалов из архива Регионального управления ФСБ по Тюменской области автор впервые в местной исторической науке показал Казымское национальное восстание 1933—1934 годов как цепь нескольких локальных выступлений экономического, политического и уголовного характера. В отличие от других историков нового поколения Пиюков не идеализирует и не оправдывает противоборствующие стороны. Его выводы совпадают с правовой оценкой тех далеких и трагических событий: их организаторы и активные участники не реабилитированы.

Александр Петрушин,
заместитель начальника Регионального управления ФСБ России по Тюменской области.

арестовали ненца-кулака Пяк Наймо и держат его на фактории. Впрочем, лесные ненцы тоже не сидели сложа руки. На второй день после этого ареста в чуме Пяк Лыкопчу (Аликопси) состоялось собрание туземцев во главе с Пяк Хаселемо (Оселюмо). Оно приняло решение послать к Сеньке Хорову шесть делегатов. Это были Пяк Аликопси, Пяк Оселюмо, Пяк Чучеля, Пяк Ална, Пяк Силла, Пяк Талико. Они должны были передать Хорову просьбу о помощи. Вот так и на озере Пяко-то, как и на озере Нум-то, повстанцы добились объединения под своими знаменами и казымских ханты, и лесных ненцев (там — рода Вылла, здесь — рода Пяк). Сама жизнь, (а точнее политика Советской власти) толкала их в объятия друг друга.

Встреча произошла в чуме Ксенофонта Хорова. Обсуждение сразу же приняло конкретный характер и велось вокруг вопроса: как завлечь двух русских (Ануфриева и Мурашова) в засаду без потерь со своей стороны. Сам Хоров предложил заманить их в чум Васьки Сорума (Захарова Василия Тимофеевича), пригласив в гости. На том и порешили. Закончив обсуждение вопроса, ненцы остались ночевать в чумах ханты, а на следующий день, в сопровождении Хоровых, Ксенофонта и его сына Василия, поехали к себе. Недоезжая пяти километров до чума Пяк Ална, последние встретили Пяк Коман, который сообщил им, что в его чум приехали Мурашов и Ануфриев. Сенька Хоров, договорившись с ненцами о совместных действиях, тут же с сыном вернулся обратно. Члены его группы собрались в чуме Сорума. Васька Сорум послал свою дочь Марию Захарову известить четырех братьев Вагатовых и сына Хорова Николая. До их приезда из нарт соорудили баррикады.

Тем же вечером ненцы Пяк Касилю, Пяк Ална, Пяк Силла и Пяк Оселюмо повезли Ануфриева и Мурашова к чуму Захарова В.Т. Для расправы здесь собралось десять человек (Василий Лозямов, Дмитрий и Даниил Захаровы, сыновья Васьки Сорума, Алексей, Николай, Александр и Андрей, сыновья Вагатова Даниила Петровича, сам Хоров), вооруженных винтовками и охотничьими ружьями. Ануфриев и Мурашов приехали спустя несколько минут после появления Вагатовых и Николая Хорова. Командовать расстрелом Сенька поручил своему помощнику («Есаулу») Василию Кирилловичу Лозямову. Он и прокричал команду «Ято муй вантен эстато!» (Что смотрите, стреляйте!), и залпом из десяти ружей и винтовок оба русских были свалены на землю. При осмотре трупов у обоих были найдены револьверы, причем в одном из них не хватало двух патронов. Один пистолет взял себе Ксенофонт Хоров, второй —

Василий Лозямов. После осмотра Василий и Николай Хоровы и Николай и Александр Вагатовы отвезли трупы в лес, где и закопали под сучьями.

В ту ночь ненцы ночевали вместе с ханты, а на следующий день, попив утром чаю, устроили собрание с предложением всем вместе ехать на факторию. Собралось более двадцати человек (отказались ехать хантыйские старички Лозямов Кирилл, Захаров Василий и Вагатов Даниил, зато согласились четырнадцать ненцев, в том числе Пяк Хатетома, Пяк Талику, Пяк Силла, Пяк Ално, Пяк Оселюмо, Пяк Чучеля, Пяк Аликопси и Пяк Коман). Соединившиеся в дружном порыве ханты и ненцы решили не просто освободить находящегося в заключении на фактории Пяк Наймо, но и разграбить ее саму. По дороге они встретили зырянина, служащего фактории Ивана Пиналея, связали его и, связанного, привезли на место (по окончании грабежа его отпустили). Вскоре толпа повстанцев прибыла, наконец, на данную торговую точку. Прежде всего вновь прибывшие освободили Пяк Наймо, а у его сторожа Тухи Овуса забрали наган. Потом Сенька Хоров предложил Пяк Наймо самому убить своего сторожа, что тот ударом палкой по голове и сделал.

Сразу после убийства Алексей Вагатов нашел в одном из чумов две четырехлинейные винтовки (одну Сенька отдал Лозямову Василию, а вторую — Пяк Ална). Покончив с местью, налетчики приступили к дележу торгового имущества Пуровской фактории. Прежде всего разделили сотню оленей, принадлежащих торговой точке (пятьдесят ненцам и пятьдесят — ханты). Товары (кожа и шкуры оленей, песцы, белки, лисицы) и продукты (мука, чай, масло, сахар) на сумму одиннадцать тысяч сто тридцать восемь рублей (11138 руб.) также стали добычей повстанцев. Делили награбленное Ксенофонт Хоров и Алексей Вагатов. В награду за избежание угрозы ареста Пяк Осилюма подарил Сеньке Хорову новый неплюйчатый гусь (одежда), а Пяк Аликопси — большого белого оленя.

Сразу же после окончания дележа добычи в чуме Пяк Аликопси состоялось собрание, посвященное выдвижению руководителей. Без какого-либо намека на выборы руководством (местной «думой») были признаны Хоров Ксенофонт, Лозямов Василий и говоривший по-хантыйски Пяк Ална. Хоров выступил и сказал следующие слова: «Ну, народ, если вы нас, троих человек, выбрали в «думу», то вы должны нас и слушать. Нам нужно, ненцам и ханты, жить всем заодно, Советской власти нам не надо. Мы, богатые люди, без нее хорошо проживем, а если с нами часть ненцев-бедняков, то мы вас прокормим свои мясом, оленей для вас у нас, богатых, хватит. Пусть

русские попробуют к нам приедут, мы их так же встретим, как и первых двух. У нас сейчас сила большая. Жить нам в тундре будет неплохо. Одну факторию мы разбили, нам пока продуктов хватит, а вот когда двинемся в сторону Сургута, там еще две лавки разобьем. Советская власть нам не страшна. У нас для русских винтовок и патронов хватит».

Выступление Хорова поддержали Пяк Оселюмо, Пяк Наймо и другие. Решено было объединиться и откочевать в сторону Сургутской тундры, где между речек Тунг-Еган и Ими-Еган есть местечко Сумут Нюрым.

В марте 1934 года в местечко Сумут Нюрым съехалось 16 чумов, в которых находилось тридцать взрослых мужчин (в том числе Хоров К.И., Захаров В.Т., Вагатов Д.П., Лозямов К.Д. с сыновьями, Пяк Оселюмо, Пяк Сюселя, Пяк Силла, Пяк Наймо, Пяк Хэтэтома, Пяк Аликопси, Пяк Алма, Пяк Коман, Пяк Талику и другие). Повстанцы прожили здесь два месяца. Собрание происходило в чуме Пяк Наймо. Сенька Хоров шаманил на бубне, и духи сказали ему: власть их (повстанцев) не победит, ибо они ее с помощью «белых» прогонят. После ворожбы Хоров предложил: с началом бездорожья (когда русские не смогут передвигаться по тундре) выйти на реку Тром-Аган, разбить там факторию Омпушниной, разгромить ларек Интегралкооператива, захватить Тром-Аганский тузсовет, попутно истребляя русских и захватывая продукты и товары и, после небольшого перерыва, опустошить ларек Интегралкооператива на озере Нум-то. Вот какие грандиозные планы роились в голове Ксенофонта Хорова, когда Казымская «дума» посылала его привести народ на Нум-то.

После этого выступали Пяк Оселюмо, Пяк Наймо, братья Дмитрий и Даниил Захаровы. Все они полностью поддержали план Хорова. На следующий день состоялись «поры» (был забит 21 олень). Хоров К.И. шаманил на топоре и после сказал народу: «Вот, народ, я сейчас разговаривал с тунхом, который говорил: это хорошо, что вы, ханты и ненцы, восстали против Советской власти, и вас Советская власть не победит. Казымский народ ломает Советскую власть в Березовской тундре, а вы начните в Сургутской, возьмите сургутские лавки, разгромите Тром-Аганский тузсовет, а работников Советской власти убьем, покончим с Тром-Аганом, двинемся на Нум-то, там соединимся с нашим народом». Вскоре после проведенных «пор» Хоров уехал на разведку.

Он отсутствовал десять дней, объездил торговые точки и убедился в отсутствии на них товаров (как объяснил ему сургутский ханты Покачев, они находились на складах в юртах Ермаковых). В середине апреля 1934 года повстанцы снова со-

брали «думу», на которой присутствовали все. Сенька Хоров настаивал на набеге на юрты Ермаковы, но три ненца-бедняка (Пяк Силла, Пяк Талику, Пяк Хыллу) сказали: богачи пусть едут, а у нас продуктов нет, сейчас уже сидим голодом. После выступил Василий Лозямов: за последние два месяца он лично скормил бедноте восемнадцать голов оленей и <...> мешка муки, больше он бедноту кормить не будет (таким образом, и здесь, как и на Нум-то, главные затруднения у повстанцев были продовольственные). После этого К.И. Хоров, Пяк Ална, Пяк Оселюмо выступили снова и предложили: сейчас беднота пусть уезжает, а зимой 1935 года все соберутся снова (Сенька соберет ханты, Пяк Ална — ненцев). Так в конце концов и порешили, и на второй-третий день ненцы (а с ними и Хоровы) стали откочевывать к устью реки Вын-Парын (Большой Пур).

Далее пути наших героев разошлись и встретиться зимой 1935 года им не удалось. Семеро ненцев — активных участников выступления 11 апреля 1935 года были арестованы органами НКВД и предстали перед судом. 9–10 сентября 1935 года спецколлегия Омского областного суда приговорила Пяк Талику и Пяк Чучеля к трем годам, Пяк Хатетома и Пяк Наймо к пяти годам, Пяк Силло к восьми годам и Пяк Хаселемо (Оселюмо) и Пяк Ално к десяти годам тюремного заключения. Поймать Сеньку Хорова весной 1935 года чекистам не удалось. В марте или апреле 1935 года в его чум приехал ненец Пяк Вагатумма и предупредил, что его ищут шесть русских. Ксенофонт Хоров отправил членов семьи в лес, а сам притаился в засаде, приготовленной загодя. С шестидесяти метров он начал стрелять на поражение и десятым выстрелом свалил одного из нападавших, после чего сразу же убежал в лес, боясь быть пойманным. Однако чум и оленей чекисты тогда у него захватили.

...После сборища в Сумут Нюрым Лозямовы, Захаровы и Вагатовы откочевали в верховья реки Ингу-Еган, где прожили до ноября 1934 года. В ноябре 1934 года вместе с Захаровыми и Вагатовыми откочевали в верховья реки Варь-Еган, где прожили до мая 1935 года. В мае 1935 года все три чума снова перекочевали в верховья реки Ингу-Еган, где прожили до октября 1935 года, а в октябре 1935 года перекочевали в верховья реки Уныр-Еган. По приезде на Уныр-Еган, пригласив через Покачева сургутских ханты и ненцев, провели в чуме Лозямова Василия тайное собрание, где участвовали двадцать человек, в том числе: 1. Захаров В.Т. (Васька Сорум), 2–3. Захаровы Даниил и Дмитрий Васильевичи, 4. Вагатов Даниил Петрович, 5–8. Вагатовы Алексей, Николай, Александр и

Андрей, 9. Лозямов Кирилл Дмитриевич, 10. Покачев Илья Васильевич, 11–12. Покачевы Тихон и Николай Ильичи, 13. Покачев Петр (Ай Петька), 14. Сопочин Павел Николаевич, 15. Аликов Кузьма Николаевич, 16. Аликов Степан Кузьмич, 17. Пяк Пенеку, 18. Пяк Умучума, 19. Вылла Капаси, 20. Лозямов Василий Кириллович.

На собрании казымцы просили у сургутских ханты не выдавать их Советской власти и жить с ними заодно, а в будущей борьбе с властями помогать им. На бубне ворожил активный участник Казымского восстания Аликов К.Н., который после волшебства сказал: «Вот и хорошо, что казымцы объединяются с сургутскими ханты для совместной борьбы». Так и решили — всем действовать заодно. В честь этого на другой день провели религиозный обряд «поры», на котором принесли в жертву 21 оленя.

Октябрьские «поры» 1935 года стали последним мероприятием, организованным участниками группы Хорова. В начале 1936 года Остяко-Вогульский окружной отдел НКВД провел операцию по их «изъятию» из тундры (Сенька Хоров был арестован 29 января, Захаров Василий и Лозямов Кирилл 28 января, Василий Лозямов, Захаровы Дмитрий и Даниил 14 февраля, Хоровы Василий и Николай и Вагатовы Даниил Петрович, Алексей, Николай, Александр и Андрей 6 февраля). Кроме них, под следствием оказались два активнейших участника выступления на озере Нум-то (шаманы Кузьма Николаевич Аликов и Яков Петрович Молданов), а также пять человек сургутских ханты, содействовавших группе Хорова.

12 апреля 1936 года за это время со всех обвиняемых были сняты показания, более того, у Васьки Сорума (Захарова В.Т.) был обнаружен склад золотых монет царского и советского чекана на общую сумму свыше 1500 рублей. Кроме того, история злоключений этого человека оказалась весьма занимательной: в 1928 году он был заключен на два года лишения свободы, в 1930 году — на полтора года лишения свободы, но из арестного помещения сбежал и скрывался до 1936 года (то есть по день ареста).

27 июня начальником Омского УНКВД старшим майором ГБ Салынем было утверждено обвинительное заключение по делу (составлено 12 июня оперуполномоченным ОКРО НКВД младшим лейтенантом ГБ Костенецким и начальником ОКРО старшим лейтенантом ГБ Петровым). 16 августа 1936 года обвиняемые предстали перед судом (за исключением Захарова В.Т. и Сопочина А.И., которые в ходе следствия умерли). 21 августа выездная сессия Спецколлегии Омского облсуда в Остяко-Во-

гульске вынесла свой приговор: 1) на основании статьи 59-3 Хорова К.И. подвергнуть высшей мере наказания (расстрел); 2) на основании статей 58-2 и 59-3 Лозямова В.К. и статьи 58-2 Аликова К.Н. подвергнуть десяти годам тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет; 3) на основании статей 58-2 и 59-3 Захарова Даниила Васильевича и статьи 59-3 Хоровых Василия и Николая, Вагатова Алексея и Захарова Дмитрия Васильевича подвергнуть поражением в правах: Вагатова Алексея на 3 года (остальные без поражения в правах); 4) на основании статьи 58-2 Молданова Я.П. подвергнуть тюремному заключению на 5 лет без поражения в правах; 5) на основании статьи 59-3 Вагатовых Николая, Александра и Андрея подвергнуть тюремному заключению: первого на 4 года, второго и третьего на 3 года каждого (всех троих без поражения в правах); 6) на основании статьи 59-13 Вагатова Даниила Петровича и Лозямова Кирилла Дмитриевича подвергнуть тюремному заключению на 6 месяцев каждого.

Определение Спецколлегии Верховного Суда РСФСР от 16 сентября 1936 года оставило приговор в силе. Прокуратура Тюменской области отказала в 1989 году участникам группы Хорова в реабилитации.

Что можно сказать в заключение? В деятельности группы Ксенофонта Хорова явно различимы отблески Казымского восстания, и если последнее туземцы называли «самоедской войной с русскими», то действия людей Хорова можно смело охарактеризовать как «партизанскую войну с русскими». Во-первых, деятельность Хорова прямо вытекала из задания, поставленного перед ним Казымской «думой». Во-вторых, и здесь союзниками казымских ханты были лесные ненцы. В-третьих, в обоих случаях создавалась «дума». В-четвертых, жертвами туземцев оба раза были сотрудники карательных органов (в первом случае это был уполномоченный надымского уголовного розыска Мурашов). Важно было и то, что проблемы руководству повстанцев пришлось оба раза решать схожие (продовольственные). Кажущаяся самостоятельность Хорова не отменяет взгляд на деятельность его группы как на этап Казымского восстания, просто он хотел быть не рядовым участником, а одним из руководителей этого движения, чем и объясняется его самостоятельность. Поэтому наряду с этапами «холодной войны» (Ерныхов, 1930—33 гг.) и «самоедской войны» (Вандымов, 1933—34 гг.) мы предлагаем выделить и последний — третий этап «партизанской войны» (Хоров, 1934—36 гг.) в истории единого Казымского восстания.

«Вегетарианский» конфликт в училище Колокольниковых

В 1909—1914 годах в России выходил единственный журнал, посвященный вопросам вегетарианства и здорового питания под названием «Вегетарианское обозрение». Издавался журнал в Киеве, в его редколлегию входил В.Г. Чертков, знаменитый издатель и душеприказчик Толстого. В журнале публиковали свои статьи Лев Толстой, Илья Репин, Корней Чуковский и другие.

В 1914 году в №№ 6—9 журнал публикует «письма в редакцию» возмущенного жителя Тюмени господина Архангельского, убежденного последователя вегетарианского учения. А.В. Архангельский был одним из участников вегетарианского кружка, организованного в Тюмени в начале прошлого века. По сегодняшним меркам вегетарианцев тех времен можно назвать «зелеными» (защитниками прав животных), так как пафос их выступлений был обращен против «обычных наших мелких повседневных жестокостей» по отношению к животным, таких, как вивисекция («живосечение»). А.В. Архангельский стал участником конфликта с администрацией Коммерческого училища Колокольниковых, по его мнению, относившейся к вегетарианцам с «фанатической нетерпимостью».

В своем «Письме в редакцию» Архангельский сообщал: «Педагогический совет частного Коммерческого училища Колокольниковых считает совершенно необходимым при прохождении курса естественной истории заставлять учеников делать опыты по препарированию живых существ (червей, лягушек и проч.)... Необходимо заметить, что среди учеников Коммерческого училища есть несколько детей-вегетарианцев, для которых подобные опыты очень тягостны, так как заставляю их переживать нравственные мучения.... Преподаватели не только не считают возможным освобождать таких учеников от практических работ, но и всегда подтрунивают над детьми-вегетарианцами и над нашим учением».

А.В. Архангельский писал, что неоднократно бывал у директора Коммерческого училища и указывал ему на то, что его школа могла бы пойти навстречу «нравственным требованиям» детей-вегетарианцев и вообще должна прекратить приучать детей к жестокости над животными. Но «директор категорически выразился в том смысле, что. опыты по препарированию живых существ совершенно необходимы при прохождении курса, и что ученик,

не подчинившийся требованиям преподавателя, будет удаляться из школы».

Борьба вегетарианцев с «формализмом школы Колокольникова» закончилась тем, что дети, отказывавшиеся присутствовать на вивисекторских опытах, были исключены. Всю первую четверть они «не покорялись и боролись с жестокостью школы», но затем был созван особый педсовет по «делу вегетарианцев», на который вызвали родителей. Подростков защищал преподаватель, которого Архангельский скрыл под инициалом К. «Наш единомышленник-вегетарианец, учитель К.» убеждал главу Наблюдательного совета училища М.И. Колокольникову в том, что мальчики-вегетарианцы лучше учатся и не курят. Колокольникова же «упрямо настаивала, что вегетарианство сделало их более грубыми». Двое мальчиков после педсовета «не смогли продолжать эту неравную борьбу, когда против них вооружились школа и семья». Но кто-то не уступил и был вынужден покинуть училище.

Так, писал Архангельский, «кончилась эта маленькая, незаметная борьба детской души против жестокого мира взрослых. Школа не пощадила нравственных чувств детей и двоих заставила подчиниться своему безнравственному требованию, а других вышвырнула из школы».

Такова история одного мелкого школьного конфликта почти столетней давности между местными вегетарианцами и одним из тюменских частных образовательных учреждений. В этом же году в Европе произошел военный конфликт, положивший начало одной из самых жестоких войн в истории человечества.

Роман в открытках

В 1995 г. один из местных коллекционеров принес в Тюменский областной краеведческий музей записную книжку на 1910 г., испещренную бисерным почерком. Историю появления у него этого предмета коллекционер не рассказал. Из записей узнали имя владельца – Михаил Иванович Иванов, сельский учитель. Не совсем обычная записная книжка, скорее дневник. Трогательные записи о подготовке к венчанию, свадебном путешествии, первых размолвках... Тут же рецепты чернил, список

учеников, загадки, новая карточная игра. Вероятно, многим знакомо чувство, когда в руки попадает захватывающая книга без начала, без конца и автор неизвестен. Нечто подобное испытали и мы.

Спустя несколько лет, будучи по музейным делам в антикварном магазине, просматривала старые открытки. И вдруг на оборотах подписанных замелькали знакомые имена: Михаил Иванов, Серафима, Павла... И ещё: Соня, Лена. Память вернула к концу 1980-х гг.: музей купил сюртуки, жилеты, женский бурнус, пелерины и другие предметы начала XX века у двух сестер – очень пожилых женщин — Елены Михайловны и Серафимы Михайловны Ивановых. Всё, что удалось узнать тогда, — предметы принадлежали их родителям, работавшим учителями в Ялуторовске. Сквозь дымку времени стали проявляться черты наших героев и Время молодости, любви, надежд. Время Счастья.

Материал продиктовал и литературную форму подачи — роман. В нем использованы открытки и записная книжка из архива семьи Ивановых-Пятницких, охватившие небольшой отрезок времени — 1909–1917 гг. Материалы хранятся в фондах Тюменского областного краеведческого музея.

Учителя и учащиеся Юргинского двухклассного училища. 8 сентября 1910 г. Во втором ряду стоят (слева направо): 2-й – Михаил Иванович Иванов, 3-я – Павла Лаврентьевна Иванова.

Дар М.С. Яблокова.

Светлой памяти представителей
учительской династии Ивановых-Пятницких
посвящаем эту публикацию

Роман в открытках

Может быть, самая интересная жизнь – жизнь незамечательных людей. В будущем создадут серию ЖНЛ. Жизнь Незамечательиых Людей. И вот когда в этой серии начнут выходить том за томом, мы и поймем, что людей незамечательных нет.

Е. Богат

Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдаиия наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир стаиут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.

...Музыка играет так весело, так радостно, и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, аачем страдаем... Если бы знать, если бы знать.

А.П.Чехов. **Три сестры**

Глава I. МИХАИЛ.
30 декабря 1909 г.

Пейзаж. Начало XX в. *Фото*

Поздравляю, дорогая Пануша* с Новым годом. Желаю всего, всего наилучшаго. Желаю здоровья, счастья, душевнаго покоя. Дай Бог, чтобы ты еще много встретила «Новых годов» и чтобы надолго осталась такою же хорошею, славною, доброю, с теплым отзывчивым сердцем, какою ты сейчас являешься. Желание мое бескорыстное. Печально — если услышишь лесть, неискренность. Я чувствую себя <так>** себе. От Новаго года «веселаго и радостнаго» мало ожидаю... Твой, любящий бескорыстно Михаил.

* Стиль, орфография и пунктуация оригиналов сохранены.

** <> — расшифровка сокращенных слов.

Начало XX в. *Фото*

Село Юргинское
Ялуторовскаго уезда
Заведыщему двухклассным училищем
Михаилу Ивановичу
Г-ну Иванову

11 апреля 1910 г.
Христос Воскресе!
Дорогой Миша!
Поздравляю тебя с высокоторжественным праздником Светлаго Христова Воскресения. Желаю тебе встретить и провести весело Пасху. Посылаю тебе почтенье, и вся наша семья тебе кланяются. Передай почтение семейству Степану Яковлеву. Ну пока до свиданья. Пиши ответ. Твоя сестра Ольга Иванова.

Г. Ялуторовск
Больничная улица
Павле Лаврентьевне M-lle Пятницкой

25 июня 1910 г.
Получил Ваше письмо. Спасибо. В Ялуторовске буду около 1 июля. Относительно поездки мечтаю, но как обстоятельства... Привет Вам и Вашим родным. Здоров. До скорого свидания. Ваш М. Иванов. Приеду на своих лошадях, с <...>*.

А.И.Куинджи. **Украинская ночь** (Третьяковская галерея). Начало XX в. *Репродукц.*

* <...> — неразборчиво.

Снять мерки на брюки у Оверштейна 9 июня 1910 г. На сюртук – 27 июня 1910. Ш.М.Оверштейнъ. Царская, соб<ственный> д<ом> Тюмень.

У Брюхановых

1) Графин, косячек четвертая величина, без ручки. Цена – 1р. 50 к.

2) Подставка для рюмок средн<его> формата, рисунок – гортензия. Цена – 1р. 75к.

3) $^1/_2$ дюж<ины> мельхиоровых ложек, цена 2 р. 25 к.

4) Никелирован<ный> кофейник, цена 2 р.

7 июля 1910 г.

Был у Евг. Урус. с переговорами относительно венчания.

8 июля 1910 г.

Панушка бегала в собор слушать наше первое брачное оглашение.

12 июля 1910 г.

В 1 час дня в Соборе в Ялутор<овске> с Панушкой повенчались. Приглашены были свидетелями: крест<ьянский> нач<альник> барон Нольк(ф)ен, его письмоводитель, дьякон Громыко и Н.В. Гурьянов. В 6 ч. выехали на Тюмень. Ночевали в <...> в 40 верстах от Тюме<ни> на половине дороги. Приеха<ли> поздно ночью.

13 июля 1910 г.

В Тюмень приехали около 2 ч. дня. К поезду. Ждать долго не пришлось. Места заняли хорошия. Билеты взяли до Перми. Заплатил за 2 14 р. 80 к. (тариф 3 класса). В вагонах душно, пыльно, грязно, несмотря на то, вагоны новые. Некультурная наша публика страшно всюду и везде — загаживает, загрязняет.

14 июля 1910 г.

Ехать надоело. Сегодня в ночь будем в Перми. От жару, духоты и пыли в вагонах у обоих, и особенно у Панухи, разболелись головы. Ждем — не дождемся, когда сядем на пароход. Там надеемся отдохнуть. Послать письмо С<ерафиме> Л<аврентьевне> и нашим в дер<евню> открытку.

15 июля 1910 г.

Приехали в Пермь ночью. Ночью же перешли на пароход. Взяли двухместную каюту №4 на пароход Любимова «Кама». В Перми пробудем целый день до вечера. Пойдем осматривать город. Сходим в баню. Никакого сравнения нет с железною дорогою и поездкою на пароходе. Пить чай будем. Выехали в 9 ч. вечера. В каюте электричество, два дивана.

16—18 июля 1910 г.

Пермь, Нытва, Табор, Оханск, Юго-Камский завод, Оса, Частле(?), Елов, Толстик, Бабка, Усть-Речка, Галев, Сайгатка, Гольяни(?), Сарапул, Камтарка, Н. Березовка, Каракулин, Пьян. Бор, Икск. Устье, Тихие Горы, Челны, Елабуга, Соколки, Кам. Поляны, Вандовка, Берсут(?), Чистополь, Рыбная Слобода, Мурзиха, Лапшев, Богородск, Казань, Козловка, Мариинск. Посад, Чебоксары, Козьмодемьянск, Юрин(?), В.-Сурск, Бармино, Исады, Раб<...>, Кадницы, Безводное, Нижний Новгород.

19 июля 1910 г.

В 5 ч. приехали в Нижний. Были в Пассаже. Останавливались в номерах Симанскаго <...> Любимова. Устали донельзя. В Пассаже торговля только что начинается. Купить ничего не удалось. Запрашивают безобразно дорого.

... июля 1910 г.

Были с Пашуней в Нижнем Новгороде. Купили ручку с механич<еским> карандаш<ом> под названием «Вечное перо», пишущее без чернил. Этою ручкою и писаны эти строки.

Обратно выехали из Нижнего на пароходе «Матрона» Кашиной (?).

20—21 июля 1910 г.

Встречные пароходы:

Выехали на «Матроне».

«Горбатов», «Ярославль», «Друзья Камские», «Великая княгиня Ольга Николаевна», «Ломоносов», «Третий-бр. Кам.», «Самарец» —

букс., «Булычев», «Матильда», «Боревники»(?), «Императрица», «Труд», «Ниагара», «Кашин», «Мукомол» — букс., «Анна», «Крестьянин-собственник», «Минин», «Никандр» — букс., «Лев», «Алексей», «Крестьянин», «Мак», «Покровитель», «Трудящий», «Джигит», «Отец»(?), «Адмирал Нахимов», «Север», «Внук Игоря», «Казань», «К.В. Сорокина», «Василий», «Урал», «Верный Слуга», «Нолинск», «Благодетель», «Вера», «Крым», «Филипп», «Орлов», «Основатель», «Гражданин», «Победоносец», «Волга», «Весть», «Ялик», «Волна», «Химик», «Помошник», «Товарищ», «Димитрий», «Астра», «Братья Зыряновы», «Дельфин».

25 июля 1910 г.

Едем обратно в Тюмень. Выехали из Перми в 6 ч. 27 м. Безпересадочно до Тюмени. Пана злится. Познакомился в новую игру в карты. Играющие получают по 5 карт, сдающий открывает шестую — козыря. Четыре карты в прикуп. Первая рука обязательна, можно прикуп брать, можно и не брать. Тогда следующая рука тоже обязательна. Все играющие имеют по 15 спичек. Ставка коей — по 1 к. и более. Интерес игры заключается в том, чтоб успеть все сдать спички в банк. Каждая взятка — 1 спичка. <...> дают 5 спичек вместо того, чтоб сдавать их в банк. Мушка — игра.

28 июля 1910 г.

В 11 ч. дня приехали в Ялуторовск. Были в бане.

5 августа 1910 г.

Снял мерку на сюртучную тройку у <...> в Ялуторовске. Для сюртука — 3 $^1/_2$ арш. Для брюк — 1 арш. 10 вершк. Для жилета — ...арш. Работа: сюртук и брюки 15 р., с жилетом — 17 р.

10 августа 1910 г.

П<авла> Л<аврентьевна> устроила баталию. От С<ерафимы> Л<аврентьевны> получил незаслуженное оскорбление: «Стыдитесь устраивать смуту в чужой семье!» За что? Не знаю. Чудеса! И все из-за сумасбродства П<авлы> Л<аврентьевны>.

15 августа 1910 г.

Целый день рюмила*. Назвала чужим. Всячески обругала, оскорбила во мне все святое, хорошее... Это так последний день проводим у родных ея. Все нервничают, возмущаются! А я то чем виноват? За что на меня сердиться? Скоро ли все кончится?

* Рюмить — плакать, хныкать по-ребячьи. (В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. — М.: Русский язык, 1980.)

Начало XX в. *Фото*

12 декабря 1910 г.

С днем ангела, уважаемый Михаил Иванович! Желаю Вам прожить много, много лет разумно трудясь и следуя заветам великого вечно-живого – Льва Николаевича. От всей души желаю Вам душевнаго спокойствия, здоровья, — счастья – как Вы его понимаете – и всего, всего лучшаго. Уважающая Вас Сераф<има> Пятницкая. Когда у Вас ёлка? До скораго свидания. Все семейство поздравляют и желают всего хорошаго.

22 декабря 1910 г.

Поздравляю Вас, уважаемый Михаил Иванович, с Рождеством Христа! Желаю Вам отдохнуть в праздник получше. Ура! А как я рада отдыху! Прогим-<назию> отпустили вчера и семинарок также. Приезжайте сразу после елки... почитать, поговорить, отдохнуть. Да, поздравляю — я слышала, что в школе у Вас очень хорошо. Уважающ<ая> Вас С <ерафима> Пятницкая.

Начало XX в. *Фото*

Горат. **Чарующая Природа**
Начало XX в. *Репродукц.*

С. Юргинское Ялуторовского уезда (Почтов. ст. Новозаимская)

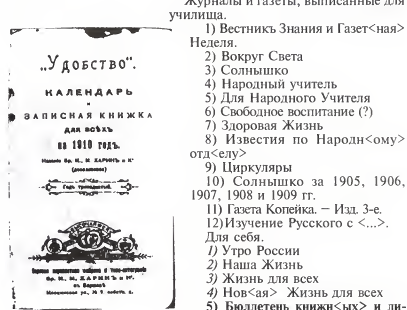
Е<ё> В<ысоко> Б<лагородию> Учительнице Павле Лаврентьеве Г-же Пятницкой

24 декабря 1911 г.

Поздравляем Вас, дорогая Павла, Леноч-

ка и уважаемый Михаил Иванович, с праздником с пожеланиями всего всего лучшаго. Ив<ан> Лавр<ентьевич> уехал гостить. Очень рада отдыху. Накопилось много мелких, но неотложных собственных дел. К новому году пошлю большое-пребольшое письмо. Целую милую Леночку — помни, Павлуша, инструкции относительно ея. Сераф<има> Пятн<ицкая>.

P.S. Мих<аил> Ив<анович>, какие журналы и газеты Вы выписали?



Журналы и газеты, выписанные для училища.

1) Вестникъ Знания и Газет<ная> Неделя.
2) Вокруг Света
3) Солнышко
4) Народный учитель
5) Для Народного Учителя
6) Свободное воспитание (?)
7) Здоровая Жизнь
8) Известия по Народн<ому> отд<елу>
9) Циркуляры
10) Солнышко за 1905, 1906, 1907, 1908 и 1909 гг.
11) Газета Копейка. — Изд. 3-е.
12)Изучение Русского с <...>.

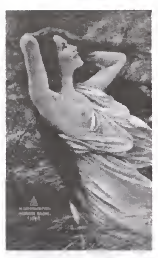
Для себя.

1) Утро России
2) Наша Жизнь
3) Жизнь для всех
4) Нов<ая> Жизнь для всех
5) Бюллетень книжн<ых> и литературн<ых> нов<остей>.

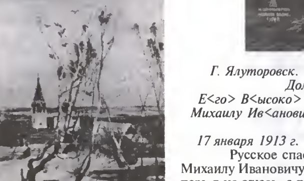
Ялуторовск Тобольской губернии Е<го>
В<ысоко> Б<лагородию> Михаилу Ивановичу Иванову

Сегодня утром получила Ваше письмо, Михаил Иванович. Отвечаю на него открыткой отчасти потому, что боюсь надоесть Вам своими пространными письмами, отчасти же потому, что хочется ответить сегодня же, а сейчас уже очень поздно, около 2-х часов ночи. Сейчас я возвратилась с симфонического концерта. Московский градоначальник устроил 10 симф<онических> кон-

цертов специально для нас, слушателей Курсов и прислал всем нам бесплатные билеты. Сегодня мне и выпала очередь пойти на симф<онический> конц<ерт>. 4 июля у нас кончаться лекции и вечером 4-го же я еду в Казань, а мои милейшие коллеги едут в Питер. Шлю привет Павле Лавр<ентьевне> и Леночке. <...>.



Начало XX в.
Репродукц.



Саврасов. **Грачи прилетели**
Начало XX в. *Репродукц.*

Г. Ялуторовск. Оболенская ул.
Дом г.Пятницкой
Е<го> В<ысоко> Б<лагородию>
Михаилу Ив<ановичу> Г.Иванову

17 января 1913 г.

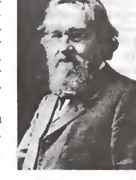
Русское спасибо дорогому Михаилу Ивановичу за память. Теперь я не злюсь, а то хотел накостылять загривок... Сообщаю тяжелую утрату: 16 января от воспал<ения> брюшины умер Ф. Кондратьевич Кузнецов; в субботу его хороним. Ждем ответ владыки хоронить в ц<ерковную>ограду. Читаем со Ст. Як. Потом все опишу. Тетрадки из альманаха нет у меня. Хлынова не получили... P.S. Привет семейству.

Ялуторовск. Тобольской губернии Приходское училище
Михаилу Ивановичу Иванову

Благовещенск
24 июня 1914 г.

Михаил Иванович! Я уже сообщил Вам о результатах экзаменов. Сейчас сидел, перебирал свои письма и вздумал написать

Вам. У меня теперь большая переписка. Переписываюсь с совершенно незнакомыми людьми. Интересно узнавать их мнения, спорить с ними. Дня через два переезжаю на другую квартиру; Адрес мой — Бл<аговещен>ск, Амурская ул. д.№ 222. Поклонитесь от меня Пав<ле> Лавр<ентьевне> и всей Вашей семье. Ваш М. <...>.



Стокгольм: Изд. Акц. Общ-ва «Гранберг».Начало XX в.

Глава II. СЕРАФИМА (САРА)

Начало XX в. *Фото*

22 декабря 1910 г.

Поздравляю тебя, дорогая Павла, с Рождеством Христа и желаю всего хорошаго. Все наши кланяются и ждут. Ждем — приезжайте сразу после елки. Целую и желаю тебя повидать — как можно скорее. С. Пятницкая.

У нас идет головокружительная приборка, что я не терплю.

Город Ялуторовск
Учительнице женской прогимназии Серафиме Лаврентьевне Пятницкой

Поздравляю Вас Серафима Лаврентьевна с Рождеством Христовым и наступающим Новым годом и желаю провести очень, очень весело! Изви-

Начало XX в. *Ил.*

ните что я написала плохо я начала писать неверно первое слово; это я нечаянно.

Russie (Россия)
Западная Сибирь
гор. Ялуторовск
Тобольской губернии
Е<ё> В<ысокоро-
дию> Людмиле
Лаврентьевне Г-же
Пятницкой

Berlin. Unter den Linden
Palais Kaiser Wilhelms I. —
Германия. Начало XX в. *Фото*

Берлин.
13 июня 1911 г.
Здравствуйте дорогие мои! Уже 3 дня как в Берлине; проехал<и> и осмотрел<и> Варшаву; вообще впечатлений масса разбираться некогда. Музеи, школы, сады, парки, дворцы и т.д. Живем в комфортабельном отеле на одной из главных улиц. Стол сытный, отличный. Группа наша дружная. Большинство учащие. Здесь хочу размочить немного денег. Времени свободного <...> нет и покупать некогда. Я совершенно здорова и бодра душою; с жадностью все воспринимаю. Сераф<има> Пятницкая. Напишу еще из Вены.

Leipzig. Universitat. — Лейпциг.
Начало XX в. *Ил.*

Швейцария.
22 июня 1911 г.
Привет Вам с горы, с Эльбы! Миновали уже и Берлин и Лейпциг многое другое! Вчера приехали на пароходе.

Russland Западная Сибирь. Г. Ялуторовск Тобольской губернии Е<ё> В<ысокородию> Людмиле Лаврентьевне Г-же Пятницкой

Горы Богемск. Швейцар., местечко Эрнскретчен (?)

Berrnskretschen. Bohm. Schweiz. — Германия. 1908. *Фото*

23 июня-5 июля 1911 г.

Приветствую Вас, Золотые мои, с гор, с Эльбы. На открытке изображен наш отель, прямо внизу шумит Эльба. В Берлине, Лейпциге и др<угих> городах была использована каждая минутка и их я в век не забуду. Теперь целые дни лазаем по горам, катаемся на лодках. Руководители везде люди чудные. Жаль, что нашему путешествию уже не больше $2\,^{1}/_{2}$ <...>. Люди в группе все славные. Еще напишу несколько писем. Ваша С<ерафима> Пятниц <кая>. Мама благослови меня. Целую Лелечку.

Россия.
Начало XX в. *Ил.*

Г. Ялуторовск Е<ё> В<ысоко> Б<лагородию> Серафиме Лаврентьевне Пятницкой

25 июля 1911 г.

Поздравляю дорогую Серафиму Лаврентьевну с днем ангела, желаю здоровья и навсегда остаться такой же милой, доброй, хорошей. Простите меня: я не сдержала обещания, данного Вам. Это не так легко, как я думала. Это трудно, очень трудно. Но я стараюсь и буду стараться. Любящая Вас Г.С.

Сибирь, Ялуторовск, Ея Высокородию Серафиме Лаврентьевне Пятницкой

Житомир, Крошенская. 8 января 1912 г.

С Новым Годом! Милая Серафима Лаврентьевна! Мне очень приятно получить от Вас весточку. Забыть Вас не могу, как не

Бем Е. Париж, изд. И.Лапина. Начало XX в. *Ил.*

забывают милый полевой цветок, как не забывают природу, которую Вы так любили и которая так мне всегда Вас напоминает. И тихих вечеров и Вас не забыла, милая, чистая девушка! И если Вы хотите мне написать, поделиться со мной Вашими мыслями, то я очень буду рада получить Ваше письмо. Если я не первая Вас поздравила, то только потому, что очень была занята и потому, что не уверена была в том, как примут мое послание. Ув<ажающая> Вас И.К<...>. С кем Вы ведете переписку? Мне некоторые пишут.

Начало XX в. *Фото*

Г. Москва Девичье поле, Трубской переулок дом № 6 квартира № 13. Получить Серафиме Лаврентьевне M-lle Пятницкой.

1 октября 1913 г.

Здравствуйте!!!! Дорогая Серафима Лаврентьевна. Спосибо вам большое за адрес, как мы все обрадовались когда получили, спасибо. Написала бы полнее да негде. От Семеновой.

Германия. Начало XX в. *Фото*

Милой учительнице. На память. За ея доброту. От Павлы Панкратовой.

Г. Москва. Девичье поле. Трубской переулок дом № 6-ой квартира № 13-ый. Получить С.Л. Пятнитской.

1 октября 1913 г.

Письмо 1го октября 1913 года. Здравствуй дорогая моя. Серафима Лаврентьевна. Кланеюся низающий поклон и желаю всего хорошего. Серафима Лаврентьевна мы уже выучили имя существительное и имя прилагательное, а учительницы. у нас нет. А без вас нам очень скучно. Серафима Лаврентьевна напишите мне. Хотя недоплатное. И я здесь уплочу. Писала любящая тебя Лиза Кимеева.

Начало XX в. Фото.

Г. Москва, Девичье поле, Трубецкой переулок дом № 6-й квартира № 13-й Серафиме Лаврентьевне Пятницкой.

2 октября 1913 г.

Здравствуйте многоуважаемая Серафима Лаврентьевна. Шлю сердечный привет. Желаю всего хорошаго особенно здоровья и хороших успехов. Серафима Лаврентьевна у нас без Вас не было еще ни одного изложения, а диктант был вскоре после Вас и я сделала 4 ошибки учительницы все еще нет и с нами занимается Л.Л. До свидание. Любящая Вас бывшая ученица Ваша Зоя Пирожникова. 2 класс.

Начало XX в. Фото.

Г. Москва, Малый Знаменский переулок, д № 7, кв. 47. Ее Высокородию Елизавете Владимировне Г-же Лавровой Прошу очень передать *Серафиме Лаврентьевне Г-же Пятницкой.*

Апрель 1914 г.

Милая и дорогая Серафима Лаврентьевна, Христос Воскресе! Христос Воскресе! Крепко целую Вас, дорогая и поздравляю с праздником Пасхи, который от души желаю Вам встретить и провести в

П. Соколов. **Родины в поле**
Начало XX в. *Репродукц.*

радости и добром здоровьи. Мне так хотелось Вам написать большое-большое письмо, но не смела отрывать Вас от работы, по себе зная, как дорого бывает иногда рабочее время. Радуюсь за Вас, что ученье Ваше идет прекрасно, и с удовольствием предвкушаю, как мы вместе проведем с Вами время летом. Пишите, когда кончатся у Вас занятия, и когда Вы собираетесь к нам. Крепко целую Вас и шлю только самые лучшие пожелания. Будьте здоровы. Ваша Е<...>.

A. Rigolot. **Утро.** Начало XX в.

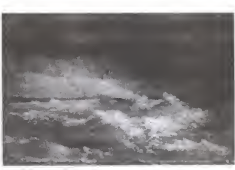
Г. Москва, Плющиха, 1й Воздвиженский переулок Дом № 18, квартира № 3. Серафиме Лаврентьевне Пятницкой.

8 апреля 1914 г.
Милая Серафима Лаврентьевна!!!!!!! Поздравляю Вас с праздником Святой Пасхи и желаю всего хорошаго. Учусь я кругом на 4 кроме географии; во все четверти отметки одинаковыя. География конечно не 2, а 3. Напишите мне если можно. Люб<ящая> Вас. Ольга Копейкина.

Г. Москва, Плющиха, 1й Воздвиженский переулок. Дом № 18-й, квар. № 3. Серафиме Лаврентьевне М-lle Пятницкой.

21 апреля 1914 г.
Христос Воскресе! Многоуважаемая Серафима Лаврентьевна. Как вы поживаете и как учитесь? Я ничего покаместь. Приезжал к нам

в Ялуторовск Архиерей, но не был в прогимназии. Так что мы все перепугались. Начали молитвы учить. По русскому стала очень редко получать двойки. Теперь, Серафима Лаврентьевна, учу, учу по русскому по устному и все неладно. А при Вас бы так учились так все бы хвалили нас. Теперь каюсь я, что не могла тогда учить, когда было можно.



И.К.Айвазовский. **Прибой близ Биарица.** Начало XX в. *Репродукц.*

То когда проговорим целый урок с О.М., то когда <кричим> не на милость Божию. <Тетрада> по 1 <...> держит. Часто вспоминаем Вас. Остаюсь уважающая Вас Свалова (из Ялуторовска).

На качелях в праздник. — СПб.: Изд. «Ришар». Начало XX в. *Репродукц.*

Г. Ялуторовск Тобольской губернии Е<ё> В<ысоко> Б<лагоро>дию Людмиле Лаврентьевне Пятницкой.

28 марта 1917 г.

Христос Воскресе, мои дорогия! Письмо пошлю завтра. Крепко целую всех. У дорогой мамы прошу благословения. С<ерафима> Пятницкая. <...>.

Благовещенский завод Уфимской губернии Троицкая ул., дом 55, Серафиме Лаврентьевне Пятницкой.

Ялуторовск. *19 декабря 1917 г.*

Шлю привет и праздничные поздравления Вам, многоуважаемая Серафима Лаврентьевна, из Ялуторовска, куда прибыл сегод-

Начало XX в. *Фото*

ня в 2 ч. утра. Всех нашел здоровыми и находящимися в благополучии. Девочки здоровы. Ночью же декламировали мне стихотворения... Я поразился памятью обеих: запомнили большие стихотворения. Очень жалею, что меня не предупредили о Вашем проезде через Екатеринбург, я пришел бы на вокзал. Пана ушла отпускать на каникулы своих учеников. Девочки играют. Все приветствуют Вас. Желаю Вам здоровья, благополучия, успеха и всего, что желаете себе. Да хранит Вас Небо(?). М. Иванов.

(Окончание в следующем номере).

* * *

Глубокоуважаемый Юрий Лукич!

Сообщаю Вам сведения по поводу рукописи Михаила Степановича Знаменского. Его «Дневник за 1862–1863 гг.» (Ф. 683. Ед. хр. 1) поступил в Пушкинский Дом в 1961 г. (поступление 1961 г., №53) И.С. Абрамова. Рукопись представляет собой самодельную тетрадь; писана чернилами. Объем — 86 л. Помимо этого документа в фонде есть еще: «Записки» М.С. Знаменского (207 л.) (Ф. 683, Ед. хр. 1); печатный оттиск его сибирских очерков «Исчезнувшие люди» (Ед. хр. 3); печатный оттиск «Воспоминаний: Детство среди декабристов» (Ед. хр. 4) и др. печатные документы. Есть также рукопись его статьи «Климат Сибири» (Ед. хр. № 7; 3 л.); рисунки его (Ед. хр. 8; 7 л.); список его картин (Ед. хр. 9; 5 л.); письма к родителям (Ед. хр. 10; 10 л.); письмо матери к нему (Ед. хр. 11; 1 л.); фотография (Ед. хр. 12; 3 л.); фотографии родных лиц (Ед. хр. 13; 69 л.); «Воспоминания детства» Александры Степановны Знаменской (Ед. хр. 14; 3 л.); и др. документы. Всего в фонде 19 единиц хранения.

Фонд числится официально не обработанным, хотя единицы хранения в нем сформированы. Описи на сегодня нет. Поэтому Вы и не нашли в каталоге карточки на эти документы.

Спасибо еще раз за подарок — П.А. Городцова. Я внимательно просмотрела это издание. Более того — написала для журнала «Русская литература» рецензию. Конечно, у меня есть замечания. Но главное — издано (хоть и не полностью) сказочное собрание забытого собирателя русского фольклора. Благодаря этому изданию произошло воскрешение имени одного из любителей «живой старины». Думаю, рецензия выйдет в № 3 «Русской литературы» (осенью).

Попутно вопрос: В. Темплинг — это он или она? Как склоняется эта фамилия? Если не трудно, черкните мне по этому поводу. Я пишу об авторе статьи как о нем, а вдруг это женщина?

Всего Вам самого доброго.

С уважением

Иванова Татьяна Григорьевна.

5.03.2002 г.

* * *

Гасится свет в зале. Остаётся только на сцене.

Трое подходят к столу, начинают доставать причиндалы. Звучит «умани-падни-хум»...[1]

[1] С этой сцены началось посвящение редактора журнала «Лукич» в рыцари ордена краеведения, которое состоялось 28 марта н.г. Сценарий Н. Горскиной, В. Самойлика и В. Чупина печатается без изменений, но с комментариями.

Магистратурой ордена краеведения принято решение и доверено нам совершение этого таинственного мистического рыцарского обряда.

Мандрика Юрий Лукич, член партии до 1982 года[1].

Для внесения в рыцарский реестр необходимо сделать некоторые замеры фактуры.

1. Параметры.

Самойлик рулеткой делает замер головы. Горскина говорит: «Очень доброе лицо». Горскина записывает в блокнот.

2. Свойства.

Самойлик и Горскина делают замеры плеч, талии, бедер, общий рост и этого... После каждого замера Самойлик говорит: «50, 50, 50, 50». Горскина пишет.

Параметры и свойства, а также и размеры соответствуют установленным нормативам. Приступаем к таинству обряда.

На словах «Духовной жаждою томим...» **зажигаются свеча, уголек, палочка.**

Самойлик и Горскина (мандарияки)[2] надевают «сакральную одежду» на себя, мантию — на Чупина. Чупин надевает головной убор. Мандарияки кладут по мандарину в карманы брюк Мандрики. Чупин берет топор.

Самойлик начинает вынимать бутылки и прочее. Из фляжки наливает в рюмку и на поддоне-пепельнице держит наготове.

Мандрика! Поскольку вся твоя предшествующая жизнь являет собой образец рыцарского служения высокой идее, то мы не спрашиваем тебя, хочешь ли ты, согласен ли ты, готов ли ты вступить в орден и стать рыцарем.

Заклинание: «И он мне грудь рассек мечом и сердце трепетное вынул и угль, пылающий огнём, во грудь отверзтую водвинул. (Ложиться не обязательно)».

На этих словах топором символически рассекается грудь посвящаемого и на неё зажимом от шторных карнизов прицепляется контур Тюменской области.

— На колени!

Мандрика! Стоя на коленях, ты только что принял на грудь... свою... Тюменскую область.

Прими на грудь ещё и это, непосредственно *(Самойлик подносит рюмку на поддоне. Мандр[3] выпивает).*

[1] Авторы несколько ошибаются. До 1991 г.

[2] Скорее всего, треть-автор Чупин этим словом обзывает почитателей производственной деятельности Ю. Мандрики.

[3] **Версия Чупина.** Он набирал сценарий в Worde. Программа все время подчеркивала красной линией фамилию героя текста, сигнализируя: в слове ошибка. Валера не доверился своей памяти и решил найти истинное на-

Отныне и вовеки в груди твоей будет биться Она, которая, по мудрому замечанию одного из твоих, присуст...щщих здесь авторов, похожа на сердце.

Мантия надевается на Мандрику, закрепляется бельевым зажимом. Мандрика встает на колено. Чупин бьёт его по голове топором, по шее топором, по жопе гвоздодёром. Самойлик поёт «Мандрика-Яха![1]», «Мандрика-Ёпто![2]»

— Встань! Мандрика! И произнеси клятву рыцаря

Клятва рыцаря

Я, Мандрика Юрий Лукич, клянусь *(Мандр повторяет)* печатным станком Пермской[3] типографии, здоровьем грантодателей[4], клавиатурой Нохриной[5] и скоростью чтения Дистановой[6] по-рыцарски рыться в архивах, сундуках, библиотеках и чердаках. Неутомимо утомлять потомков-наследников культурно-историко-литературного наследства. Невзирая на их сумасшествие и прочие тараканы продолжать реституировать[7] накопленные ими сокровища. Клянусь!

Обещаю, не щадя живота своего, бороться с фискальными[8] и брандмейстерскими конторами и прочими темными силами, гнетущими тебя и нас. Клянусь!

писание имени будущего рыцаря. Компьютерный орфографический словарь его подсказал. Так появился на свет Мандр.

[1, 2] В свое время С. Пархимович обнаружил наименования Мандрикъяха, Мандрикъепьто и Мандрикмалто на карте Ямала. *Подробнее см.*: Лукич. 2000. №6. С. 160.

[3] В день презентации книги С. Кубочкина «Тычковка. Сараи. Потаскуй...» несколько книг издательства Юрия Мандрики печаталось в типографии пермской «Звезды».

[4] Книга С. Кубочкина «Тычковка. Сараи. Потаскуй...» издана благодаря гранту губернатора Тюменской области С.С. Собянина, хотя грант выиграла заявка Чупина. Но книга последнего, увы, пока на дне чернильницы...

[5] Нохрина — это такая девушка, которая работает у нас машинисткой и у которой ударение в фамилии падает на «о», но отнюдь не на последней «а», как пытаются произнести ее некоторые авторы, чьи рукописи попали ей под руку. Наша Натали (с ударением на «и») успевает одновременно набивать очередную книгу, разговаривать со всеми присутствующими в комнате и даже переписывать на свой манер очередного автора.

[6] Книга С. Кубочкина «Тычковка. Сараи. Потаскуй...» сдавалась традиционно, в авральном порядке. С 1 января 2002 г. вводили НДС на книги. Поэтому стремились сэкономить 20% за печать. Корректор Марина Дистанова читала книгу ну очень быстро. К тому же качественно.

[7] В журнале «Лукич» существует постоянная рубрика «реституция перемещенных ценностей», под которой помещаются рукописи, «уплывшие» однажды в известное далёко: Москву или С.-Петербург. Исключительно с целью сохранности.

[8] Авторы сценария вспоминают грустную историю «СофтДизайна» с неначисленным подоходным налогом на приобретенное имущество у авторов издательства. Тогда налоговикам оказалось легче похоронить богатое пред-

Обещаю до последней капли крови мочить графоманов[1] — людей пишущих, старых куриц[2] и немецких буржуев[3], отказывая им в рыцарском снисхождении на троих. Клянусь!

Обещаю всем присутствующим беспрепятственный доступ на ватер-клозет-пьедестал[4] в доме по ул. Республики, 10.

Клянусь, что холодильник, за которым живёт черепашка[5], всегда будет полон и приоткрыт для убогих голодных интеллигентствующих индивидуумов[6]. Клянусь!

Клянусь никого не оставлять в состоянии творческого покоя[7]. Клянусь не вынимать гвоздя из того места, в котором он

приятие, нежели связываться с физическими лицами. Закон что дышло. Особенно налоговый...

[1] Журнал «Лукич», да и его авторы (Пархимович etc.), всегда относился жестко к слабым произведениям. Однажды Сергей Филь, получив отказ в публикации в журнале своего очередного панегирика в адрес единственных покорителей Сибири — поляков, вспомнил прошлое редактора статьи, обозвав его пьяницей и не способным к восприятию гениальных открытий века. За что был спущен с лестницы. И надолго. Но никак не намочен, как утверждают авторы сценария.

[2] Как-то краевед в обличье женщины начал просить редактора журнала пристроить ее статью в краеведческий сборник. Памятуя о научных подвигах женщины той, Лукич ласково ответил: «Вы же и курица». Женщина долго всем рассказывала с нескрываемым садомазохизмом: «Он меня курицей обозвал». Она не вспомнила старую русскую пословицу: «Курочка по зернышку клюет...». А докторскую диссертацию наклевала...

[3] Здесь авторы, очевидно, намекают на немецкое происхождение автора «Лукича» Володи Темплинга. Как-то редактор предложил ему написать что-нибудь в номер, разумеется, за авторский гонорар, пусть и небольшой. На что маститый доцент ответил: «Мне и бесплатной работы хватает». Ну чем не буржуин?

[4] Это сложное слово не подлежит комментированию, поскольку нет в других языках мира ничего подобного, с помощью чего можно объяснить нечто, находящееся в конторе по Республики, 10.

[5] Поскольку Юрий Лукич всегда на работе, то единственным утешением в доме, существом, выскакивающим навстречу возвращающейся с работы хозяйке, является черепашка Машка, вечно живущая за холодильником. Сколько последнему лет, столько Машка там и живет...

[6] Мы возвращаемся снова к холодильнику, но к другому. Поскольку Любовь Павловна все время борется с весом собственного мужа, в ее холодильнике почти ничего не бывает. Он исполняет скорее декоративную функцию, кроме того, служит убежищем для Машки. Особенно зимой. Так что авторы сценария здесь напутали. Путники, забредающие в подвал по Республики, 10, бывают кормлены из маленького холодильника, в котором хозяин хранит запасы на случай, если его не покормят в «верхнем мире».

[7] Это Чупин о себе. Чтобы заставить Валеру написать что-то в журнал, надо обязательно ходить к нему по ночам и нарушать его творческое одиночество. В последний раз хозяин деревяшки по Болотникова был выведен из себя ночным гостем, редактором журнала: «Вы мне надоели...». И, помедлив минуту, сменил гнев на милость: «...как юридическое лицо».

ныне находится. Клянусь! *(Горскина и Самойлик выносят и надевают на Мандрику шлем. Чупин ставит Мандра на колено и бьет по башке, шее и жопе. Самойлик начинает активно переливать в бутылках и мензурках).*

На колени!

Господин рыцарь!

Как голова есть главнейшая часть человеческого тела, так и шлем — её изображение — есть главнейшая часть рыцарских доспехов. Так как голова есть твердыня, в которой пребывают все душевные способности, то покрывающему голову этим шлемом не должно предпринимать ничего, что не было бы справедливо, смело, славно и высоко. Не употребляй этого доблестного украшения головы на низкие, ничтожные деяния, а старайся увенчать его не только рыцарским венцом, но и короной славы, которая да дастся тебе в награду за доблести. Клянусь!

Да сохранишь ты под своим знаменем дисциплину и порядок, да не допустишь ты разорения жатв и виноградников, да будет наказан тобою тот, кто убьёт курицу вдовы или собаку пастуха. Если во время начатого подвига кто-нибудь предупредит тебя, что ты идёшь по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведёт в какое-нибудь нехорошее место, откуда путнику нет возврата, да не обратишься ты вспять, но да продолжишь путь свой, лишь бы была польза от такого предприятия для твоих сограждан. Клянусь!

Клянусь нести людям свет и открывать им глаза! Чтобы не стал человек быть без памяти, чтобы не перестал он быть человеком! Клянусь!

Ежели я нарушу эту священную клятву, пусть меня покарает топор Горскиной, молот Самойлика и гвоздодёр Чупина, путь Кухтерин[1] никогда ради меня не взмахнёт кистью, пусть никто не ответит мне на вопрос «Прошу прощения. Я где?»[2], пусть цвет моего журнала

[1] Саша Кухтерин — хороший художник, но немножко мрачный. Таким его сделала керамика, которой он увлекается (т.н. профессиональная деформация). Под каким бы именем ни существовало издательство, Саша всегда был на страже его имиджа. И оно благодарно художнику. Правда, иногда Кухтерина накручивают: «Тебя издатель обманывает». И Саша начинает бухтеть, что платят ему мало. Он забывает, что публичность стоит дорого. Книжная реклама дала Саше возможность отыскать новое место под солнцем. Его теперь «снимают» для оформления квартирных туалетов. Дорогая работа, но которую всегда смогут увидеть лишь два-три человека.

[2] Достаточно старая смешная история, как Юрий Лукич с Анатолием Константиновичем напились пива. Вначале в «Максиме», потом в «Белой сове», потом снова в «Максиме». И все в один вечер. Возвращаясь домой, Юрий Лукич на автомате прошел мимо оного, дошел до чупинской двухэтажки, открытой круглые сутки всем ветрам. А по утру проснувшись, никак не мог понять, где он.

никогда не станет шафрановым[1]. Клянусь! Клянусь! Клянусь! *(Чупин в 3-й раз бьет Мандрику по голове, шее и жопе).*

Я вручаю тебе это оружие, чтобы ты всегда мог защитить себя и своих близких, в том числе других рыцарей и членов-корреспондентов Ордена[2], чтобы ты мог победить всех своих неприятелей, внешних и внутренних, и чтобы ты пользовался этим оружием трезво, мудро и справедливо. Жажда прибыли или благодарности, любви к почестям, гордость и мщение да не руководят твоими поступками, но да будут они везде и во всём вдохновляемы честью и правдой.

Для зачтения текста рыцарского сертификата и для вручения его рыцарю вызывается действительный член Ордена краеведения рыцарь Белобородов.

Белобородов читает (вручает):

«Сертификат ордена краеведения.

Выдан Мандрике Юрию Лукичу. Настоящим удостоверяется, что вышеупомянутый действительно является рыцарем ордена краеведения. Рыцарское достоинство дается указанному лицу на вечные времена и является неотъемлемым. В качестве родовых угодий за вновь выявленным рыцарем закрепляются территории вдоль водоемов Мандрика-Епто и Мандрика-Яха.

Секретариат Магистратуры ордена краеведения. 28 марта 2002 г.

1. Обладатель сертификата имеет право самостоятельного производства рыцарей. 2. Действительно при предъявлении документа, удостоверяющего личность трех свидетелей».

Самойлик подает Чупину чашу. Чупин подносит её Мандрике и мажет кисточкой ему губы (Мандрика слизывает с жадностью).

Пусть никогда не настанет такое время, когда бы ты не смог омочить свои губы этой жизненной водой *(Мандрика повторяет).*

Чашу[3] вручают Мандру.

Предлагается налить бокалы за здоровье вновь явленного рыцаря ордена краеведения.

То ли в Германии, то ли еще где-то. Выбравшись из-под одеяла, Лукич деликатно решил поинтересоваться некоторыми жизненными обстоятельствами: «Простите, а где я?». Высунувшаяся из-под одеяла с кошачьего дивана рожа нахально чупинским голосом ответила: «Где? Где? В Караганде...».

[1] Журнал «Лукич» ежегодно меняет свою окраску, как хамелеон. Однажды он был шафрановым. Но эту историю лучше читать по первоисточнику. *См. лучше*: Лукич. 1999. №2. С. 160.

[2] На вечере посвящения в рыцари членами-корреспондентами стали Рогачев (сам), Пархимович (муж.), Горбачева (из университета), Сургутскова (самая обаятельная женщина Югры), Пуртовы (оба соавторы), Чупин, Кубочкин (в честь книжки которого и была затеяна презентация, на которой свершилось вышеописанное действо) и, конечно, славный Петрушин.

[3] На чаше выгравировано: «Рыцарь Лукич. 28 марта 2002 г.»

* * *

Живет в Тюмени тихий спокойный Павел Федорович Черных, автор множества книжек о «беспримерном подвиге простых людей на фронте и в тылу, когда приходилось одолевать фашистских нашественников», к тому же ныне еще и член Союза российских писателей. Практически ежегодно ему удается найти бюджетные или какие-то спонсорские деньги для издания очередной своей книжки. Предыдущее издание «Во имя Победы» вышло, несмотря на условия договора, урезанным вполовину тиражом: в издательстве решили, что сии произведения должны быть доступны как можно меньшему количеству людей.

Книга «Немеркнущий подвиг» снова издана на деньги депутатов областной Думы. Тема сборника, конечно, священна. Но такие стихи могут писать, видимо, только члены Союза российских писателей:

Осознал боец в свой час последний:
Как-то там теперь его семья.
И одним из ярких сновидений
В небыль жизнь вторгается сама.

Это не отредактировать и не переписать! Как депутатам Думы объяснить: не должно издаваться такое никогда! Но у нас издают...

Естественно, и отношение к книжке в издательстве было соответствующее. К тому же оригинал-макет сдавали в типографию в авральном порядке. Когда книга появилась в свет, ее вручили автору. Последний появился в издательстве через несколько дней, сунул редактору огрызок листочка и попросил: «Будете рассылать обязательные экземпляры — исправьте, пожалуйста...».

Страничка была разделена на две половинки:

	Напечатано	*Нужно*
С. 48	Враг победит	Враг побит
С. 56	Не в блок метнуться	Не вбок метнуться
С. 57	Частокровностью	Чистокровностью
С. 58	Армейский вкус	Арийский вкус
С. 69	О вымирании молиться	О выживании молиться
С. 119	Пять земли	Пядь земли

Всех ошибок было 15. Мы решили привести самые смешные (хотя автору явно не до смеху). Редактор, посмотрев все это корректорское безобразие, заявил:

— Это что? Вот в книге Мищенко* есть даже вложенная страничка с допущенными опечатками. Там есть гениальнейшая ошибка: «Напечатано — Пукин. Следует читать — Пушкин».

---

* *Мищенко А.П.* Словник. Екатеринбург, 2000. С. 9.

В редакции имеются номера журнала за предыдущие годы. Обращаться: ул. Республики, 10.

Тел.: 25-12-84